

В.Н. ШКУНОВ

**ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ СТРАН
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
И ТОРГОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ
РОССИИ
В XVIII–XIX ВВ.**

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ПОВОЛЖСКИЙ ФИЛИАЛ

В.Н. ШКУНОВ

**ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ СТРАН
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
И ТОРГОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ
В XVIII – XIX вв.**

Ульяновск
2014

УДК 94(470)+72.01.09

ББК 65.03+63.3(3)

Ш67

*Рекомендовано к изданию комиссией Поволжского филиала
Института российской истории РАН по присвоению грифа
(выписка из протокола заседания от 04.08.2014 г)*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор

Ю.П. Аншаков (г. Самара),

доктор исторических наук, профессор

И.А. Чуканов (г. Ульяновск)

Шкунов, В.Н.

Ш67 Внешняя торговля стран Юго-Восточной Азии и торговые интересы России в XVIII – XIX вв. : моногр. / В.Н. Шкунов. – Ульяновск : УлГУ, 2014. – 200 с.

ISBN – 978-5-88866-573-2

Монография посвящена истории внешнеторговых связей стран Юго-Восточной Азии на протяжении XVIII-XIX вв. Особое внимание уделено внешнеторговым интересам Российской империи в этом регионе Востока в рассматриваемый период. Текст иллюстрирован дореволюционными фотографиями и рисунками, извлеченными из отечественных и зарубежных источников. Многие из них публикуются впервые, спустя десятилетия.

Настоящее издание будет полезным для исследователей экономической истории стран Востока и России, докторантам, аспирантам, магистрантам – всем, кто интересуется историей Отечества и государств Азии.

УДК 94(470)+72.01.09

ББК 65.03+63.3(3)

ISBN – 978-5-88866-573-2

© Шкунов В.Н., 2014

© Ульяновский государственный
университет, 2014

ВВЕДЕНИЕ

XVIII век стал во многом переломным периодом в истории народов Юго-Восточной Азии. Обострившаяся борьба ведущих колониальных держав за укрепление своих позиций в разных регионах мира отразилась и на юго-востоке Азии. За сравнительно короткое время народы этого обширного макрорегиона оказались вовлеченными в колоссальный по своим масштабам мировой товарообмен, а неизвестные для европейцев районы Юго-Восточной Азии стали местом добычи ценных полезных ископаемых, лесозаготовок, продвижения европейских изделий.

Вовлечение стран Юго-Восточной Азии в мировую торговлю осуществлялось параллельно с укреплением позиций ведущих европейских держав в Индии и Китае – стратегически важных с геополитической и торгово-экономической точки зрения государств Востока. Не случайно крупные потоки товаров из Юго-Восточной Азии на протяжении XVIII – XIX вв. проходили именно через Индию и Китай. Здесь находились важнейшие морские порты, складочные места, офисы торговых компаний и многое другое. О расширении импорта в Российскую империю различных товаров из стран Юго-Восточной Азии свидетельствовал «Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме тех, кои состоят в губерниях Астраханской, Оренбургской, Тобольской, Иркутской и в Грузии» [Общий тариф, 1822]. В перечне товаров, облагаемых таможенными пошлинами, значились ценные породы деревьев («тертые», в поленьях и чурках, деловая древесина и т.д.), жемчуг, индиго, различные драгоценные камни, кораллы (корольки), кофе, разнообразные специи (куркума, имбирь и пр.), пенька (скорее всего, манильская. – В.Ш.), благовония, олово, перламутр, фрукты (ананасы и пр.) и орехи (ост-индские ко-

косы), чай, черепаховая кость, шелк и шелковые изделия, полушелковые ткани, многочисленные растительные лекарственные препараты

Весь рассматриваемый период – это время колониальных захватов, столкновений европейских держав за влияние в регионе, физическое закрепление своего присутствия и могущества в разных уголках Юго-Восточной Азии. Именно в это время основываются новые торговые фактории, закладываются порты и города, строятся административные и торговые здания, ведется масштабное строительство христианских храмов и т.д. Процесс торгово-экономического утверждения европейских держав в Юго-Восточной Азии носил противоречивый, многовекторный и сложный характер. С одной стороны, многие народы и монархии региона теряли независимость, попадали под полный контроль англичан, французов и представителей иных европейских наций, а, с другой стороны, открывали для себя много нового, до сих пор неизвестного, связанного с европейской культурой и цивилизацией.

Уже в XVIII веке товары из стран Юго-Восточной Азии благодаря европейским торговым компаниям стали распространяться по всему миру. Из Европы (в основном из Испании, Нидерландов, Франции и Великобритании) они реэкспортом попадали и в пределы Российской империи. Вторым каналом доставки этих товаров служили Индия и Китай. Через территорию этих стран они доставлялись в ханства Средней Азии, а также на российско-китайскую границу. В середине и во второй половине XIX в. изделия и сырье из стран Юго-Восточной Азии стали закупаться на месте российскими предпринимателями, либо специально, либо «по случаю». На протяжении всего рассматриваемого периода торговые связи Российской империи с большинством стран и народов Юго-Восточной Азии носили эпизодический характер и не были официально урегулированы международными договорами. Лишь в последней четверти XIX века установились более-менее систематические внешнеторговые связи России с отдельными государствами региона, были заключены двусторонние торговые договора.

Первые сведения о внешнеторговых отношениях стран Юго-Восточной Азии появились в Российской империи во второй половине XVIII века. В трудах М.Д. Чулкова есть упоминания о внешней торговле Испании, а также о товарах, привозимых испанскими торговцами из Юго-

Восточной Азии. Через товары из Юго-Восточной Азии российские поданные узнавали этот регион мира.

С середины XIX века краткие сведения о странах и народах Юго-Восточной Азии появлялись на страницах журнала «Морской сборник», где, в частности, приводились данные о заходах российских судов в местные порты. Статьи о событиях в Юго-Восточной Азии (в основном переводные) публиковались и в других российских журналах («Всемирная иллюстрация», «Русский вестник» и др.). Краткие сведения о внешнеторговых связях государств региона содержались в монографиях Г. Небольсина, А. Семенова и других отечественных исследователей.

К концу XIX века во многих публикациях определялась особая миссия России по отношению к Востоку, давалась оценка перспектив торгово-экономического сотрудничества с ними. Так, В. Григорьев в небольшой по объему работе отмечал: «Какой же народ в продолжение исторического существования своего имел больше связей, знакомство с азиатцами старейшее, как не наш, с незапамятных времен соседствовавший, воевавший и торговавший с ними?» [Григорьев, В., 1840, с.8]. Об особой значимости Востока для России, особенно с торгово-экономической точки зрения, писали и другие авторы.

К середине XIX века одним из важнейших торговых центров, через который поступали товары из стран Юго-Восточной Азии, стала Одесса. По сведениям, которые привел Г.П. Небольсин в своей монографии, в Одесский порт поступали следующие товары: шелк-сырец, индиго, сандал, шелковые изделия, чай, кофе, фрукты свежие и сухие, сахар, гумми, пробка и пр. [Небольсин, Г.П., с.79]. Из Одессы эти товары расходились в разные регионы Российской империи: в Москву, Нижний Новгород, Подольскую, Волынскую, Херсонскую, Екатеринославскую, Слободско-Украинскую губернии, а также в Бессарабию и т.д. В основном восточные товары сбывались оптом на крупнейших ярмарках (Нижегородской, Курской Коренной, Харьковской, Роменской, Кременчугской и пр.), реэкспортом вывозились в Царство Польское. Общий привоз импортных товаров в Одесский порт оценивался в рассматриваемый период в 15 млн. руб. – астрономическую по тем временам сумму [Там же, с.80]. В 1854 г. оборот всей заграничной торговли Одессы оценивался в 18 775491 руб., в то время, когда шла Крымская война [О заграничной..., с.5]. В порт ежегодно

прибывало от 500 до 600 торговых судов. Товары из стран Юго-Восточной Азии доставлялись реэкспортом в основном из Лондона, Парижа, Марселя, Генуи, Триеста и др.

Во второй половине XIX века возрастает ввоз в Россию чая из Ассамы и некоторых районов Юго-Восточной Азии. К 90-м годам XIX века на Ассам приходилось 72 % всего индийского чая [Субботин, с.24]. Культуру ассамского чая английские колониальные власти распространили в самых разных регионах Южной и Юго-Восточной Азии. Попадали на российский рынок сорта чая с Малайского архипелага, хотя там предпочтение отдавалось культуре кофе. Исследователь чайной торговли А.П. Субботин отмечал в своей монографии: «Всего успешнее растет чай на острове Ява, где многочисленные горные склоны, особенно в западной его части, представляют к тому большие удобства» [Там же, с.27]. За короткое время благодаря стараниям китайцев чай широко распространился по всей Яве. Если в 60-е годы чая собиралось около 50 тыс. пуд., то к началу 90-х гг. XIX века – уже до 900 тыс. пуд. Увеличившийся сбыт яванского чая в Европу, а оттуда реэкспортом и в Российскую империю стимулировал разведение чайных плантаций также в Сингапуре и на острове Пинанг. Во Вьетнаме французские колониальные власти прилагали усилия к расширению местных чайных плантаций. В северной части Тонкина эти усилия увенчались успехом (сказывалась близость к Китаю). Вместе с тем, А.П. Субботин заметил: «Во всяком случае, в этой стране можно признать за чаем некоторую будущность, хотя культура его не может так развиваться, как в английских колониях, ибо французы, как известно, не принадлежат к народам чаевицам, а предпочитают кофе и какао» [Там же].

В Российской империи в конце XIX века были известны следующие сорта яванского чая: *неко* – самые мелкие листочки, *су-хонг* – чай из средних листочков и *конгу* – чай из самых крупных листьев [Там же, с.61]. Объемы привоза и потребления чая в Российской империи росли с каждым годом. По показателю потребления чая на душу населения в начале 90-х гг. XIX века Россия занимала 7-е место в мире [Там же, с.215].

Кроме чая страны Юго-Восточной Азии поставляли в Европу, а оттуда в Россию и другие товары. К примеру, на острове Ява в значительных объемах производился сахар. В 1887 г. его производство составило 25 млн. пудов (примерно половина вывозилась в Великобританию и Голландию).

Стоимость сахара на острове была 1 руб. 32 коп. за пуд [Там же, с.235]. На Филиппинах также вдвое возросло производство сахара, достигнув 12 млн. пуд. в год. В Кохинхине этот показатель к началу 90-х гг. XIX века составил 10 млн. пуд., а в Малакке – 1 млн. пуд. Таким образом, Ява и Филиппинский архипелаг превратились к концу века в крупнейших экспортеров сахара.

Примечания:

1. Григорьев, В. Об отношении России к Востоку / В. Григорьев. – Одесса: б.и., 1840. – 18 с.
2. Небольсин, Г.П. Статистические.
3. Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме тех, кои состоят в губерниях Астраханской, Оренбургской, Тобольской, Иркутской и в Грузии. – СПб.: Сенатская типография, 1822. – 148 с.
4. О заграничной торговле Одессы в 1854 году // Журнал Министерства внутренних дел. – 1855. – Ч. 10. – С. 5–11.
5. Субботин, А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая / А.П. Субботин. – СПб.: Типография Северного телеграфного агентства, 1892. – 657 с.

Глава 1

ЦЕНТРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Одним из важных торговых центров в рассматриваемый период оставалась португальская колония Макао. Поскольку гавань Макао была мелководной, все торговые суда вынуждены были останавливаться в 9-10 км в море. К концу XIX в. торговый оборот Макао оценивался примерно в 30 млн. марок [Энциклопедический, 1896, т.18, с.394]. На значительные суммы из португальской колонии вывозился чай (3 млн. марок). Кроме этого экспортировались шелк, кассиево масло (китайское коричневое масло. – В.Ш.), индиго и др. Предметами ввоза являлись опиум, соль, хлопчатобумажные ткани и т.д. После открытия китайских портов для свободного доступа европейским торговым судам значение Макао в международной торговле значительно уменьшилось.

В течение всего XIX в. значительно упрочилось положение Манилы как ведущего торгового центра не только Филиппин, но и всей Юго-Восточной Азии. Порт столицы Филиппин морскими путями был связан со всеми континентами. Сам город превратился в важный промышленный центр региона: здесь действовали табачные фабрики по производству знаменитых манильских сигар, фабрики, где из манильской пеньки выделялись корабельные снасти, предприятия по производству нанки, ковров, металлических изделий, сахара и пр. [Манила, с.538]. Заметную роль в торгово-экономической жизни Манилы играли китайцы, давно обосновавшиеся в

этом городе и раскрывшие свой предпринимательский потенциал в полной мере.

На перекрестке сложившихся еще в древности торговых путей находилось французское владение Кохинхина (вьетнамское Намбо. – В.Ш.). Местное население выращивало тутовые деревья, рис, хлопок, сахарный тростник и прочие культуры. Из Кохинхины вывозились рис, вяленая рыба, рыбий клей, кожи буйвола и пр.; всего – на 81 млн. франков (по состоянию на 1892 г.). Самую значительную долю экспорта составлял рис (73 млн. франков) [Кохинхина, с.456]. Именно торговля, внутренняя и внешняя, приносила Кохинхине самые большие доходы. Так, в 1887 г. бюджет этой французской колонии оценивался в 26 млн. франков, т.е. в сумму вполне достаточную для содержания. Вот почему Кохинхина была единственной французской колонией, обходившейся без субсидий из метрополии.

Определенную роль в международном товарном обмене играл Аннам. Традиционными товарами в Аннаме и предметами его экспорта выступали корица, перец, сахарный тростник, хлопок-сырец, алоэ, пряности, имбирь, индиго, разнообразные фрукты и т.д. [Аннам, с.804]. Отсюда эти товары расходились не только по всей Юго-Восточной Азии, но и в другие регионы мира.

О том, что российские подданные бывали в рассматриваемый период в разных уголках Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока свидетельствуют многочисленные факты. Российских моряков, офицеров, торговцев, путешественников узнавали, отличали от других европейцев местные жители. Так, русский путешественник А.В. Вышеславцев, побывавший в Гонконге, писал: «Продавец табака был очень доволен, сказав комплимент русским. Симпатия китайцев к нам, замеченная мной прежде, подтверждалась несколько раз впоследствии. Китаец дружелюбно кивает нашему матросу и мимикой показывает, что надувает англичанина или француза, заставляющего его работать. В каждой лавке русского ждет дружеский чинчин, между тем, как недоверчиво смотрит китаец на пришедшего к нему англичанина. Не знаю, поздравлять ли себя с подобной симпатией!» [Вышеславцев А.В., 1860, с.148]. Эта врожденная интуиция восточных торговцев и сегодня поражает. Автор монографии, побывавший практически во всех странах Юго-Восточной Азии, отмечает эту удивительную способ-

ность угадывать национальную принадлежность своих покупателей в среде торговцев региона.

Примечания:

1. Аннам // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т.1а: Алтай – Арагвай. – СПб.: Семеновская типо-литография, 1890. – С.804 – 806.
2. Вышеславцев, А.В. Гонконг / А.В.Вышеславцев // Русский вестник. – 1860. – №7. – С.105 – 160.
3. Кохинхина // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т.16: Конкорд – Коялович. – СПб.: Типо-литография И.А.Ефрона, 1895. – С.456.
4. Макао // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т.18: Лопари – Малолетние преступники. – СПб.: Типо-литография И.А.Ефрона, 1896. – С.394.
5. Манила // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т.18-А: Малолетство – Мейшагола. – СПб.: Типо-литография И.А.Ефрона, 1896. – С.538.

1.1. ФИЛИППИНЫ, СИНГАПУР И БИРМА В СИСТЕМЕ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ В XVIII ВЕКЕ

С древних времен жители *Филиппинских островов* были вовлечены в торговлю. Природные богатства региона – смола, ценная древесина, перламутр, воск и прочее – пользовались спросом у многих народов Азии. По мнению некоторых исследователей, уже в начале X века была установлена китайско-филиппинская торговля, а на островах (побережье Лусона) появились первые китайские поселения. Китайские торговцы поставляли на острова стекло, фарфоровые и керамические изделия, бумагу, ювелирные изделия, оружие и т.д. [Левтонова, Ю.О., 1979, с.16]. Во второй половине XIV века оживились торговые контакты Филиппин с народами Индокитайского полуострова, в частности, с тайцами, кхмерами и вьетнамцами. Именно это расширение двусторонней торговли Филиппин с народами Индокитая болезненно было воспринято в Китае, что привело к целому ряду военных вторжений китайцев на архипелаг в первые десятилетия XV века. Примерно на протяжении полутора веков, вплоть до второй половины XVI века, китайцы доминировали во внешнеторговых связях Филип-

пинского архипелага (за исключением самых южных районов, где преобладали индонезийцы). Таким образом, еще до испанского завоевания архипелага Филиппины имели достаточно развитые внешнеторговые связи с ближними и дальними странами Востока. Здесь сложились крупные торговые центры. Как отметила отечественная исследовательница Ю.О. Левтонова, «ко времени испанского завоевания Китай занимал первое место во внешнеторговых связях Майнилы. Велась также оживленная торговля со странами Юго-Восточной Азии и с Японией» [Там же, с.27].

К началу XVII века на архипелаге сформировались центры торговли, специализировавшиеся на экспорте определенных товаров. Их перечень, как правило, определялся уровнем развития местных ремесел и промыслов. Например, на острове Сулу особенно были распространены оружейное, ювелирное ремесла и резьба по дереву. Именно в таких крупных центрах торговли укреплялись китайские торговые диаспоры. Одной из крупнейших являлась диаспора Манилы. Неслучайно, что именно этот город даже в период господства испанцев служил крупной перевалочной базой восточных товаров, доставлявшихся сюда из Китая, Индокитая, Индии, островов Индонезии и т.д. Из Манилы эти товары вывозились испанцами в Мексику, а также реэкспортом в Испанию через Атлантический океан. Все восточные товары в Маниле испанцы закупали на мексиканское серебро. Но поскольку основные торговые рычаги на Филиппинах находились в руках китайских торговцев, в конечном итоге, мексиканское серебро в больших объемах уходило в Китай [Там же, с.56]. Китайские торговцы держали в своих руках и торговые связи Филиппин с Индонезией и народами Индокитайского полуострова. По данным, которые привела в своей монографии Ю.О. Левтонова, «торговля восточными товарами на американских рынках приносила колоссальные прибыли (до 1000 %) [Там же, с.58].

Кроме Китая одним из важных торговых партнеров Филиппин в XVI – начале XVII вв. оставалась Япония. И хотя по объемам внешнеторговых оборотов с архипелагами эти страны были несопоставимые, все же Япония имела сильные позиции в Северном Лусоне (порт Лингаен). Японские торговцы доставляли на архипелаг в основном продукты питания (в частности, пшеницу), а вывозили шелк-сырец и шелковые изделия.

Ситуация во внешнеторговых связях Филиппин стала меняться с утверждением на архипелаге испанцев. Попытки последних потеснить во

внешней торговле китайцев, по большому счету, не увенчались успехом. Более того, испанцы стали с тревогой следить за активизацией англичан в регионе. Подданные британской короны давно расценивали Филиппины как стратегический регион на важнейших торговых путях. Рубежным событием в продвижении англичан на архипелаг стала Семилетняя война (1756 – 1763 гг.), в ходе которой Испания объявила войну Англии.

В сентябре 1761 г. секретарь Мадрасского совета Ост-Индской компании А. Далримп добился у султана Сулу Муэзуддина подписания договора о торговле, в соответствии с которым компания получала особые права во внешнеторговых связях султаната. Англичане, в свою очередь, обязались защитить султанат в случае внешней угрозы [The Journal, 1848, p.512].

Переход в руки англичан острова Баламбанган, Манилы и других важных торговых центров Филиппин подорвал торгово-экономическое влияние испанцев и голландцев в Юго-Восточной Азии и упрочил положение Ост-Индской компании на архипелаге Сулу и в Северном Борнео.

Приобретение Ост-Индской компанией «за месячную пенсию» части *Сингапура* (26 июня 1819 г.) и затем всего острова (19 ноября 1824 г.) создало необходимые условия для основания города Сингапур. Как отметил историк внешней торговли, профессор Венской коммерческой академии Адольф Бэр, «уже в первый год по основании удивительно поднялось это важное для сношений складочное место, расположенное между Индией и Китаем, на полпути от Калькутты до Кантона. По прошествии нескольких месяцев насчитывалось там 3000, а под исход первого года по основании уже до 10 000 душ» [Бэр, А., т.3, 1876, с.294].

К середине XIX века в Сингапуре проживало более 40 тыс. китайцев [The Journal, 1848, p.283]. Среди них были искусные мастера, а также многочисленные торговцы.

XVIII столетие оказался очень бурным в истории *Бирмы*. Практически непрерывные войны на протяжении всего века как внутри государства, так и за его пределами, с одной стороны, способствовали укреплению центральной власти, а, с другой стороны, подрывали экономику государства. Восстановление мира всякий раз приводило к временным передышкам, когда возобновлялись торговля, ремесла, земледелие, укреплялись торгово-экономические отношения с соседними государствами и народами. Так

было, к примеру, после окончания бирмано-китайской войны в начале 70-х гг. XVIII века.

Конец века пришелся на правление Бодопаи (1782 – 1819 гг.). В это время правительству удалось вернуть Аракан и сдерживать частые набеги араканцев, осевших в Бенгалии. Возвращение Аракана в состав Бирманского королевства имело большое значение для внешнеторговых связей государства. Однако на этот регион обращали повышенное внимание Франция и Великобритания, колониальные владения которой фактически граничили с Бирмой. Аракан в рассматриваемый период славился рисом, ценными породами деревьев, бамбуком, табаком, бетелем, различными фруктами, рыбой, морепродуктами, солью, знаменитыми ласточкиными гнездами, золотыми и серебряными россыпями у восточных отрогов Юмандунских гор и пр.

Примечания:

1. Бирма: Справочник. – М.: Наука, 1982. – 391 с.
2. Бэр, А. История всемирной торговли / А.Бэр / Пер. с нем. Э.Циммермана. – Т.3. – М.: Типография Греча, 1876. – 327 с.
3. Левтонова, Ю.О. История Филиппин: Краткий очерк / Ю.О.Левтонова. – М.: Наука, 1979. – 295 с.
4. The Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia / by J.B.Logan. – Vol.II. – Singapore: Printed at the Mission Press, 1848. – 848 p.

1.2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАМБОДЖИ В XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. И ЕЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

На протяжении почти всего XVIII века камбоджийским правителям приходилось практически постоянно отражать внешнюю агрессию со стороны вьетнамцев и сиамцев. Неудачи в боевых действиях привели к утрате Камбоджей важных в экономическом плане земель: устья Меконга, провинций Митхо и Винблонг. Вплоть до конца века во многих районах королевства происходили мятежи, которые возглавляли недовольные сановники. Безусловно, все это негативно отражалось на экономике королевства.

В первой трети XIX века Камбоджа расширила свои внешнеторговые связи, ориентированные, прежде всего, на ближайших соседей. Среди важнейших экспортных товаров в этот период особенно выделялся сахар, который производился преимущественно во внутренних районах страны. Местные жители выращивали в большом количестве сахарный тростник и сами, в отличие от сиамцев, которые доверяли производство сахара китайцам, отжимали сок. По оценкам того времени, из Камбоджи за границу вывозилось примерно 30 тыс. пикулей (пикуль – мера веса в Китае и в странах Юго-Восточной Азии; имела различия в каждой стране; 1 пикуль – около 60 кг. – В.Ш.). Большая часть сахара доставлялась в Китай.

Кроме сахара Камбоджа экспортировала шелк-сырец. Разводили шелкопрядов в Кохинхине (преимущество в Тонкине. – В.Ш.). Объем вывоза шелка-сырца оценивалось в рассматриваемый период до 1 лака и двадцати тысяч фунтов [Новейшие известия..., 1826, с.140]. Интерес в шелк-сырцу из Камбоджи проявляли калькуттские купцы, а вскоре и французы, которые в качестве эксперимента вывезли значительное количество этого товара и хорошо сбыли в разных городах Франции.

Третьим важнейшим экспортным товаром Камбоджи являлась корица, которая произрастала в горах Центрального Кохинхина и откуда она доставлялась в Камбоджу. Однако в сбыте корицы были свои проблемы, поскольку здесь, в Камбодже, это сырье выделявали некачественно. Также из-за плохой упаковки в пути корица, по всей видимости, портилась.

Определенный сбыт находил за границей камбоджийский чай. Чайные плантации в стране были обширными, но сам чай считался хуже индийского или цейлонского и стоил значительно дешевле. Стоимость камбоджийского чая редко поднималась выше 10 или 20 сантимов за фунт. По мнению специалистов, такой чай мог бы находить сбыт только у бедных жителей Англии и других европейских стран.

Отметим и другие экспортные товары Камбоджи. В статье, опубликованной в «Московском телеграфе» в 1826 г. отмечалось: «Произведения наносных земель сей страны и смежных лесов почти те же, как и в Королевстве Сиамском, и потому нужно исчислить только главнейшие из оных, а именно, в Камбоджии: кардамон, орлиное дерево (райское или алойное дерево, имеющее смолянистое ароматную древесину. – В.Ш.), арека (растение семейства пальмовых. – В.Ш.), слоновая кость,

гумми-лак, кожи, рога, кости, сушеная рыба, красильные деревья и корни» [Там же, с.16].

Одним из главных богатств Камбоджи были, безусловно, ценные породы дерева. Густые, порой труднопроходимые камбоджийские леса располагали породами, которые находили применение как в мебельном производстве, так и для строительства морских судов и в иных целях. Отметим некоторые породы в их кхмерском варианте названий. Это дерево *тека* (заготавливалось в небольших количествах), *сао*, употреблявшееся для строительства морских судов, пушечных лафетов и домов; *сие*, считавшееся одним из самых крепких деревьев, шло на строительство общественных зданий и лафетов; древесина дерева *ко* (черное, крепкое), обладавшее глянцем после обработки, применялось в столярных работах; *розовое дерево*, пользовавшееся большим спросом в Китае, и др. Вывозились из Камбоджи и различные корни растений, которые в основном использовались в качестве естественных природных красителей. К ним, к примеру, относился корень *нао*, который в огромном количестве вывозился в Китай. И в Камбодже, и в соседних странах, корень *нао* употреблялся для окраски тканей в красный цвет. К этому растительному сырью проявляли интерес и в России, поскольку «можно было бы его употреблять и на наших мануфактурах» [Там же, с.17].

В некоторых провинциях Камбоджи осуществлялась добыча руд таких металлов, как железо, золото и серебро.

Практически все перечисленные товары обменивались камбоджийцами на товары из Китая, Сиам и других государств Юго-Восточной Азии, стран Европы. Так, из Китая поступали различные шелковые ткани, фарфор, лекарства, бумага, чай. Из Малайзии, Индонезии – перец, гвоздика, мускатный орех, сандаловое дерево, олово и пр. Из Индии – опиум и селитра. Значительно скромнее был перечень товаров, доставлявшихся в первой трети XIX века в Камбоджу из стран Европы. Среди них отметим только сукно, хлопчатобумажные ткани, огнестрельное оружие и чугун [Там же, с.18].

К концу рассматриваемого периода упрочились торговые отношения Камбоджи с Кантоном, Сингапуром, Явой и некоторыми другими торговыми партнерами.

По некоторым косвенным данным можно судить об объемах внешнеторговых оборотов Камбоджи, так как официальной статистики в королевстве практически не существовало. Так, из Индии, как уже упоминалось выше, доставлялся опиум. Известно, что в Камбодже ежегодное потребление этого товара достигало 50 ящиков. Оптовая цена опиума составляла 3,5 тыс. пиастров [Там же]. Или другой пример. В первой половине 20-х гг. XIX в. практически вся 4-тысячная армия Камбоджи имела обмундирование, сшитое из английского сукна красного цвета (реже зеленого и желтого цвета). Из Великобритании поступали также саржа, камлот и тонкое сукно, которое приобретали преимущественно знатные и богатые камбоджийцы для зимней одежды. Расширилась география сбыта хлопчатобумажных тканей: они стали поступать в Камбоджу также из Кантона и Сингапура.

Внешнеторговые связи Камбоджи нередко прерывались по объективным причинам, чаще всего из-за войн. Беспокойные соседи нередко нападали на камбоджийские земли, вследствие чего некоторые провинции оказались завоеванными. И только в мирные периоды внешняя торговля возобновлялась с новой силой. Но и здесь были свои сложности. Нередко на камбоджийские торговые суда нападали сиамские и кохинхинские пираты. Поэтому не случайно камбоджийцы часто прибегали к услугам китайских торговцев, которые проживали в Сингапуре, для доставки своих грузов за границу. Так, эти посредники доставляли в Кампот пушечный металл, железные изделия, опиум и пр. А в Сингапур из Камбоджи они вывозили рис, смолу, перец, красильные деревья и разные мелочные товары.

Камбоджийские власти использовали все возможные средства для урегулирования внешнеторговых связей, в том числе дипломатическим путем. В некоторых случаях они прибегали к услугам разного рода посредников и европейцев. Например, в Сингапуре находился потомок португальцев, поселившихся в Камбодже еще в XVI – XVII вв., и состоявший на службе у короля, которому было поручено договориться с англичанами об оказании помощи в предотвращении морских разбоев. Предметом переговоров было и расширение торговых связей с англичанами.

В рассматриваемый период значительно усилилось внимание англичан к Камбодже. В журнале «Москвитянин» за 1850 г., в частности, отмечалось: «Дух торговой предприимчивости английского народа в наше вре-

мя обратился в особенности на восточные страны Азии... Деятельный сэр Джемс Брук отправился послом ко двору Сиамскому, – а теперь начинают уже бросать взгляды на большой полуостров, лежащий между Сиамом и Китаем, почти нетронутый еще в коммерческом отношении, с царствами Камбоджей, Анамом и Кохинхиной» [Камбоджа, 1850, с.48]. Расширение торговой экспансии Великобритании в Юго-Восточной Азии хорошо было объяснено в газете «Singapur-Free Press»: «Пришла пора Англии открывать новые поприща для своей торговли, чтобы удержать в этом краю земного шара свое положение великой торговой нации» [Там же]. Однако это желание англичан, несомненно, наталкивалось на торговые интересы иных европейских держав, включая Голландию, Францию и другие страны. Вот почему Лондон стремился как можно быстрее утвердить свое влияние в Камбодже. В провинции Кампот все чаще можно было увидеть груженные английские торговые корабли. Также англичане внимательно изучали возможность использования в торговых целях великой реки Меконг, что позволило бы им добираться в глубинные районы Индокитайского полуострова.

Примечания:

1. Камбоджа // Москвитянин. – 1850. – №22. – С.48 – 51.
2. Миго, Андре. Кхмеры: История Камбоджи с древнейших времен / Андре Миго. – М.: Наука, 1973. – 349 с.
3. Новейшие известия о Сиаме и Кохинхине // Московский телеграф. – 1826. – №9. – Ч.9. – С.11 – 25.

Глава 2

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В СИСТЕМЕ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ И ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

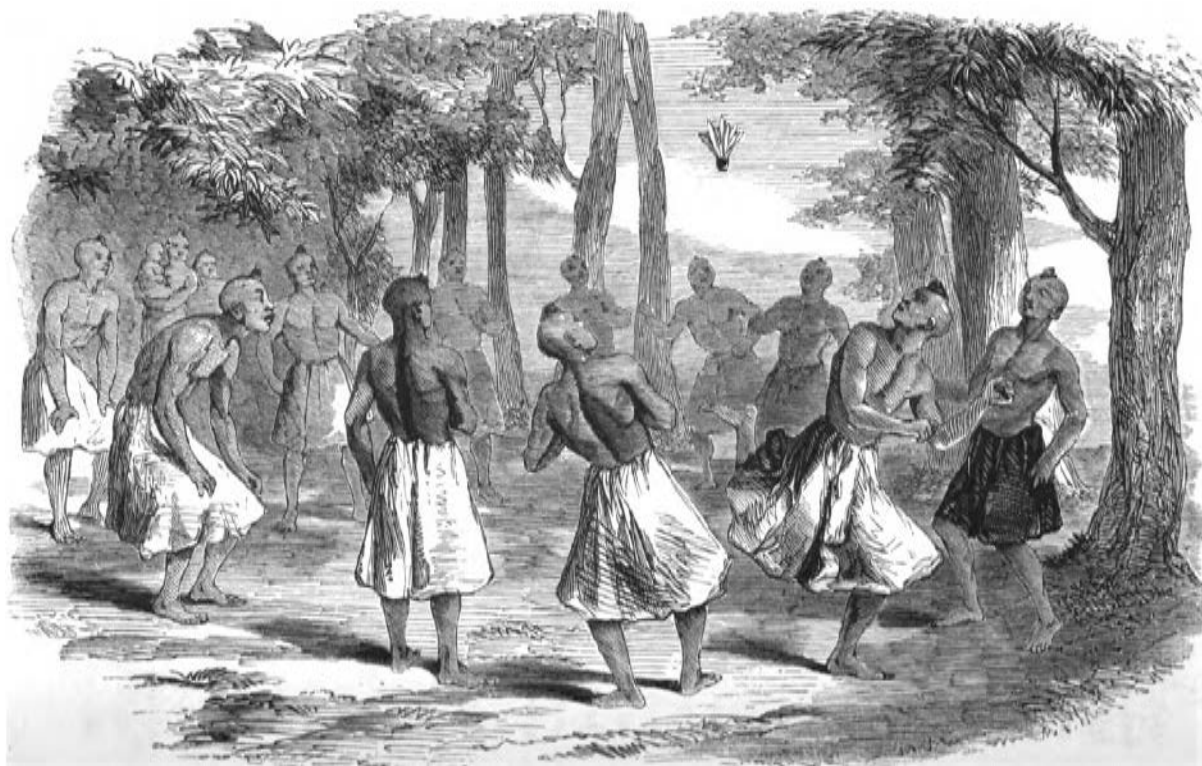
2.1. СИАМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ЕГО ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

К середине XIX века столица Сиама насчитывала более 350 тыс. жителей. Это был многонациональный город: здесь сложились достаточно крупные диаспоры некоренного населения. В Бангкоке проживало более 240 тыс. тайцев, 70 тыс. китайцев, 20 тыс. бирманцев, 20 тыс. арабов и индийцев и др. [Neale, F.A., 1852, p.30]. Столь пестрая этническая картина во многом определяла развитые внешнеторговые связи Сиама в целом и Бангкока, в частности, со всеми соседними государствами.

Эти связи уходили своими корнями в далекое прошлое: в течение столетий складывались торговые пути, определялись ведущие торговые центры, выстраивались определенные торговые правила.

Среди основных внешнеторговых партнеров Сиама в первой половине XIX века выступали Индия, Китай, государства Малаккского полуострова, Бирма и др. Особенно тесные торговые связи существовали у Бангкока с Кантоном и Макао.

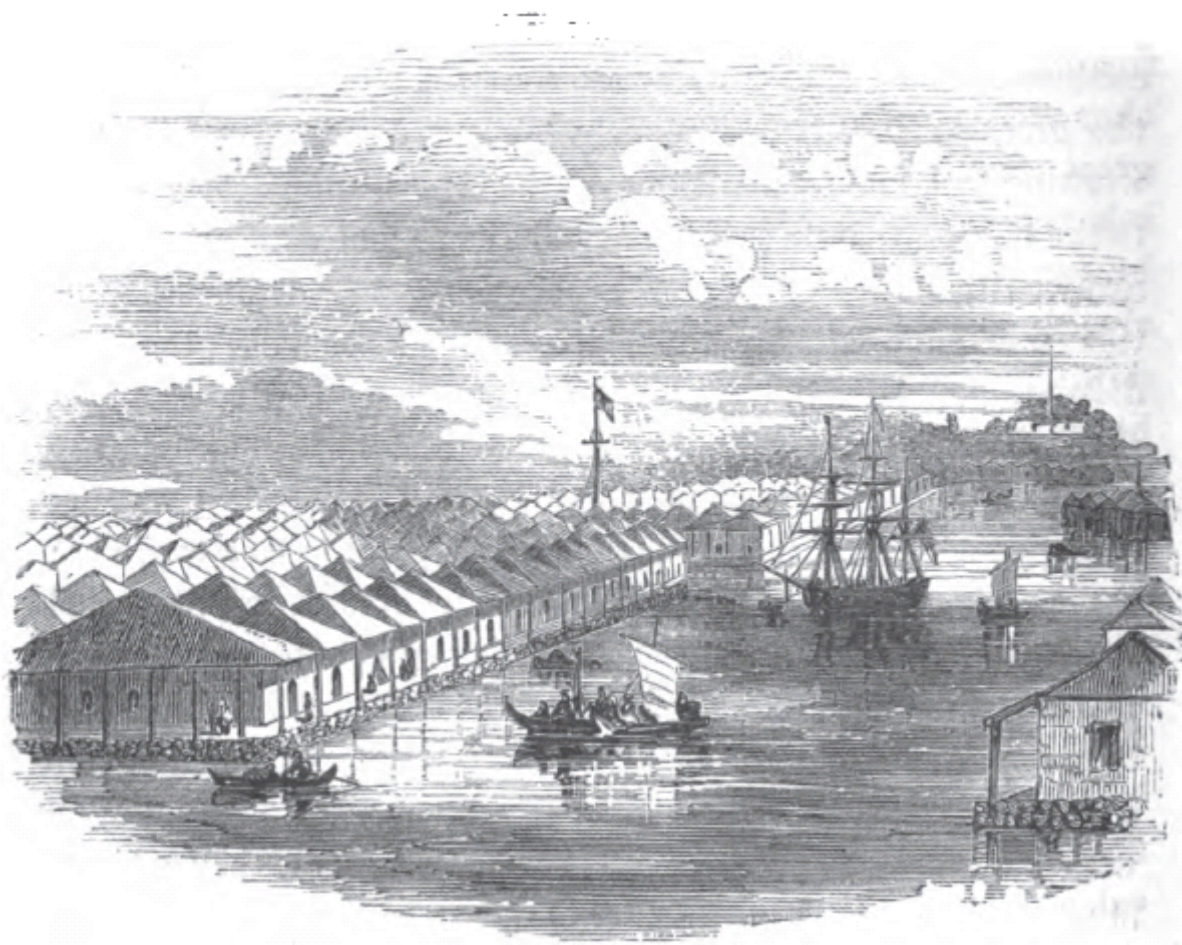
Сиамская игра в мяч

Сиамцы

Сиамские воины

Речной городок в Бангкоке

Все большим спросом пользовались товары из Сиам в Европе и в Америке. К примеру, в значительных объемах в Великобританию доставлялись сиамский шелк и шелковые изделия. Также в Англии и в других европейских странах были востребованы индиго, гуттаперча, хлопок-сырец.

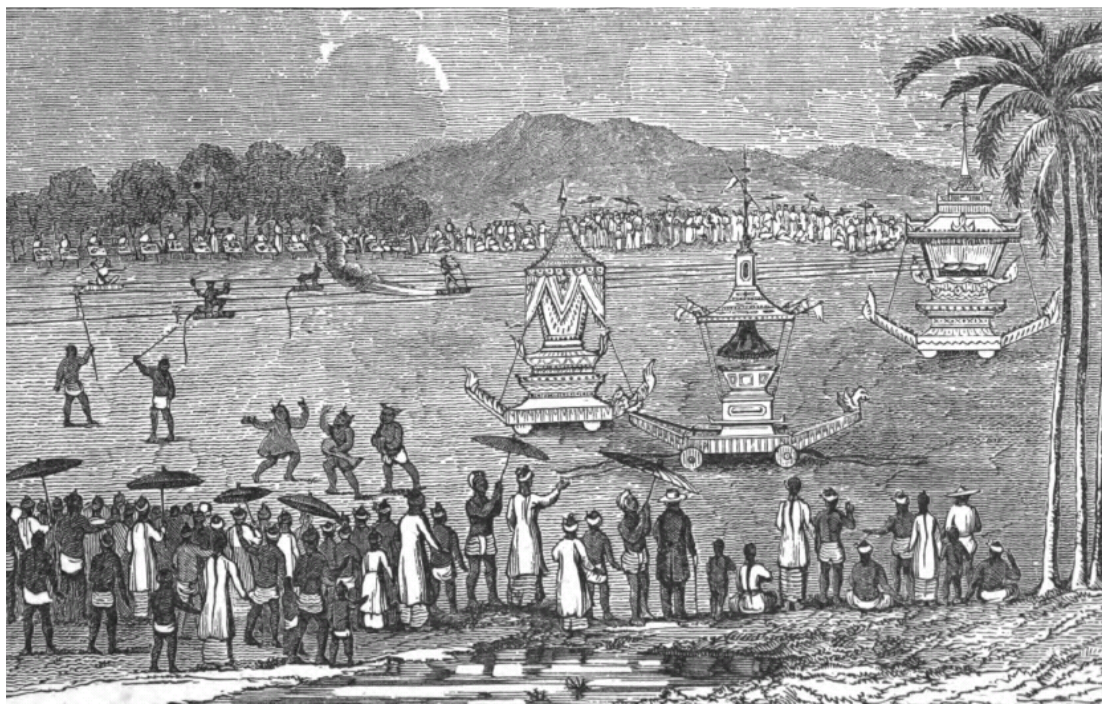
Примечания:

1. Neale, F.A. Narrative of a Residence in Siam / F.A.Neale. – London: Office of the National Illustrated Library, 1852. – 280 p.

2.2. ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ БИРМЫ И РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Природные богатства Бирмы создавали большие потенциальные возможности для развития внешней торговли королевства. Многие бирманские товары пользовались большим спросом на мировом рынке. Среди экспортных товаров в первой половине XIX в. следует отметить тик, хлопок-сырец, медь, серебро, индиго, табак, мед, ценные породы дерева и пр.

Важнейшими торговыми партнерами Бирмы в этот период были индийские города Калькутта и Мадрас [Malcolm, H., 1839, p.224]. В 1822 году из Бирмы в Калькутту было доставлено 5400 тонн товара [Scott, J., 1911, p.276]. Привоз же импортных товаров в Рангун в 1820-1821 гг. составил 244 548 рупий. Кроме этого, бирманские товары в широком ассортименте можно было встретить в Дакке. Речными путями бирманцы пользовались для сбыта своих товаров в Китай. Главной транспортной артерией королевства служила река Иравади. В колониальный период европейцы часто называли Иравади «Дорогой в Мандалай».

Сцена из бирманской жизни

В период Первой бирманской войны торговые обороты между Мьянмой и соседней Бенгалией резко снизились. К середине XIX века гео-

графия торговых связей Бирмы значительно расширилась. В Рангун и другие порты страны доставлялись хлопок и сандаловое дерево из Китая, камфара с Борнео, перец с Суматры и т.д. Значительно вырос привоз различных европейских товаров (в основном готовых промышленных изделий).

Политика «открытых дверей» для английских мануфактурных товаров привела к активному проникновению европейских изделий на рынки Бирмы.

Примечания:

1. Malcom, Howard. Travels in South-Eastern Asia embracing Hindustan, Malaya, Siam and China: with Notices of Numerous Missionary Stations and a full Account of the Burman Empire. – Vol.I. – Boston: Gould, Kendall and Lincoln, 1839. – 273 p.
2. Scott, J. George. Burma: A Handbook of practical Information / J. George Scott. – Washington: Alexander Moring Ltd, 1911. – 520 p.

2.3. ФИЛИППИНЫ В СФЕРЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Население Филиппинского архипелага в 1850 г. составляло 3 815 878 чел. [Nomans, S., p.1525]. К середине XIX в. Филиппины все активнее включались в международный торговый обмен. Специфические филиппинские товары пользовались все большим спросом как в Европе, так и в Америке, Азии, Австралии. Так, в 1842 г. к портам архипелага прибыло 149 торговых судов с грузом товара в 46 869 т; в этот же год отбыло 162 судна с грузом в 50 226 т. Ввоз оценивался в 900 080 фунтов стерлингов. Главными поставщиками товаров на Филиппины выступали Англия, Китай, Соединенные Штаты и Британская Индия. Экспорт в 1842 г. был оценен в 974 160 ф.ст. Филиппинские товары в этот год были преимущественно вывезены в Англию, Испанию, Соединенные Штаты, Китай и Австралию [Ibid, p.1526].

Общая характеристика внешнеторговых объемов Филиппин в 1844 г. представлена в следующей таблице.

Таблица

**Объемы экспортно-импортных операций на Филиппинах в 1844 г.
(во франках)**

Страна	Экспорт	Импорт	Общий объем
Китай	8 994 000	5 883 000	14 827 000
Англия	4 234 000	2 759 000	6 993 000
Сингапур	4 375 000	476 000	4 851 000
Соединенные Штаты	1 122 000	3 335 000	4 457 000
Испания	1 018 000	2 970 000	3 988 000
Ява и Молуккские острова	1 119 000	620 000	1 739 000
Австралия	349 000	925 000	1 274 000
Восточная Индия	146 000	980 000	1 135 000
Франция	290 000	461 000	751 000
Архипелаг Сулу	340 000	281 000	621 000
Бельгия	109 000	304 000	413 000
Ганзейские города	32 000	330 000	362 000
Мыс Доброй Надежды	267 000	-	267 000
Южная Америка	23 000	-	23 000
Итого	22 368 000	19 383 000	41 701 000

Source: Homans, S. Encyclopedia of Commerce and commercial Navigation. – New York: Harper and Brothers Pub., 1858. – P.1527.

Приведенные данные свидетельствуют, что в 1844 г. Филиппины имели положительное сальдо во внешней торговле, а география их внешнеторговых связей характеризовалась исключительной широтой, включавшей практически все континенты земного шара. В списке внешнеторговых партнеров Филиппин мы не встречаем Российской империи, но видим главных ее внешнеторговых партнеров. Это позволяет предположить, что в их экспорте в Россию могли присутствовать и филиппинские товары.

Первая половина XIX в. – время повышенного интереса российских правительственных и торговых кругов к филиппинскому рынку. Это было вызвано рядом причин. Отметим главные: возраставшие потребности внутреннего рынка России в специфических товарах и сырье, доставлявшихся из Юго-Восточной Азии; расширение географии торгового мореплавания отечественного флота; рост научного интереса к Востоку, формирование восточных коллекций в России; стремление к укреплению торгово-экономических позиций Российской империи в новых регионах мира,

активно включавшихся в международный товарный обмен, деятельность Российско-Американской компании на значительной акватории Тихого океана и др. Следует добавить также, что товары филиппинского происхождения на протяжении XVIII и первой половины XIX в. доставлялись в Россию преимущественно транзитом через европейские страны, что, безусловно, отражалось на их конечной цене. Активное продвижение России в страны Востока в рассматриваемый период в значительной мере определялось стремлением уйти от посредничества европейских держав и установить прямые торгово-экономические отношения с государствами и народами Востока. Именно с этих позиций Филиппинский архипелаг представлял для России особый интерес.

Представители племени ифугао с острова Лусон

Многочисленные архивные документы, особенно отложившиеся в фондах Архива внешней политики Российской империи, свидетельствуют о том, что власти в Санкт-Петербурге были хорошо осведомлены о событиях, происходивших как в Юго-Восточной Азии в целом, так и на Филиппинах в частности, еще в период правления Екатерины II. Донесения отечественных дипломатов из Лондона, Мадрида и других европейских столиц, в том числе по проблемам так называемого «манильского долга», ставшего яблоком раздора между Англией и Испанией, демонстрировали очень хорошую осведомленность российских властей о противоречиях, складывавшихся вокруг Филиппин.

Одними из самых активных ревнителей установления прямых торговых связей Российской империи с Филиппинами были отечественные дипломаты, служившие в российской миссии в Мадриде. В качестве примера приведем «Памятную записку» о взглядах на установление российско-филиппинской торговли, подготовленную советником Российской миссии в Мадриде в 1802-1804 гг. графом Яковом Осиповичем Ламбертом весной 1805 г. Для становления торговых связей автор записки предлагал использовать галионы, которые ежегодно отправлялись из Акапулько и Сан-Бласа на Филиппины. Он считал, что из Манилы на Камчатку можно было бы доставлять необходимые товары на 3 кораблях, а из России поставлять на острова отечественные товары. Лучшим временем для отправки кораблей с Филиппин Я.К. Ламберт полагал конец июля, когда дуют постоянные южные ветры, а с Камчатки – середину сентября, когда доминируют северо-восточные и северные ветра. При таком подходе время в пути и для разгрузки сократилось бы до 2,5 месяцев. Особое внимание в записке уделено вопросу учреждения в Маниле торгового представительства, чтобы российский торговый агент мог на месте решать все проблемы, возникающие в российско-филиппинской торговле. Все эти планы призваны были решить одну из важнейших задач того времени: обеспечения необходимыми продуктами питания и промышленными товарами российского Дальнего Востока, включая Камчатку и острова северной части Тихого океана. Я.О. Ламберт так оценивал перспективы российско-филиппинских торговых отношений: «Указывая на возможность установления связей с Филиппинами, исходили, главным образом, из преимуществ, которые представ-

ляют эти острова благодаря своей близости и тому, что их товары соответствуют нашим потребностям» [1, л.8].

Вполне естественно, для установления прямых торговых связей между Российской империей и Филиппинами Санкт-Петербургу необходимо было урегулировать целый ряд вопросов с Мадридским двором. Поэтому не случайно 12 (24) мая 1805 г. из Министерства иностранных дел российскому посланнику в Мадриде барону Г.А. Строганову была направлена инструкция о сборе необходимых сведений о Филиппинах. Среди вопросов, на которые должен был получить ответ российский дипломат, значились следующие: сбор информации о продукции архипелага, о ценах на филиппинские товары (особенно на зерно и муку, железо, медь, мачтовый лес, канаты, парусное полотно, смолу, деготь, спирт, табак, кожи, шерстяные ткани и пр.), о внутренней и внешней торговле Филиппин (включая Китай и Индию), о торговом законодательстве Испании в отношении архипелага, о средствах платежей в торговле и пр.

В той же инструкции барону предписывалось собирать все эти сведения тайно, чтобы не вызвать подозрения со стороны испанского правительства. О хорошей осведомленности российских дипломатических кругов можно судить по тем рекомендациям, которые содержались в указанном документе. В частности, барону рекомендовалось почерпнуть ценные сведения о Филиппинах у дона Фелиппе Бауса, в руках которого находились дневники экспедиции капитана Малеспины, совершившего кругосветное плавание в 1790 г. Российский МИЛ напоминал, что в дневниках А. Малеспины содержится подробное описание Филиппинского архипелага [2, л.4-5].

Судя по документам дипломатической переписки, именно 1805 год стал временем самого пристального внимания российских властей к проблемам российско-филиппинской торговли. Именно в этот год отмечалась наиболее активная переписка российских дипломатов, отражавшая основные подходы и мысли в отношении установления и развития торговых связей между Россией и Филиппинами.

Несколькими годами позже предпринимаются попытки установить прямые торговые связи. Но сделано это было по-хитрому, чтобы не встревожить официальный Мадрид. В августе 1812 г. в порт Петропавловска на Камчатке прибыл с товаром из Манилы американский гражданин Питер

Добелл (в июле 1818 г. был принят в российское подданство. – В.Ш.). Он на двух кораблях доставил филиппинские товары, которые так остро были нужны на полуострове.

Российские власти обратились к коллегам в Испании с просьбой признать П.В. Добелла официальным консулом на Филиппинах. Однако просьба не была удовлетворена. Как сообщил в своей инструкции управляющий Министерством иностранных дел Российской империи К.В. Несельроде П.В. Добеллу 20 февраля (4 марта) 1818 г., в связи с непризнанием Мадридского двора Добеллу было поручено исполнять возложенные на него обязанности в качестве неофициального лица. Одновременно российскому посланнику в Мадриде Д.П. Татищеву было рекомендовано добиться от испанского правительства разрешить П.В. Добеллу неофициально исполнять обязанности консула.

В апреле 1861 г. российские корабли можно было встретить в разных портах Юго-Восточной Азии, связанных торговыми связями с Филиппинами. К примеру, в Сингапуре в это время находились корветы «Боярин» (капитан-лейтенант Майдель) и «Воевода» (капитан-лейтенант Матвеев), а также клипер «Джигит» (капитан-лейтенант Корнилов) [Ведомость судам, Морск. сбор.].

В 60-70-е гг. XIX в. филиппинские торговые суда доставляли грузы в порты Японии, в частности, в порт Канагава на острове Хонсю [Yokohama, 1870, p.133]. Приведем пример. В 1869 г. в Канагаву прибыло 4 манильских судна и 13 российских судов. Вполне естественно, у россиян была возможность непосредственно в японском порту закупить необходимые филиппинские товары.

В Российской империи среди истинных знатоков большой популярностью пользовались манильские сигары. Этот товар в Россию попадал разными путями, но очень редко непосредственно с Филиппин. В одной из дореволюционных монографий читаем: «В предместье Бикондо изготавливаются знаменитые манильские сигары; работой этой на нескольких больших фабриках занимаются круглый год до двадцати тысяч мужчин, женщин и девушек; первые изготовляют папиросы, предназначенные только для местного потребления, а прекрасный пол крутит сигары всевозможных сортов, форм и величин» [Максимов, А.Я., т.8, ч.2, 1901, с.345].

Таким образом, торговые связи Российской империи и Филиппин в рассматриваемый период осуществлялись чаще всего на территории третьих государств (как в случае с Японией).

Примечания:

1. АВПРИ, ф.Главный архив II-3, 1803, оп.34, д.9, п.2, л.5 об.-10 об.
2. АВПРИ, ф. Главный архив II-3, 1805-1817, оп.34, д.8, л.3-5 об.
3. Ведомость судам русского военного флота, находящимся в заграничном плавании (исправлено по 1 апреля 1861 года) // Морской сборник. – 1861. – Т.ЛП. – №4. – С.608.
4. Максимов, А.Я. На Дальнем Востоке: Полное собрание сочинений / А.Я.Максимов. – Кн.8. – Ч.2. – СПб.: Типо-литография К.Л.Пентковского, 1901. – 366 с.
5. Nomans, S. Encyclopedia of Commerce and commercial Navigation. – New York: Harper and Brothers Pub., 1858. – 2007 p.
6. Yokohama consular Trade Report // The Japan Weekly Mail: A political, commercial and literary Journal. – 1870. – Vol.I. – №12. – P.133 – 144.

Глава 3

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В ОРБИТЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

3.1. КАМБОДЖА И ЕЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Усиление торгово-экономической экспансии ведущих европейских держав в Юго-Восточной Азии, возраставшая конкурентная борьба между ними за влияние в регионе – все это, безусловно, не могло не отразиться на экономическом развитии Камбоджи и ее внешней торговле. 11 августа 1863 г. в Удонге был заключен договор между Францией и Камбоджей о дружбе и торговле. По сути, это был договор, в соответствии с которым камбоджийский король отказывался от своих суверенных прав в пользу протектората.

В соответствии со ст.10 договора все товары, доставлявшиеся в Камбоджу на французских судах (с ведома сайгонских властей), беспрепятственно и беспошлинно пропускались в королевство. Исключение составлял лишь опиум, который подлежал обложению особой пошлиной. В свою очередь, камбоджийские торговые суда, освобожденные от камбоджийских таможенных пошлин, с разрешения французского резидента, в соответствии со ст.11 договора, получали право беспошлинно и свободно доставлять товары во все открытые порты Кохинхина.

Статьей 13 определялся порядок борьбы с пиратством в камбоджийских территориальных водах. В случае грабежа французских торговых судов камбоджийские власти должны были организовать преследование пиратов и наказать их в соответствии с законами королевства. Возвращенные товары в соответствии с договором подлежали передаче их законным владельцам, а при отсутствии таковых – французским властям. Такие же правила действовали и в отношении имущества французов, находившихся на всей территории Камбоджи [Договор, 1863].

15 июля 1867 г. в Париже был заключен договор между Францией и Королевством Сиам по урегулированию границ между Сиамом и Камбоджей и о признании французского протектората над последней. Король Сиам в соответствии со ст.3 договора отказывался «от всякой дани, подарков или других знаков вассальной зависимости со стороны Камбоджи» [Договор, 1867, с.65]. Также сиамские власти (ст.5) брали на себя обязательство воздерживаться от любых территориальных притязаний к Камбодже, а «жители будут иметь возможность свободно передвигаться, торговать и мирно жить на территории каждой из стран» [Там же].

Наконец, 17 июня 1884 г. в Пномпене было заключено соглашение между Францией и Камбоджей, в соответствии с которым король соглашался «на все административные, судебные, финансовые и торговые реформы, которые правительство Французской Республики сочтет полезным ввести в будущем с целью облегчить осуществление своего протектората» (ст.1) [Соглашение, 1884, с.67]. Все содержание этого договора подтверждало продолжение закабаления Камбоджи со стороны французских колониальных властей. Так, в ст. 3 прямо говорится о том, что все камбоджийские чиновники, управляющие провинциями королевства, будут это делать «под контролем французских властей». Они не имели право решать вопросы установления и сбора налогов, таможенных пошлин и прочего, что находилось под полным управлением служащих-европейцев.

Все это свидетельствовало о том, что в последней четверти XIX века Камбоджа фактически находилась под полным контролем французских колониальных властей.

Примечания:

1. Договор между Францией и Камбоджей о дружбе и торговле, заключенный в Удонге 11 августа 1863 г. // Политика Франции в Камбодже и Лаосе / Пер. Ю.П. Дементьева. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – С.61 – 65.
2. Договор между Францией и Сиамом, заключенный в Париже 15 июля 1867 года с целью урегулировать политическое положение и границы Камбоджи // Политика Франции в Камбодже и Лаосе / Пер. Ю.П. Дементьева. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – С.65 – 66.
3. Соглашение между Францией и Камбоджей, заключенное в Пномпене 17 июня 1884 г. с целью урегулировать отношения между обеими странами // Политика Франции в Камбодже и Лаосе / Пер. Ю.П. Дементьева. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – С.66 – 69.

3.2. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И СИАМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

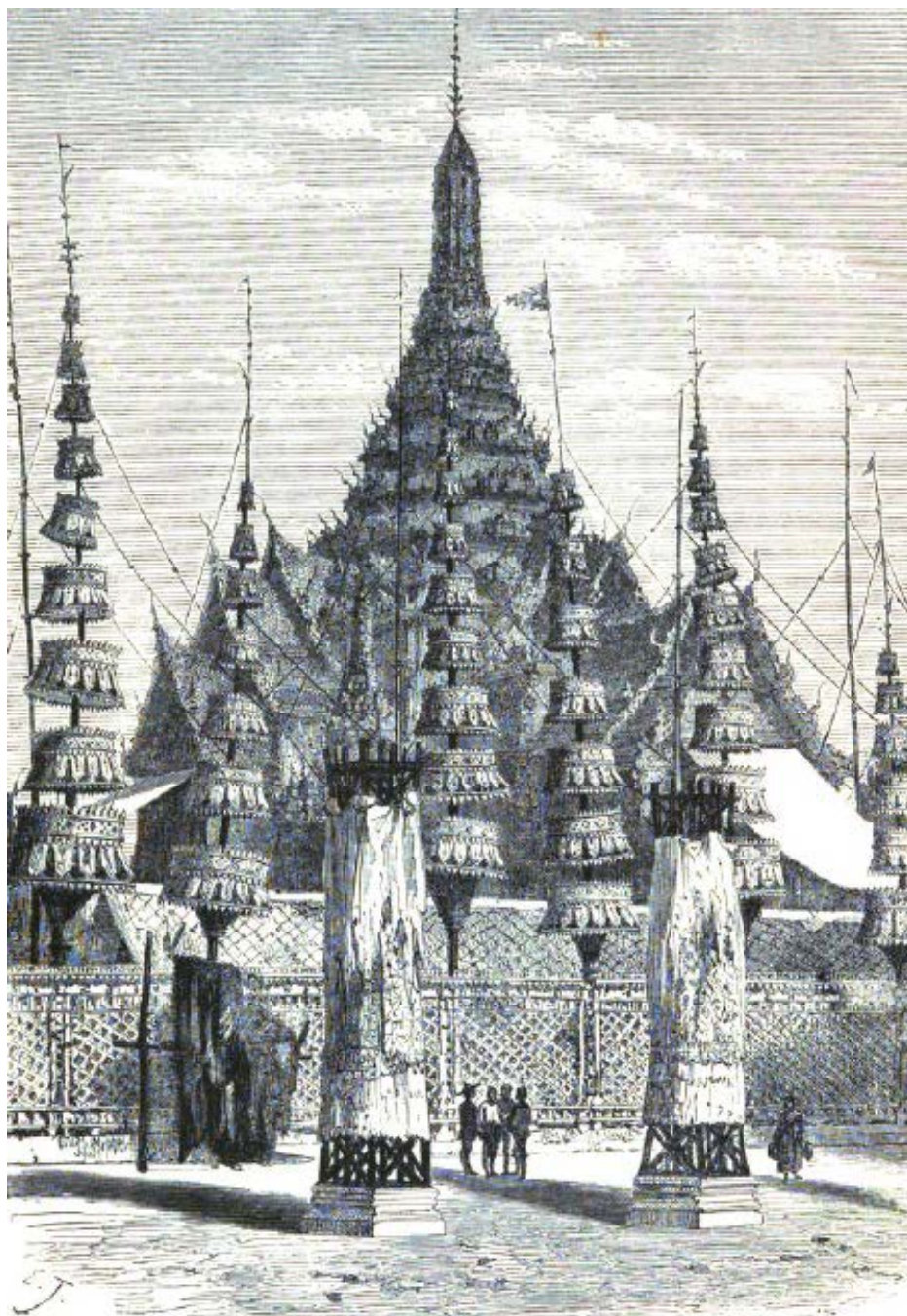
Во второй половине 60-х XIX в. усиливается взаимный интерес России и Таиланда к установлению прямых торговых отношений. С одной стороны, это свидетельствовало об углублении и расширении межгосударственных торгово-экономических отношений на Востоке, а, с другой стороны, – о повышении внимания российских торговых кругов к далекому рынку Сиама. Нештатный вице-консул Российской империи в Сингапуре Х. Вампоа 14 декабря 1865 г. направил письмо командиру корабля К.Л. Энkvисту о том, что имел беседу с сиа́мским консулом в Сингапуре Фам Ким Чингом, который передал пожелание короля Сиама увидеть в своей столице посланника российского императора с целью заключения договора о торговле и дружбе [АВПРИ, ф. «Японский стол», д.1795, л.37]. Вице-консул просил капитана довести эту информацию до министра иностранных дел Российской империи.

На улицах Бангкока

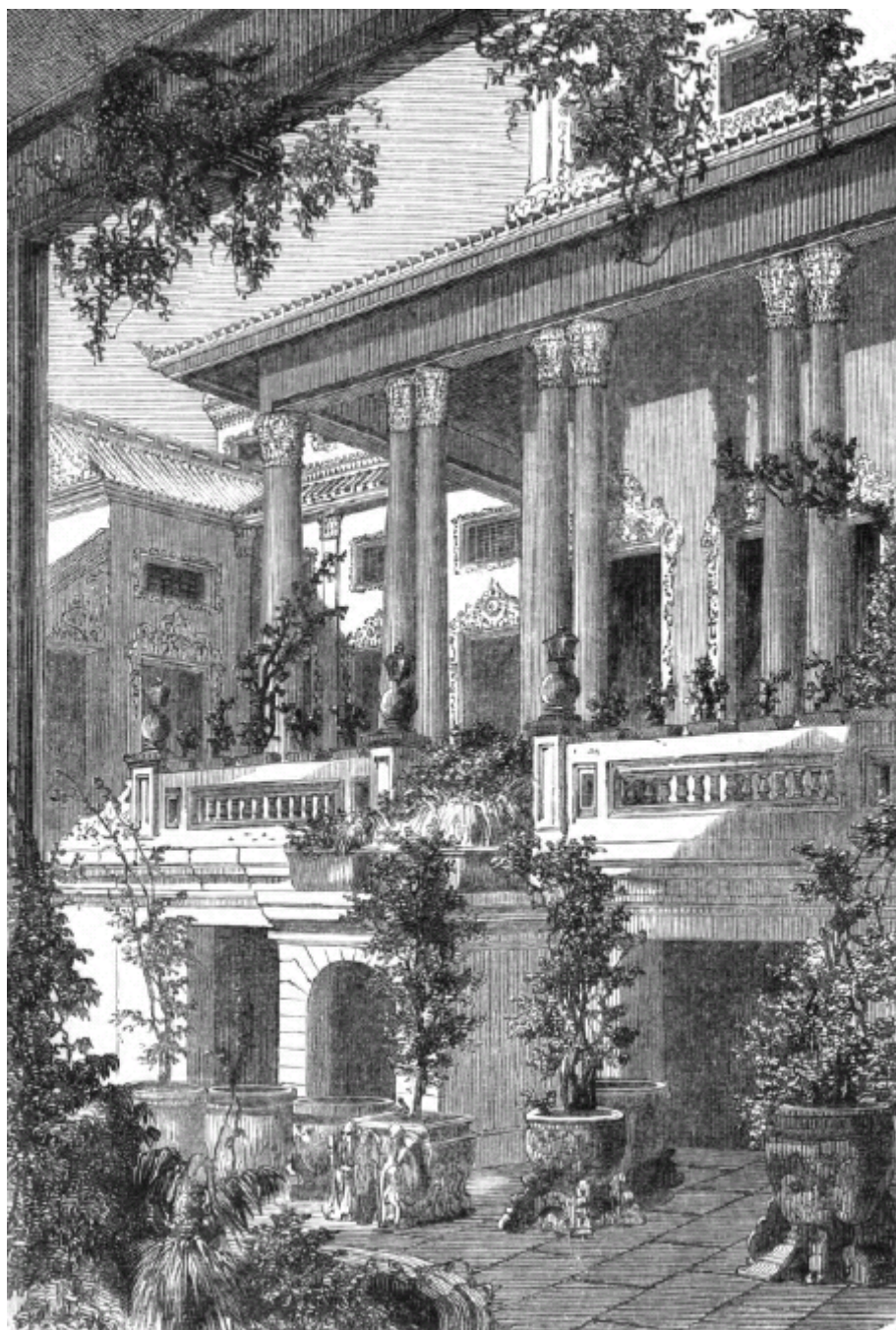
Порт Бангкока

Бангкок

К.Л. Энkvист передал письмо российского вице-консула в Азиатский департамент МИДа и добавил от себя, что «по скорому уходу из Сингапура не мог собрать подробных сведений о выгодах, могущих последовать для нашей торговли от сношений с Сиамом» [Там же, л.38]. Вместе с тем, капитан подчеркнул, что ему известно о торговле Бангкока хлопком-сырцом, сахаром, перцем, розовым деревом и тиком, который закупался для нужд российского флота. Причем, тик по цене был в Бангкоке значи-

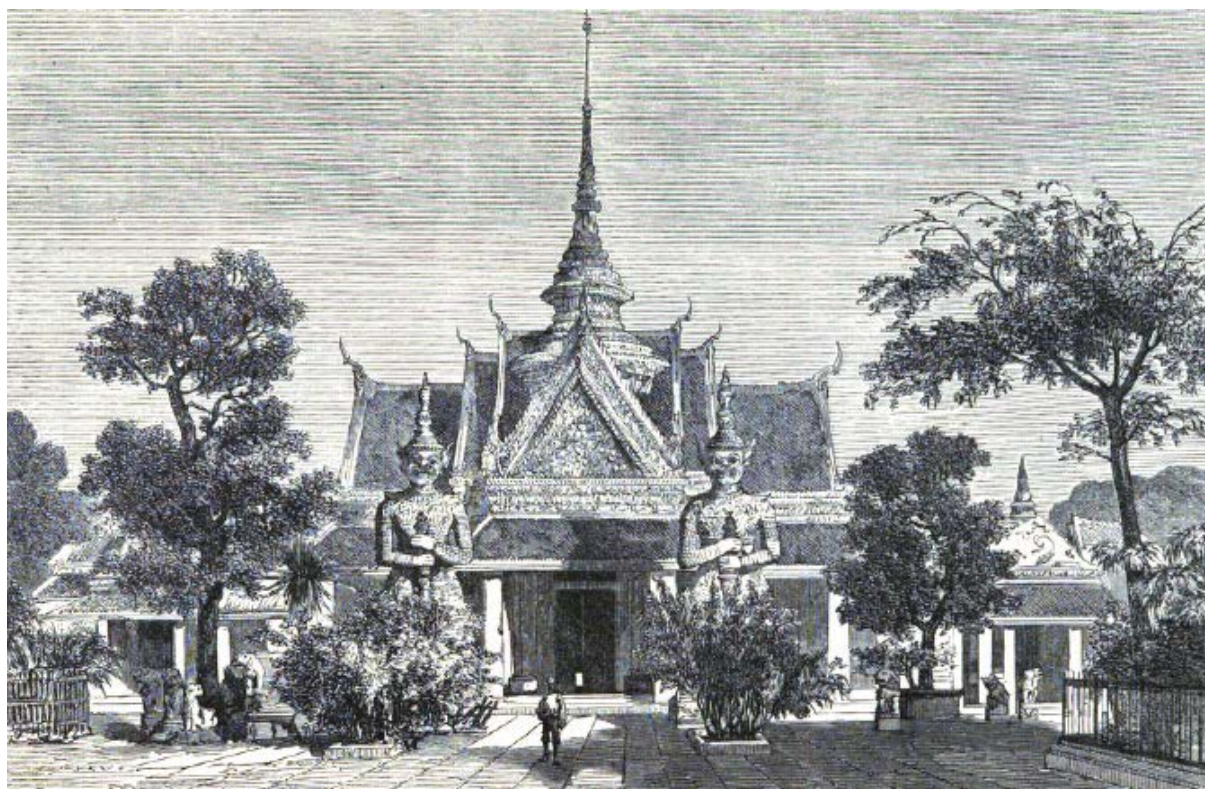
тельно дешевле, чем в Мультмейне (порт Моулмейн в Бирме. – В.Ш.), откуда он поступал в Россию. Установление прямых торговых связей Российской империи с Сиамом, по мнению К.Л. Энквиста, важно и потому, что тик со временем в Бирме будет только дорожать, поскольку заготовка древесины в этой стране становилась все более затруднительной из-за необходимости вести лесозаготовку в труднодоступных, удаленных районах королевства.

Новый дворец короля Сиам в Бангкоке

Также К.Л. Энkvист отметил, что в Бангкоке уже действовали американское, английское, французское и португальское консульства.

Стремление к установлению прямых торговых связей между Российской империей и Сиамом на протяжении всей второй половины XIX века так и оставалось несбыточной мечтой. Разумеется, были свои объективные причины, которые препятствовали реализации этой мечты.

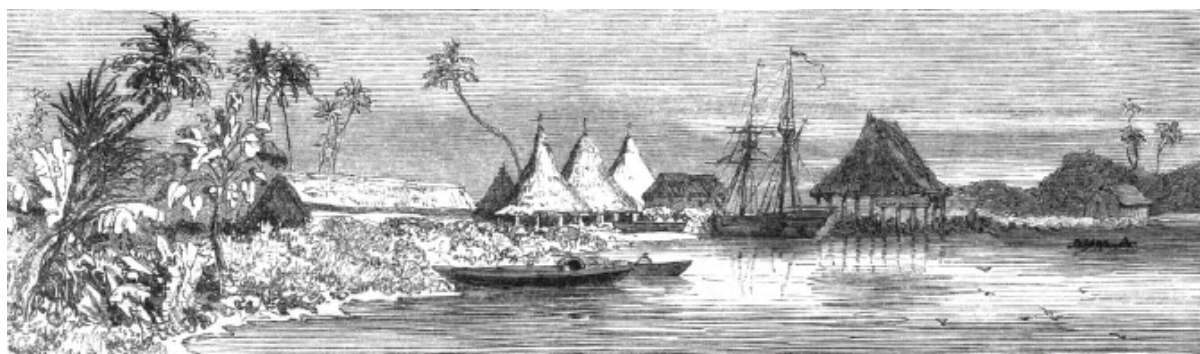

Дворец в Бангкоке

В начале 90-х годов XIX в. вновь оживилась дипломатическая переписка между российскими консулами в странах Юго-Восточной Азии и Азиатским департаментом Министерства иностранных дел Российской империи. Так, в марте 1891 г. российский консул в Сингапуре докладывал директору Азиатского департамента И.А.Зиновьеву о том, что посетил Бангкок и имел встречу с сиамским министром иностранных дел. Последний в частной беседе упомянул, что король Сиамы «желал бы заключить таковой же (торговый трактат. – В.Ш.) с Россией, конечно, на правах покровительствуемых государств» [Там же, л.50]. Переговоры велись уже в практической плоскости, поскольку сиамская сторона предложила проект торгового трактата, который был аналогичен заключенному ранее сиам-

ско-японскому договору. Также российский дипломат сообщил в Азиатский департамент о намерении короля Сиам отправит в Россию своего брата принца Дамронга для вручения императору сиамского ордена «Чакри». Именно принц должен был провести переговоры на высшем уровне о заключении двустороннего торгового договора.

Находясь в Сиаме, российский консул А.И. Выводцев, по всей видимости, навел справки о деятельности российских подданных, находившихся в королевстве. По его сведениям, в Сиаме жили 3-е россияне: Саломон и Гейст находились на государственной службе короля, а господин Иви занимался добычей сапфиров и рубинов на севере Сиам. По этому поводу консул заметил: «Быть может, успех Иви привлечет и других наших соотечественников в богатые руды Сиам, где обилие риса и тикового дерева может со временем привлечь и коммерческие пароходы под русским флагом. Я посему в принципе полагаю бы в высшей степени целесообразным заключение торгового договора с Сиамом, причем на первое время консул в Сингапуре мог бы быть аккредитован и в Бангкоке...» [Там же, л.51].

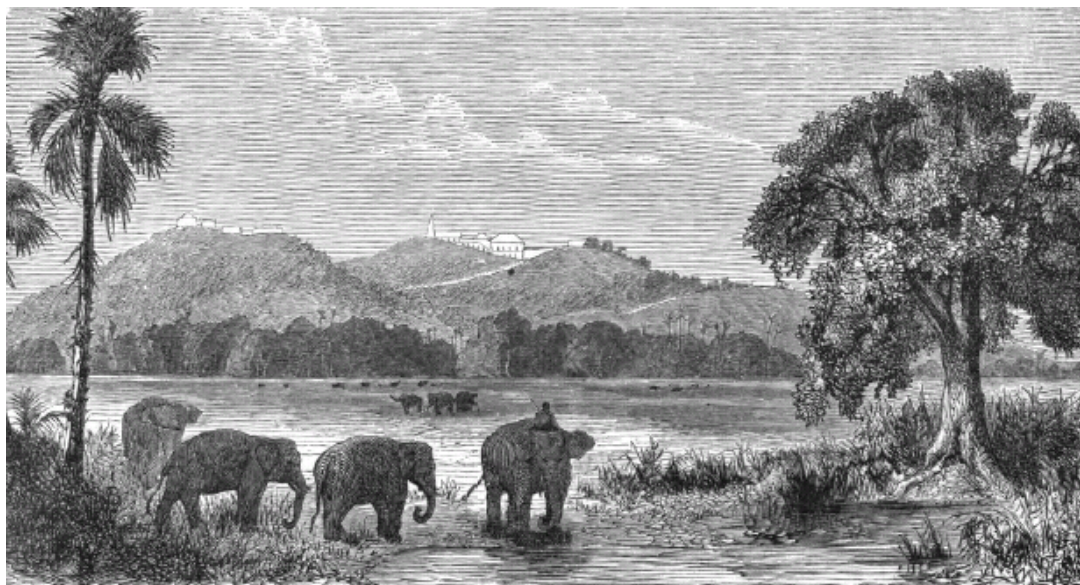

Река Чаупхрая в районе Бангкока

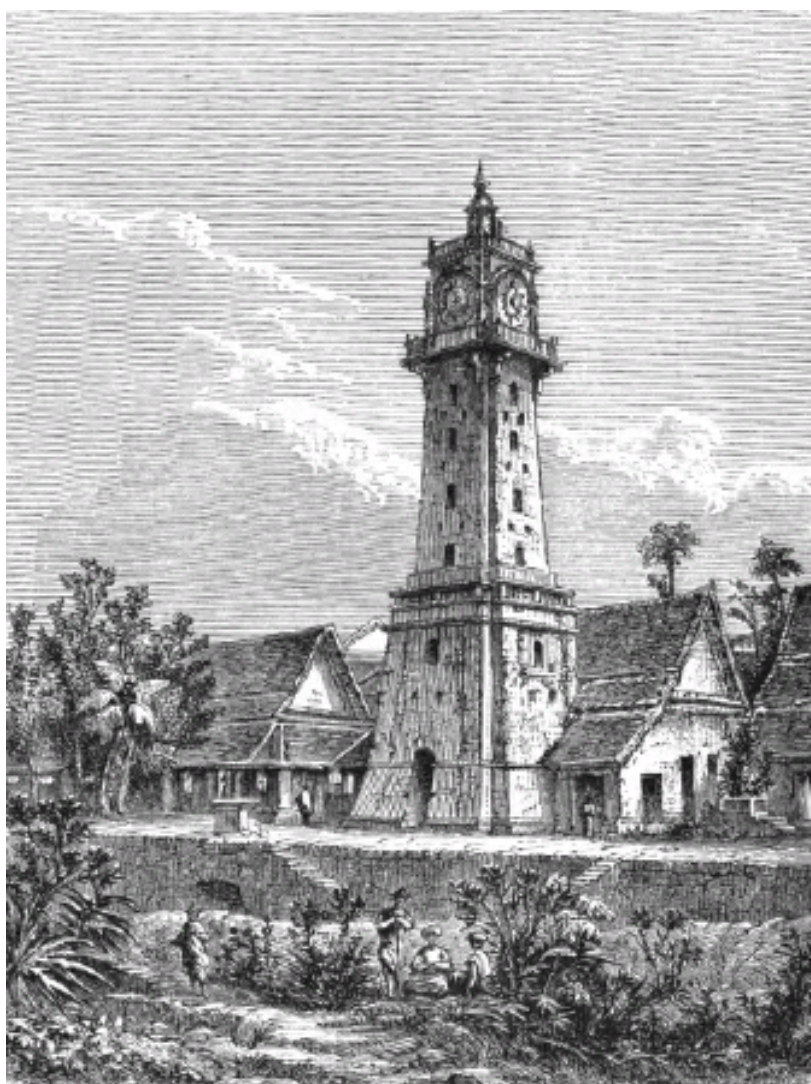
А.И. Выводцеву было поручено активно включиться в подготовку визита сиамского принца в Санкт-Петербург. 15 (27) июля 1891 г. российский консул в Сингапуре докладывал, что принц Дамронг, владевший английским языком, с ближайшим пароходом со свитой в 6 человек отбывает в Европу. Из Лондона он должен был прибыть в Санкт-Петербург. Принца, являвшегося в Сиаме министром просвещения, сопровождали маркиз де Деве, коммодор Дю Плесси де Ришелье, принц Пром, и бароны Сунторн, Рамчат и Сарагут. Также в письме российский консул извещал дипломатическое ведомство о намерении Франции утвердить свои торгово-экономические позиции в Сиаме [Там же, л.61-65].

Российский генеральный консул в Нью-Йорке, прекрасный знаток Дальнего Востока, служивший в отечественных дипломатических миссиях в Китае и Японии, А.Е. Оларовский, характеризуя в 1897 году Дальний Восток, отмечал, что Сиам к концу XIX в. постепенно превратился в арену торгово-экономического и военно-политического соперничества ведущих европейских держав. В своих рассуждениях о судьбах народов Востока будущий генеральный консул Российской империи в Бангкоке блестяще подметил историческую миссию России по отношению к странам и народам Азии: «Судя по последним событиям на Дальнем Востоке, мы не можем не порадоваться той симпатии и тому доверию, с которым начали относиться к нам азиатские народы вообще, а народы Дальнего Востока в особенности, за исключением, может быть, Японии. Наконец-то, китайцы и другие народности Азии убедились, что постоянно внушаемая им западными державами мысль о наших территориальных захватах, о нашем якобы порабощении и уничтожении народностей, поддавшихся вашему влиянию, о нашей ненасытной жадности к завоеваниям и т. п. – несуществующий вымысел, создавшийся с целью устранения тяготения Дальнего Востока к нам, тяготения, которое в силу непредвиденно сложившихся обстоятельств уничтожить западным державам будет очень трудно. Весь Восток и вся Азия, как свободная, так и порабощенная, поняли, что сохранение первыми их независимости, а вторыми их индивидуальности зависит от России». Это мнение в полной мере относилось и к позиции Санкт-Петербурга по отношению к Сиаму.

Несмотря на все попытки властей Сиам сохранить суверенитет королевства, противостоять в полном объеме давлению европейских держав в рассматриваемый период не удавалось. В 1856 г. королю были навязаны договора с Великобританией и США, в 1862 г. – Пруссией, в 1867 г. – Францией. Складывалось впечатление, что европейские государства и США стремились не опоздать, не упустить своей торгово-экономической выгоды в важном регионе мира. Апогеем острой конкурентной борьбы за влияние на Сиам стало нападение Франции на королевство в 1893 г. и навязывание Бангкоку неравноправного договора. В этих условиях власти Сиам стремились к поиску союзников и покровителей. Особый интерес в этом плане представляла Российская империя.

В горной части Сиам

Часовая башня в Бангкоке

В самом конце XIX века одним из важнейших торговых партнеров Сиам оставалась Великобритания. Так, в 1895 году импорт из Англии в Сиам оценивался в 143 009 фунтов стерлингов, а экспорт – в 157 994 ф. ст., ввоз зарубежных товаров только в Бангкок в этот же год составил 2 069 795 долларов США, а вывоз из столицы Сиам за границу – в 2 699 230 долларов [An Almanack, 1897, p.471]. Около 30 % всей внешней торговли Сиам приходилось на Сингапур, Гонконг и Бомбей.

Зал аудиенций в Бангкоке

Примечания:

1. An Almanack for the Year of Our Lord 1897 / by Joseph Whitaker. – London, 1897. – 760 p.

3.3. ФРАНЦУЗСКИЙ ИНДОКИТАЙ, БРИТАНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В МАЛАЙЗИИ И ИНДОНЕЗИЯ В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ

К середине XIX века одним из важных стратегических торговых партнеров *Вьетнама* стал Сингапур. В 1839 г. внешнеторговый оборот с островом оценивался в 1 888 423 франка, а в 1841 г. – в 2 906 317 франков [Dubois, de Ja., 1850, p.588]. Представители французских колониальных властей в Кохинхине в начале 40-х годов посылали своих торговых агентов в Макао, Манилу, Китай с целью поиска новых, близких рынков сбыта.

В 1895 году внешняя торговля Индокитая оценивалась в 117 млн. франков: импорт – 37 млн. фр. и экспорт – 80 млн. фр. [An Almanack, 1897, p. 473]. Важнейшей экспортной культурой региона являлся рис. При осуществлении внешнеторговых операций торговцы и предприниматели руководствовались французским тарифом.

Для англичан *Сингапур* и южная часть Малаккского полуострова представляли интерес как стратегически важные территории на пути из Индийского океана в Китай. Проникновение британцев на территорию Малакки происходило постепенно, путем укрепления сначала торговых позиций, а также активного включения в разработку важных полезных ископаемых.

К 1826 г. англичанами были созданы предпосылки для официального закрепления своей власти на подконтрольных территориях. Так возникла новая британская колония – Стрейтс-Сетлментс. До 1830 г. британские владения в Малакке имели статус четвертого Восточного президентства.

В 1832 г. британцы расширили свои владения, присоединив минанкабауское княжество Нанинг. В этом же году центром колониальной администрации стал Сингапур.

В период с 1851 по 1 апреля 1867 г. Стрейтс-Сетлментс находился в прямом управлении генерал-губернатора Британской Индии, а затем – Министерства колоний. С этого времени самостоятельная коронная колония Великобритании, включавшая также Кокосовые острова и остров Рождества, стала официально именоваться Crown Colony of the Straits Settlements.

В 1874 г. Лондон фактически навязал султану *Перака* сособый насихат (рекомендации. – В.Ш.), которые легли в основу Пангкорского догово-

ра, в соответствии с которым британские советники получали право давать «рекомендации» правителю султаната по вопросам внутренней и внешней политики. Позже английские колониальные власти «предложили» подобного рода договоры и другим малайским правителям (Паханга, Негри-Сембилана и Селангора. – В.Ш.).

В XVI – первой половине XVII века Малакка находилась под управлением португальцев. В 1641 г. в ходе боевых действий голландцы вынудили португальцев уступить Малакку. Господство Нидерландцев в этом регионе Юго-Восточной Азии сохранялось до 1824 г., когда полуостров заняли англичане. С этого времени Малакка находилась под управлением Английской Ост-Индской компании.

MALACCA.

Британцы в рассматриваемый период поставляли в Европу из Малакки ценные породы дерева, гуттаперчу, различные пряности и специи, минералы и т.д.

Интерес к природным богатствам Малакки проявляли и германские предприниматели. В лабораториях Берлина и других городов ученые исследовали образцы минералов, смол и т.д., доставленных из султаната.

Центром торговли султаната являлась столица г. Малакка, где в середине XIX века проживало более 150 тыс. человек. В 1825 г. в городе стали поселяться англичане. Особую роль в торговой жизни султаната играл соседний Сингапур, откуда поступали разнообразные товары, включая европейские.

В 1895 году вывоз в *Британскую Малакку* из Великобритании составил 21 599 976 долларов США, а экспорт в Англию из колонии – 30 062 072 доллара. Общий импорт в 1895 г. оценивался в 211 046 776 долларов, а экспорт – в 185 812 002 доллара [An Almanack, 1897, p.475]. Основными экспортными товарами Стрейтс-Сетлментс являлись гуттаперча, перец, каучук, кожсырье и рога, сахар, рис, саго, тапиока, специи, чай, кофе, табак, олово, натуральные красители и пр.

Среди важнейших статей экспорта с острова *Борнео* следует отметить золото, алмазы (королевство Самбас), перец, специи, жемчуг, камфору (Сукадана), медь, железо (Каримата и Сукадана), олово, воск и пр. [The Journal, 1848, p. 526]. Некоторые виды экспортных товаров приносили европейцам огромную прибыль. Только алмазов из Самбаса и Сукадана ежегодно вывозилось более 600 карат [Ibid, p.].

В XVII–XVIII вв. к Борнео проявляли повышенный интерес англичане. С превращением Сингапура в важнейший центр международной торговли в Юго-Восточной Азии англичане наладили постоянные торговые контакты с островами Индонезии.

Россияне, бывавшие на островах *Индонезии*, оставили ценные сведения о жизни местного населения, а также о состоянии торговли. Так, Тишанский, посетивший Бантонг, отметил: «Будучи важным торговым, он, вместе с тем, и промышленный пункт; там же сосредоточена вся административная деятельность Бантонгского округа. Султан находится в полнейшей зависимости от колониального управления, имеющего по договорам даже право удалить его, назначив другого местного князя в резиденты, – словом, он не что иное, как фирма, получающая от голландского правительства около 150 тысяч франков содержания, да имеющая вдвое своего дохода и живущая ничего не делая, в свою сласть» [Тишанский, 1874, с.237].

Примечания:

1. Тишанский. Ява. Записки из записной книжки / Тишанский // Русский вестник. – 1874. – №3. – С.205 – 246.
2. An Almanack for the Year of Our Lord 1897 / by Joseph Whitaker. – London, 1897. – 760 p.
3. Bastian, Adolf. Reisen in Indischen Archipel. Singapore, Batavia, Manilla und Japan // Die Voelker des Oestlichen Asien / Dr. Adolf Bastian. – Jena: Hermann Costenoble, 1869. – 552 s.
4. Dubois de Jancigny. Japon, Indo-China, Empire Birman, Siam, Annam, Peninsule Malaise, Ceylan / Dubois de Jancigny. – Paris: Firmin Didot Frères, 1850. – 720 p.
5. Goodrich, S.G. A History of Asia and Oceanica / S.G.Goodrich. – Louisville: Pub. Morton and Griswold, 1850. – 235 p.
6. The Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia / by J.B.Logan. – Vol.II. – Singapore: Printed at the Mission Press, 1848. – 848 p.

3.4. СИНГАПУР ВО ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

К середине XIX века Сингапур все больше стал привлекать внимание европейских торговцев. Сюда снаряжались торговые корабли из Франции, Великобритании, Голландии и других государств. В самом городе сформировался крупный китайский квартал (которые местные жители называли китайской деревней), а также квартал, в котором проживали европейцы. О росте численности населения Сингапура в 1823 – 1932 гг. можно судить по данным следующей таблицы, приведенной ниже.:

Как видно из таблицы, за десятилетие население города Сингапур увеличилось вдвое. Быстро превращаясь в важнейший торговый центр всей Юго-Восточной Азии, Сингапур развивался как город интернациональный, где соседствовали разные народы, культуры, религии.

В период с 1833 по 1840 г. численность населения Сингапура еще выросла: с 26 240 чел. до 33 969 чел. [Там же]. В перечне национальностей к 1840 г. в городе встречаются новые: выходцы с острова Бали (661 чел.), парсы (12 чел.) и др. Все это свидетельствовало о том, что Сингапур ста-

новился все более привлекательным с торгово-экономической точки зрения для представителей самых разных народов, стран, религий. К середине века здесь проживало уже около 4 тыс. торговцев [Там же, с.171]. Как отмечали французские исследователи того времени, уже в середине XIX века ключевые позиции в торговле Сингапура, Манилы, Сиама, Сайгона и других важнейших торговых центров занимали китайцы [Там же].

Таблица

**Численность и национальный состав жителей порта Сингапур
в период с 1823 по 1832 гг.***

Национальность жителей Сингапура	1823	1827	1832
Европейцы	74	108	119
Армяне	16	25	35
Индо-англичане	-	-	96
Малайцы	4580	5336	7131
Яванцы	-	355	595
Китайцы	3317	6210	8517
Выходцы из Африки	-	-	37
Выходцы из Бенгалии и Индостана	366	294	406
Выходцы из Коромандельского и Малабарского берегов	390	1095	1819
Всего	10683	14885	20917

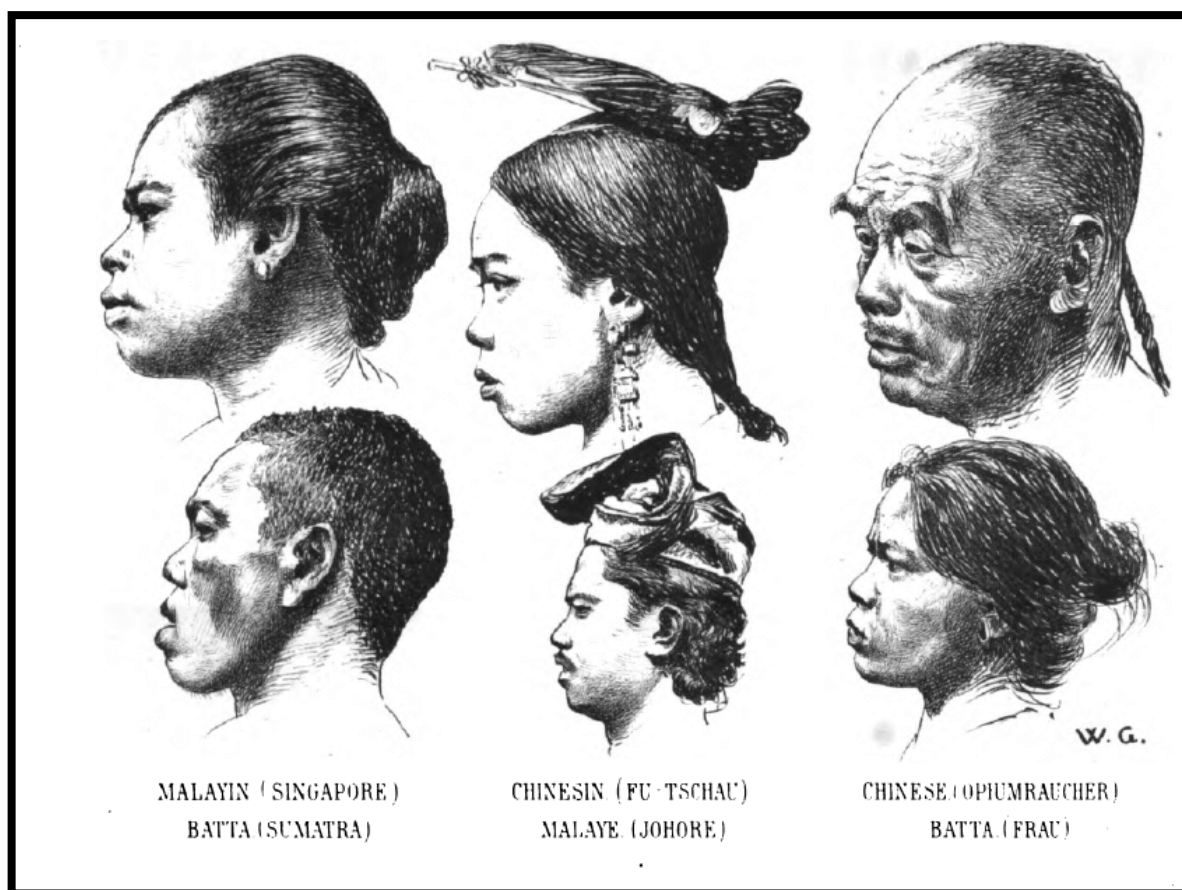
**Marey-Monge, Alph. Singapour, Port Franc de la Malaisie: les Anglais et les Hollandais. Description de l'île de Singapour. Origine et progrès rapides de l'établissement anglais... / Alph. Marey-Monge. – Parise: au bureau de la Revue de l'Orient, 1843. – P.170.*

К 1841 г. объемы внешней торговли Сингапура характеризовались следующими показателями: экспорт оценивался в 52 млн. французских франков, а импорт – в 45 млн. фр. франков. Таким образом, весь внешне-торговый оборот Сингапура составил 97 млн. фр. франков [Там же. с.173].

Приведем сведения об объемах морской торговли Сингапура в рассматриваемый период. Если в 1839-1840 гг. сюда прибыло 552 торговых судна (тоннаж – 148 803 т), то в 1840-1841 гг. – 762 корабля (тоннаж –

220 217 т.) [Там же. с.174]. В начале 40-х гг. самое большое количество торговых кораблей прибыло в порт Сингапура с острова Явы (110), из Калькутты (110), Пинанга (101), Китая (85), Великобритании (65), Австралии (63), Бомбея (54) и т.д. [Там же]. Из Европы (за исключением Англии) в этот же год в Сингапур пришло 11 торговых кораблей. К сожалению, в статистических сведениях не указана их государственная принадлежность.

В 50-60-е гг. XIX века население Сингапура значительно выросло. По данным немецких источников того времени, на острове проживало примерно 100 тыс. человек; из них 81000 – 82000 человек проживали непосредственно в городе [Adolf Bastian, 1869, S.4]. Доктор Адольф Бастиан подчеркивал, что среди сингапурцев особую роль в торговой жизни играли китайцы – выходцы с острова Хайнань.

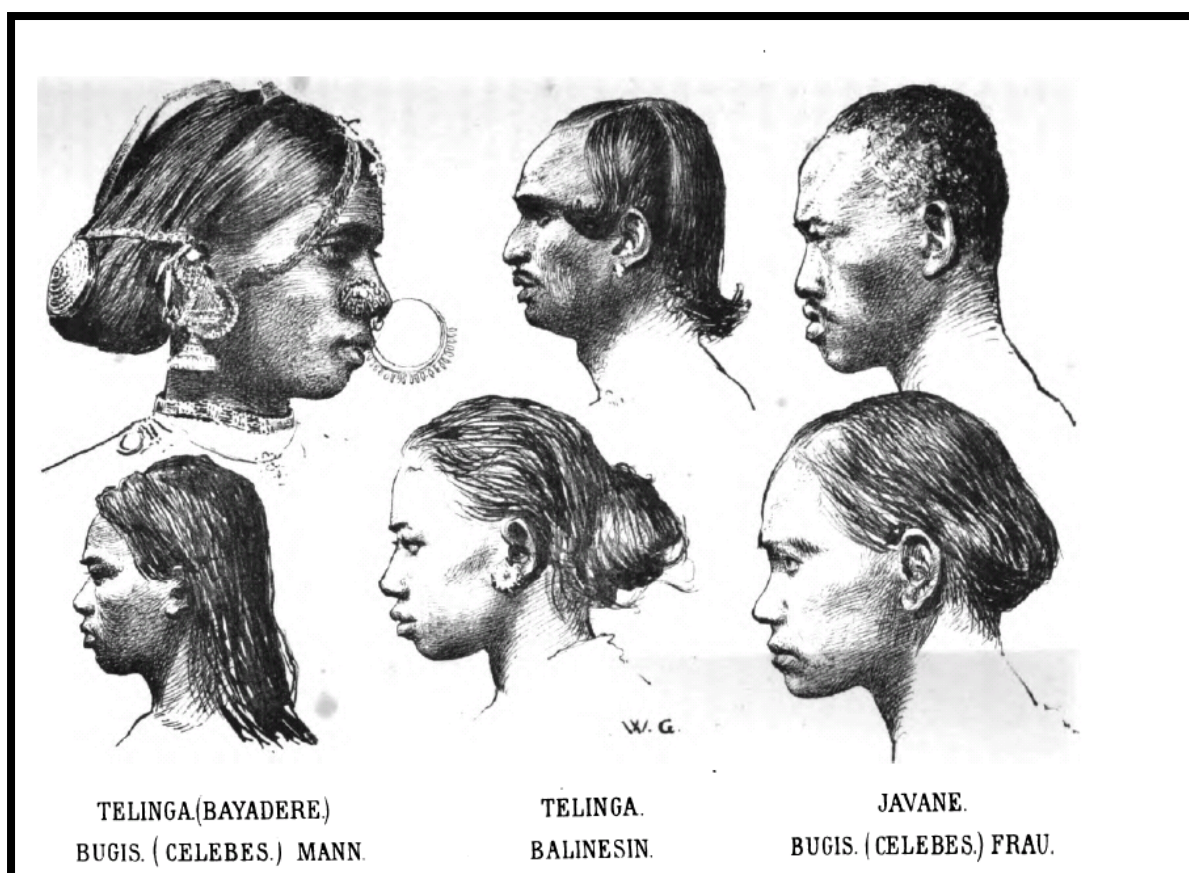

Типы сингапурцев: малайцы, китайцы, бата

Постоянное проживание европейцев в Сингапуре вызывало потребность в привычных продуктах питания, а также в предметах быта, которая не могла быть удовлетворена на месте без соответствующего импорта то-

варов. И если овощи, фрукты, рыбу, морепродукты, мясо европейцы, проживавшие в Сингапуре, приобретали на местных рынках, то специфические товары, произведенные в европейских странах, – только из числа импортных товаров, доставленных непосредственно из Европы. Например, из Франции на остров доставлялись разнообразные алкогольные напитки: пиво, шампанское, бордо, рейнвейн и пр. [Там же, с.30]. Также в городе стали появляться дома с привычными для европейцев удобствами: горячей водой, туалетами, ваннами и пр. Понятно, что необходимое оборудование для их обустройства также доставлялось из европейских стран.

Самостоятельную и весьма специфическую статью европейского экспорта в Сингапур составляли церковные товары. Европейцы, проживавшие на острове, миссионеры, а также аборигенное население, принявшее христианство, нуждались в виноградном вине, христианской литературе, церковной утвари и т.д. Это касалось также мусульман, армян, евреев и представителей иных конфессий, которые также нуждались в предметах религиозного культа.

Типы сингапурцев: телинга, балийцы, яванцы, выходцев с острова Сулавеси

Уголок Сингапура

Со временем европейцы, проживавшие в Сингапуре, постепенно привыкали к восточной кухне, местным специям и пряностям, приобретали традиционные продукты Юго-Восточной Азии. Например, жены европейцев активно использовали сорго, которое доставлялось на остров с Суматры и Борнео. Ежегодный привоз сорго оценивался в конце 60-х гг. XIX века в 60000-70000 долларов США [Там же, с.68].

Важной статьёй сингапурской торговли в рассматриваемый период оставался опиум, который поступал на остров из Китая, Индии и других регионов Азии. Британские власти и предприниматели получали колоссальную прибыль от торговли опиумом.

В 1864-1865 гг. внешняя торговля Сингапура оценивалась в 13 млн. фунтов стерлингов (импорт – 66 182 177 рупий и экспорт – 66 339 578 рупий) [Там же, с.83].

Российские подданные нередко появлялись в Сингапуре, поэтому здесь, очевидно, не удивлялись гостям из далекой северной страны. Отчасти этому способствовало и влияние на острове российского консула Х. Вампоа.

В дореволюционной монографии читаем: «Единственная достопримечательность Сингапура – это сад нашего консула, известного здешнего негоцианта Вампоа, родом китайца. Он прибыл сюда еще маленьким, пообтерся среди европейского населения и, благодаря своему уму, энергии и коммерческой ловкости, быстро разбогател и сделался миллионером. Дом Вампоа лучший в Сингапуре, а его роскошным имениям и загородным дачам позавидовал бы самый богатый повелитель в мире...» [Максимов, А.Я., т.8, ч.2, 1901, с.340]. В доме российского нештатного консула можно было встретить самых разных влиятельных гостей.

Въезд наследника российского престола Николая в Сингапур

Во время пребывания российского писателя и путешественника А.Я. Максимова в Сингапуре в его загородном доме был дан праздничный обед в честь российского адмирала. На обеде среди прочих гостей присутствовал джегорский раджа, правитель с Малайского полуострова. Характеризуя значение острова в международной торговле, А.Я. Максимов отметил: «Центральное положение Сингапура между Калькуттой, Бирманом,

Явой, Сиамом, Борнео и Китаем делает из него меновой рынок для всех произведений островов Индийского архипелага. Из Лондона присылают сюда всевозможные товары, назначенные для отправки в Китай, Сиам, на Яву и даже в Японию...» [Там же, с.335]. Русский писатель выделил те товары, которые доставлялись в Сингапур из разных уголков мира. Так, из Англии поступали хлопчатобумажные изделия, оружие и железо; из Америки – стеклянные изделия, из Австралии – лошади и каменный уголь, из Индии – хлеб, каучук и опиум, из Китая – золото, чай, камфара, квасцы, из Кохинхина – рис, из Манилы – табак и сахар, с малайских островов, принадлежавших Голландии, – гуттаперча и каменный уголь, с острова Целебес (Сулавеси. – В.Ш.) – сандал и ласточкины гнезда [Там же].

С открытием Суэцкого канала для судоходства 17 ноября 1869 г. в России со всей серьезностью стали рассматривать вопрос об установлении прямых морских торговых связей с островом на черноморском направлении. В некоторых отечественных изданиях уже сравнивали преимущества для России установления прямых торгово-экономических отношений с Сингапуром. В частности, сравнивалось расстояние до Сингапура от Одессы и от английского порта Саутгемптон – ведущего центра торговли с Ост-Индией. К примеру, расходы на перевозку 1 тонны из Саутгемптона до Сингапура на парусном корабле составляли 20,6 франков, то из Одессы на пароходе – 17,5 франков [Скальковский, К.А., с.86]. Кроме этого, доставка восточных товаров в Одессу производилась бы значительно быстрее, поскольку расстояние от Одессы до Сингапура значительно меньше, чем от Саутгемптона до острова.

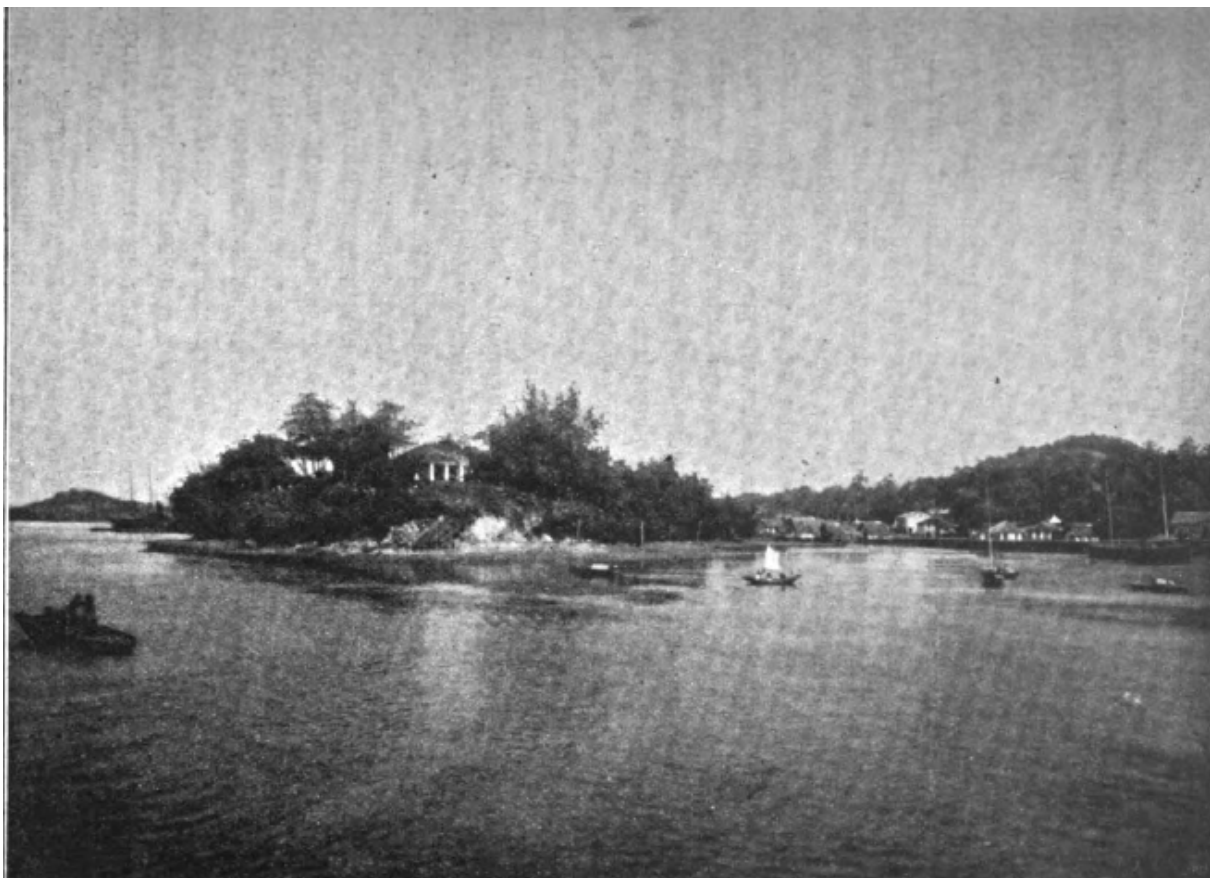
Отечественный исследователь К.А. Скальковский в своей монографии отметил: «Сингапур представляет, как известно, складочное место товаров, идущих в Индию, Индийский архипелаг, Китай и Японию. Кроме того, он представляет важный рынок Малаккского полуострова и соседних островов» [Там же, с.194]. Эта роль Сингапура с открытием Суэцкого канала еще больше усиливалась. О чем свидетельствовали и объемы внешней торговли острова. До открытия канала, еще в 1864 г., они составляли 73 335 700 руб. (импорт – 37 070 008 руб. и экспорт – 36 284 700 руб.) [Там же, с.194-195]. Важнейшими национальными товарами Сингапура, ориентированными на экспорт, оставались олово, различные пряности, ценные породы дерева и пр. (так называемые *Straits settlement*. – В.Ш.).

К.А. Скальковский также обратил внимание, что сингапурские товары Россия могла бы закупать и через посредничество индийских городов Бомбея и Калькутты. Именно из этих портов в Сингапур ходили регулярные пакетботы компаний «British India Steam Navigation Company», «Compagnie des services maritimes des Messageries Imperiales».

Некоторые товары из Сингапура можно было встретить на ярмарках и в магазинах крупнейших городов Российской империи. Среди них – мускатный орех, каучук, гуттаперча, натуральный краситель гамбиер (темно-желтого цвета; пуд его в Санкт-Петербурге стоил 3 руб. – В.Ш.), черепаховая кость и др.

С развитием порто-франко в Сингапуре значимость острова в международной торговле значительно выросла. Российский путешественник А.В. Вышеславцев отмечал: «Удивительно быстрое развитие Сингапура. Англии нужен был коммерческий пункт, там, где Голландия и Испания почти исключительно владели коммуникациями, и хотя и плохо, но все-таки почти одни пользовались сокровищами края. А едва ли найдется в мире более счастливый уголок земли, как эти острова, прорезанные бесчисленными проливами и омываемые несколькими морями, – Малайским, Яванским и Китайским. Острова эти изобилуют всем, что только может произвести природа прекрасного и поражающего чувства» [Вышеславцев, А.В., 1860, №3, с.169]. А.В.Вышеславцев подробно описал Сингапур, отметив его торговую жизнь. Российский путешественник и историк искусства, Алексей Владимирович был поражен разнообразием фруктов, которые произрастали на острове и которые можно было легко купить в торговых рядах: «В Сингапуре, как я уже говорил, царство плодов: ананасы дешевле картофеля, ими откармливают свиней. Есть еще дурион, большой зеленый плод, с неприятным запахом, но когда привыкнешь к этому запаху, дурион предпочитается всем другим плодам. Мангу, *boa ontang*, – плод величиной со сливу, наружная кожа покрыта махровой оболочкой; ее срезают сверху и выдавливают прозрачное студенистое мясо, ароматическая сладость которого превосходна. Пампльмус (по всей видимости, помело. – В.Ш.), исполинский апельсин, величиной с порядочный арбуз; аромат апельсина, вкус горько-кисловатый, освежающий; он относится к обыкновенному апельсину, как гомар к речному раку. У Вемпоа в саду мы видели еще, в горшке, микроскопическое деревце-игрушку, с плодами величиной

в горошинку, а цветом и вкусом точь-в-точь апельсины (здесь автор, видимо, ведет речь о кумквате. – В.Ш.). Не говорю о бананах (которые, впрочем, здесь так хороши, что подобных мы нигде не ели), апельсинах, кокосовых орехах, танжеринах и других фруктах, на которые здесь и не смотрят» [Там же, с.191]. Конечно, большинство этих экзотических для русского человека фруктов было не доступно в Российской империи. Но во время посещения Сингапура и других мест Юго-Восточной Азии возможность попробовать эти фрукты у россиян, конечно, была.

У берегов Сингапура

А.В. Вышеславцев особое внимание обратил на роль индийцев и китайцев в торговле Сингапура, а также на пестрый состав населения острова: «Состав народонаселения самый пестрый. Все здешние Индусы ссыльные; иные даже клеймены; на лбах их вырезано название преступления и наказание; другие ходят в кандалах; последних посылают на работы дорог. По истечении срока многие остаются здесь поселенцами. В Сингапуре редко можно встретить старика; Китайцы переселяются сюда только в мо-

лодых летах; нажившись, всякий старается дни своей старости провести на родной земле. Много здесь восточных Евреев и Армян, приехавших, конечно, для денежных оборотов. Едва ли в каком городе можно свободнее и легче обделать свои дела. Поэтому в Сингапуре почти нет постоянных жителей; все больше приезжие, все смотрит чем-то случайным, временным» [Там же, с.205].

Примечания:

1. Вышеславцев, А.В. Малайское море / А.В.Вышеславцев // Русский вестник. 1860. – №3. – С.161 – 206.
2. Максимов, А.Я. На Далеком Востоке: Полное собрание сочинений / А.Я.Максимов. – Кн.8. – Ч.2. – СПб.: Типо-литография К.Л.Пентковского, 1901. – 366 с.
3. Скальковский, К.А. Суэцкий канал и его значение для русской торговли / К.А.Скальковский. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1870. – 316 с.
4. Bastian, Adolf. Reisen in Indischen Archipel. Singapore, Batavia, Manilla und Japan // Die Voelker des Oestlichen Asien / Dr. Adolf Bastian. – Jena: Hermann Costenoble, 1869. – 552 s.
5. Marey-Monge, Alph. Singapour, Port Franc de la Malaisie: les Anglais et les Hollandais. Description de l'île de Singapour. Origine et progrès rapides de l'établissement anglais... / Alph. Marey-Monge. – Parise: au bureau de la Revue de l'Orient, 1843. – 175 p.

3.5. ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ БИРМЫ И ПОПЫТКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЯМЫХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ С РОССИЕЙ

В рассматриваемый период Бирма имела тесные торговые связи с Китаем, особенно с его юго-западными провинциями. Приграничная торговля была выгодна народам обеих стран. Китайские товары поступали в Рангун в том числе по рекам (в основном Иравади). Товары из Китая можно было встретить в самых разных регионах Бирмы, в частности на рынках Мандалая [Sladen, E.V., 1870, p.25].

Расширению внешнеторговых связей Бирмы способствовало развитие средств связи. Британские колониальные власти в своих южноазиатских владениях за короткий срок (с середины 50-х гг. до конца 60-х гг. XIX века) в 4 раза увеличили количество почтовых отделений, в том числе на территории Бирмы (подсчитано нами. – В.Ш.) [Smith, G., 1870, p.452]. Значительные средства были направлены на строительство Индо-европейского телеграфа, который связал государства Европы с Индией. Строительство телеграфа вела фирма «Сименс и Гальске» с 1867 по 1870 г.

13 сентября 1862 г. бирманские власти утвердили новый таможенный тариф, в соответствии с которым европейские товары облагались 10% ставкой [Fryer, G.E., 1867, p.6]. Экспортный тариф был утвержден в размере 6 % (на шелк тариф был снижен до 2,5 %). В перечне экспортных товаров Бирмы значится более 60 наименований. Наиболее значимые из них: фрукты, бамбук, ротанг, мыло, табак, различные специи, медь, серебро, мед, растительное масло, природные красители и т.д. [Там же, p.6-7].

29 января 1863 г. король Бирмы был вынужден принять навязанные ему британскими колониальными властями условия торговли для английских подданных. Последние получили целый ряд преференций и право на осуществление торгово-экономической деятельности практически на всей территории королевства. Для них были снижены таможенные ставки (до 2 %) при осуществлении торговых операций в Рангуне и в подведомственных английских владениях. Позже британские власти внесли изменения в законодательный акт и добились 1%-ного тарифа для всех товаров, предназначенных на экспорт и транспортируемых по реке Иравади и через морской порт Рангуна.

После утверждения британцев в Бирме они приняли ряд законодательных актов в сфере гражданского, уголовного права (по примеру Британской Индии), что в некоторой мере способствовало преодолению пережитков прошлого в королевстве и продвижению европейских правовых норм. Многие сферы материального производства были подвергнуты правовому регулированию со стороны англичан. К примеру, британские власти определили правила внутреннего и морского рыболовства в Бирме. Подобного рода правила были установлены в отношении добычи и торговли солью.

В 1865 г. британские колониальные власти ввели беспошлинный ввоз с территории Индии некоторых товаров в Бирму. В перечне содержалось 31 наименование товаров, включая географические карты, музыкальные инструменты, книги, бумагу, механизмы и инструменты для сельскохозяйственного производства, навигации, горной добычи, лёд, домашних животных, обмундирование и военное снаряжение, вина и ликеры, пиво и алкогольные напитки, и т.д. [Ibid, p.312-313]. Эти товары предназначались, прежде всего, для сотрудников британской колониальной администрации и членов их семей, а также специалистов, исследователей, находившихся в Бирме по делам.

Англичане законодательными актами упорядочили рыночную торговлю в Британской Бирме. Практически во всех провинциях королевства были учреждены местные базары, которые разделялись на 5 классов в зависимости от объемов торговли, ассортимента товара, периодичности проведения торга. Был установлен единый тариф на право торговли для местных жителей. Это были небольшие суммы: от 5 до 15 рупий [Ibid, p.381-382]. Базары имели единый регламент работы: торжища открывались в 6 утра и завершали работу в 18 ч.

Во второй половине 50-х гг. XIX века британские власти инициировали строительство железной дороги, которая должна была связать Рангун с юго-западным Китаем и Индией, а также регионами Индокитайского полуострова. Английские специалисты очень педантично рассчитали маршрут будущей железной дороги, необходимый объем финансовых и трудовых ресурсов и пр. Любопытно, что в этом грандиозном проекте англичане не оставили без внимания Россию. Они считали, что в случае строительства железнодорожной ветки от Москвы до Кяхты, а от Кяхты до Пекина у российских предпринимателей возникнет реальная возможность доставлять свои товары на юг Китая и в Индокитай. Вот почему британцы полагали важным строительство южной ветки железной дороги: через Кантон и весь Индокитай на Рангун, а затем в Бенгалию и другие районы Британской Индии. Во всех британских проектах строительства железной дороги проводятся параллели с действиями российских властей по созданию условий для расширения внешнеторговых операций. В документах упоминаются укрепление порта Николаев на Амуре, который открывал новые перспективы для торговли России с Китаем и Японией [The British...,

р.25]. Британцы с тревогой следили за укреплением позиций Российской империи в бассейне Тихого океана. Это внимание усилилось в связи с Крымской войной и активизацией россиян на дальневосточных рубежах империи.

К проекту строительства гигантской по своим масштабам железной дороги от Китая до Индии через Индокитай англичан подталкивала и тревога в связи с усилением позиций Соединенных Штатов в Тихоокеанском бассейне. В «The San-Francisco Journal» от 19 апреля 1858 г. в статье «Торговля в Азии», в частности, отмечалось, что в древности контроль за европейско-азиатской торговлей осуществляли Персия, Ассирия, Карфаген и Рим, а позже – Венеция, Генуя, Лиссабон, Амстердам и Лондон. Теперь у США открылись совершенно новые перспективы, поскольку государство имеет значительные порты как на побережье Атлантического, так и Тихого океана. Столь повышенное внимание США и Великобритании к укреплению позиций Российской империи на Тихом океане, расширение торговой деятельности и мореходства на Амуре были не случайными: эти державы видели в России конкурента в борьбе за азиатские рынки, включая и Индокитай. В англоязычной прессе того времени любые действия России по укреплению позиций в морских портах расценивались как опасные и враждебные интересам США и Великобритании на Востоке. Даже если речь шла об Архангельске и Северном морском пути. Из исторических запасников журналисты доставали идеи Ивана Грозного и других правителей России о продвижении на Восток, о важности азиатских рынков. Вспомнили они и об особой роли армянских торговцев в Бирме, их влиянии на бирманского короля [Ibid, p.VI].

Британские владения в Бирме (после завоеваний 1826 и 1852 гг.) включали 3 округа: Аракан, Пегу и Тенасерим, т.е. стратегически и экономически очень важные регионы страны. Это была территория, на которую распространялась юрисдикция британской короны. Однако сфера экономического влияния Лондона простиралась значительно шире: практически на всю территорию Бирмы. Среди важнейших экспортных товаров служили рис, тиковое дерево, драгоценные камни, хлопок, нефть и др. Годовой оборот торговли на территории Британской Бирмы оценивался примерно в 16 млн. фунтов стерлингов [Бирма Британская, с.430]. На своей территории англичане проложили железную дорогу от Рангуна до Прома (174 вер-

сты) и планировали строительство железнодорожной ветки из Рангуна в Тунг-нгу. Также британские колониальные власти провели телеграфные линии, которые соединили важнейшие города Британской Бирмы с Калькуттой и другими торговыми центрами Британской Индии.

В 1862 году импорт в Британскую Бирму составил 26 300 227 рупий, а экспорт – 26 017 088 рупий. Таким образом, общий внешнеторговый оборот Британской Бирмы в этот год оценивался в 52 470 315 рупий [Scott J., 1911, , р.279]. Приведем примеры по объемам внешней торговли Британской Бирмы в последующие годы. В 1866-1867 гг.: экспорт – 23 140 620 рупий, импорт – 25 553 850 рупий, в 1876-1877 гг.: экспорт – 55 166 540 руп., импорт – 47 094 040 руп.; в 1883-1884 гг.: экспорт – 87 302 560 руп., импорт – 73 134 510 руп.; в 1887-1888 гг.: экспорт – 89 135 440 руп., импорт – 101 058 201 руп.; в 1893-1894 гг.: экспорт – 114 058 201 руп., импорт – 98 504 075 руп.; в 1899-1900 гг.: экспорт – 186 484 445 руп., импорт – 125 865 435 руп. [Ibid].

Открытие навигации через Суэцкий канал позитивно отразилось на внешнеторговых связях Британской Бирмы с государствами Европы, и, прежде всего, с Великобританией.

Одним из важнейших экспортных товаров Бирмы на протяжении всего рассматриваемого периода оставался рис. Целые регионы страны специализировались на его выращивании. Например, в 1873-1874 гг. вывоз риса с территории Пегу оценивался в 483 904 тонны. Значительная часть риса из этого региона доставлялась в Индию (385 622 т) [Ibid, p.283]. В 1877-1878 гг. из Пегу вывезено было уже 456 374 т риса на 30 203 390 рупий. В 1889 г. в Европу было доставлено риса 708 930 т, в Индию, Китай и Сингапур – 245 429 т. В 1894 г. вывоз риса в Европу и Америку составил 729 965 т, в Индию и Китай, Малайзию – 594 504 т. В 1899 г. объем экспорта риса в Европу и Америку достиг 867 415 т, в Индию, Китай и Малайзию – 684 016 т.

Рис, предназначенный для экспорта в европейские страны, поступал, прежде всего, в Англию, а также в Бремен и Гамбург, во Францию, Германию, Голландию и даже в Италию.

Значительные объемы бирманских товаров также доставлялись в районы Западного Китая, в Сиам, а также в земли каренов и шан. Товара из

Британской Бирмы доставлялось сюда на 2 млн. фунтов стерлингов [Ibid, p.287].

Бирма, в то же время, служила обширным рынком сбыта английских промышленных изделий. Сюда сбывались хлопчатобумажные и шелковые изделия с предприятий Манчестера и других промышленных центров Великобритании. К концу века в Бирму также стали поступать шелковые изделия из Японии. Хлопчатобумажные ткани доставлялись из Англии и Бомбея. Целая группа готовых изделий поступала в Британскую Бирму из Калькутты.

В конце 80-х-90-е гг. XIX века значительно выросли объемы морской торговли Британской Бирмы. В 1889-1890 гг. через морские порты Бирмы прошло импорта на 6 375 001 фунт. стерл., экспорта – на 6 776 800 ф. ст. В 1894-1895 гг. импорт составил 5 551 259 ф.ст., экспорт – 9 113 847 ф. ст.; в 1899-1900 гг. – 8 291 029 ф. ст. и 12 428 963 ф. ст. соответственно [Ibid, p.290].

Народ яо в Бирме

Бирманская женщина

К началу XX в. объемы внешнеторговых связей Бирмы с зарубежными странами выглядели следующим образом: Великобритания – 131 лакх рупий (1 лакх + 100 000), Австро-Венгрия – 6, Бельгия – 9, Франция – 6, Германия – 16, Голландия – 7, Россия – 2, США – 6, Китай и Гонконг – 6, Япония – 22, Ява – 5 и Малайзия – 6 лакх рупий [Ibid, p.291].

В 1903-1904 г. в порты Бирмы прибыли корабли из следующих государств мира: Великобритания – 905 (тоннаж – 1 756 125 т), что составило 82,45 % от всех пришедших судов; Германия – 77 (173 844 т), Норвегия –

92 (101 983 т), Австрия – 19 (50 318 т), Франция – 13, Российская империя – 6 [Ibid, p.293]. На остальные государства пришлось 26 кораблей.

В конце XIX века Бирма оставалась страной, поставлявшей на мировой рынок традиционные товары. Среди них – различные минералы, золото, серебро, рубины, железо, свинец, олово, уголь и нефть [An Almanack, 1897, p.453].

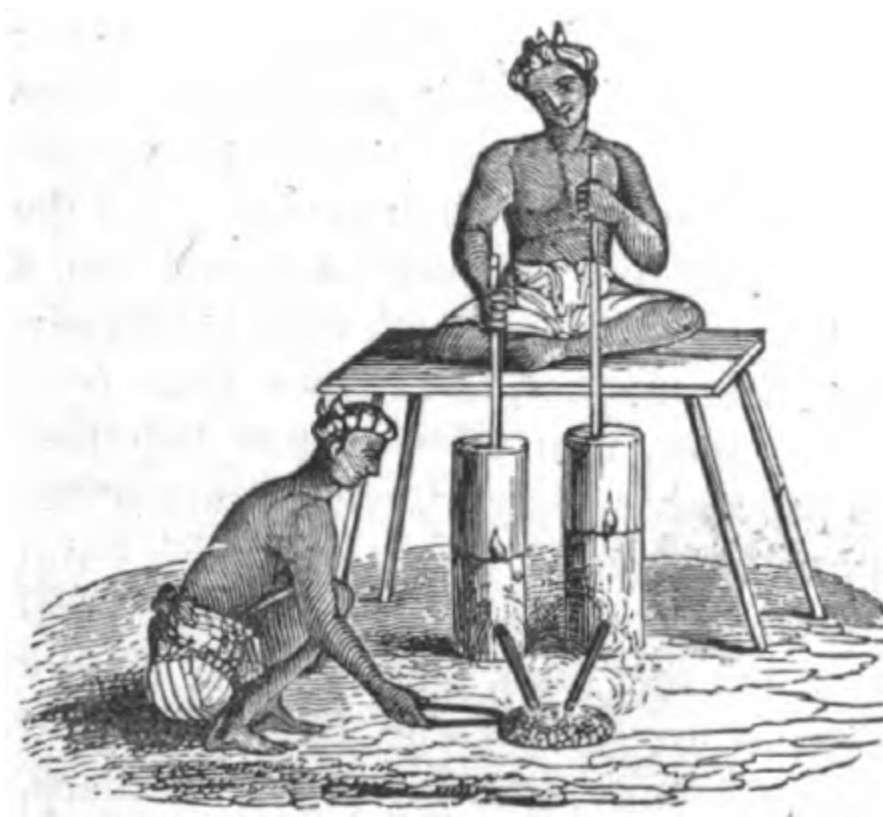
С территории Британской Бирмы товары к концу XIX века экспортировались не только в Великобританию и Индию, но и в другие государства мира: Китай, Германию, Францию, США, Бельгию, Египет, Австро-Венгрию, Цейлон, Италию, Японию, Мавританию, Персию, Россию, арабские государства Персидского залива, Австралию, Занзибар и страны Восточной Африки, Турцию, Южную Америку, Голландию и др. [Ibid, p.465].

Свита знатного бирманца

В российской периодической печати в 80-е годы XIX века появлялись статьи (чаще всего основанные на зарубежных источниках) о положении в Бирме. В них, в частности, сообщалось о природных богатствах страны, о развитии ремесел и торговли. В журнале «Нива» в 1886 году (№5) была опубликована статья «Бирманская империя и ее царь», в которой российский читатель мог почерпнуть следующие сведения: «Внутренняя торговля исключительно меновая, а внешняя находится в руках ино-

странцев, особенно англичан и китайцев. Страна изобилует золотом, добываемым из речного песка, серебром, оловом и превосходным железом. Нефть добывается из многочисленных колодцев на левом берегу Иравади. Кроме того, в стране есть прекрасный белый мрамор, серпентин, янтарь, сапфиры и благородные металлы» [Бирманская империя, 1886, с.143]. В статье вкратце рассказывалось также о развитии сельского хозяйства в стране, о возделывании риса, пшеницы, маиса, проса и других культур. Неизвестный автор упомянул и о захвате англичанами Мандалая в ноябре 1885 года, а также о вывозе бирманского правителя в Мадрас.

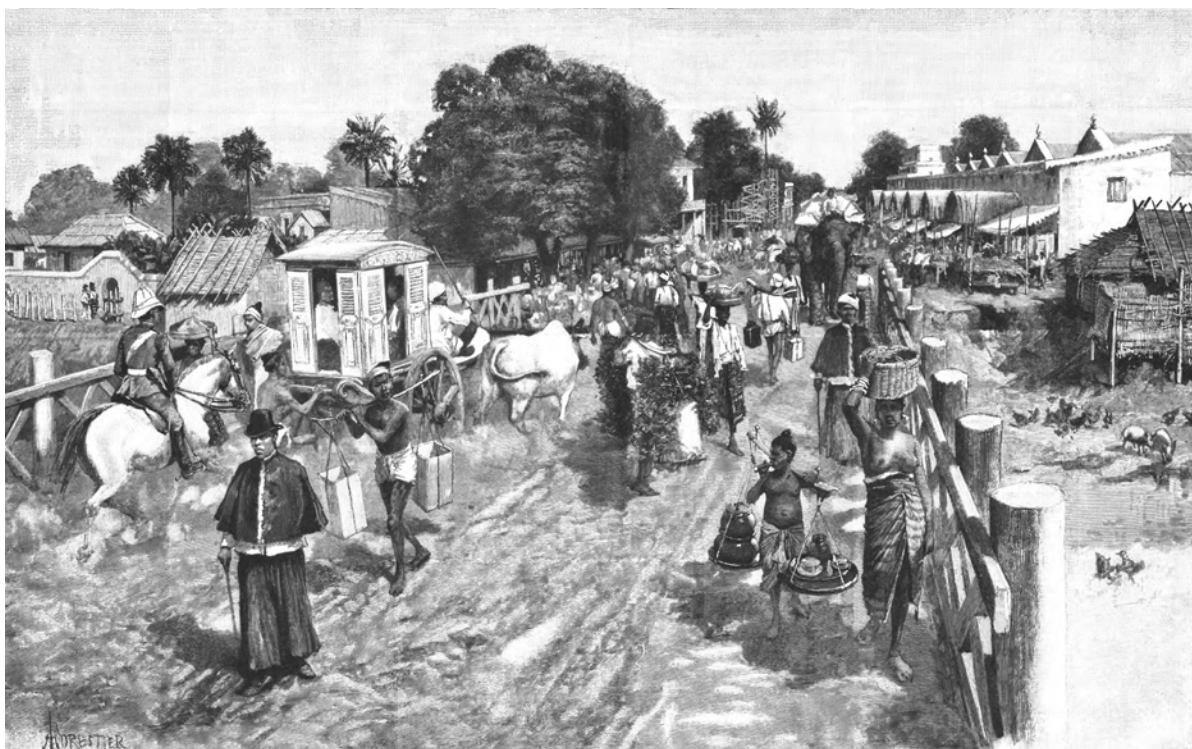

Плавка серебра в Бирме

На протяжении всего рассматриваемого периода английские колониальные власти неоднократно снаряжали специальные торговые экспедиции как непосредственно по всей территории Бирмы, так и в окрестные владения. Целью этих экспедиций было осуществление торгово-экономической разведки, изучение на месте природных ресурсов, местного производства, транспортных путей, особенностей торговли. Такие путешествия, нередко сопряженные с трудностями и опасностями, вносили весомый вклад в изучение народов Юго-Восточной Азии, в целом, и Бирмы, в частности. В хо-

де их осуществления уточнялись некоторые географические и исторические сведения, описывались пути и населенные пункты, переправы, давалась характеристика минерально-сырьевой базы разных регионов Бирмы, приводились сведения о ценах на различные товары и т.д.

В качестве примера можно привести экспедицию под руководством капитана Е.Б. Слейдена по Бирме и в Западный Китай в 1869 году. В состав экспедиции входил и капитан А. Бауэрс, торговый агент. Посетив разные районы Бирмы, они ознакомились с производством мануфактурных изделий в землях народа шаны. Использование серебра, нанесение национального орнамента – все это делало продукцию шанов красочной и востребованной на рынке.

Улица в Мандалае, главном городе Бирмы

В следующей таблице мы представили статистические данные об объемах бирманской морской торговли с 1811 по 1899 гг.

Путешественники также исследовали основные районы добычи минерального сырья, в котором нуждались британские колониальные власти. Капитаны также выяснили каналы сбыта серебра, меди, олова и других металлов из Бирмы в Китай и другие регионы Азии, узнали стоимость сделок по металлам и металлическим изделиям. Они подчеркнули особую роль

реки Иравади в развитии как внутренней, так и внешней торговли Бирмы, а также подробно охарактеризовали торговое значение города Мандалай. Опубликованный капитаном А. Бауэрсом отчет об экспедиции – ценнейший источник как по истории Бирмы, в целом, так и по истории ее внутренней и внешней торговле [Bowers, A., 1869].

Таблица

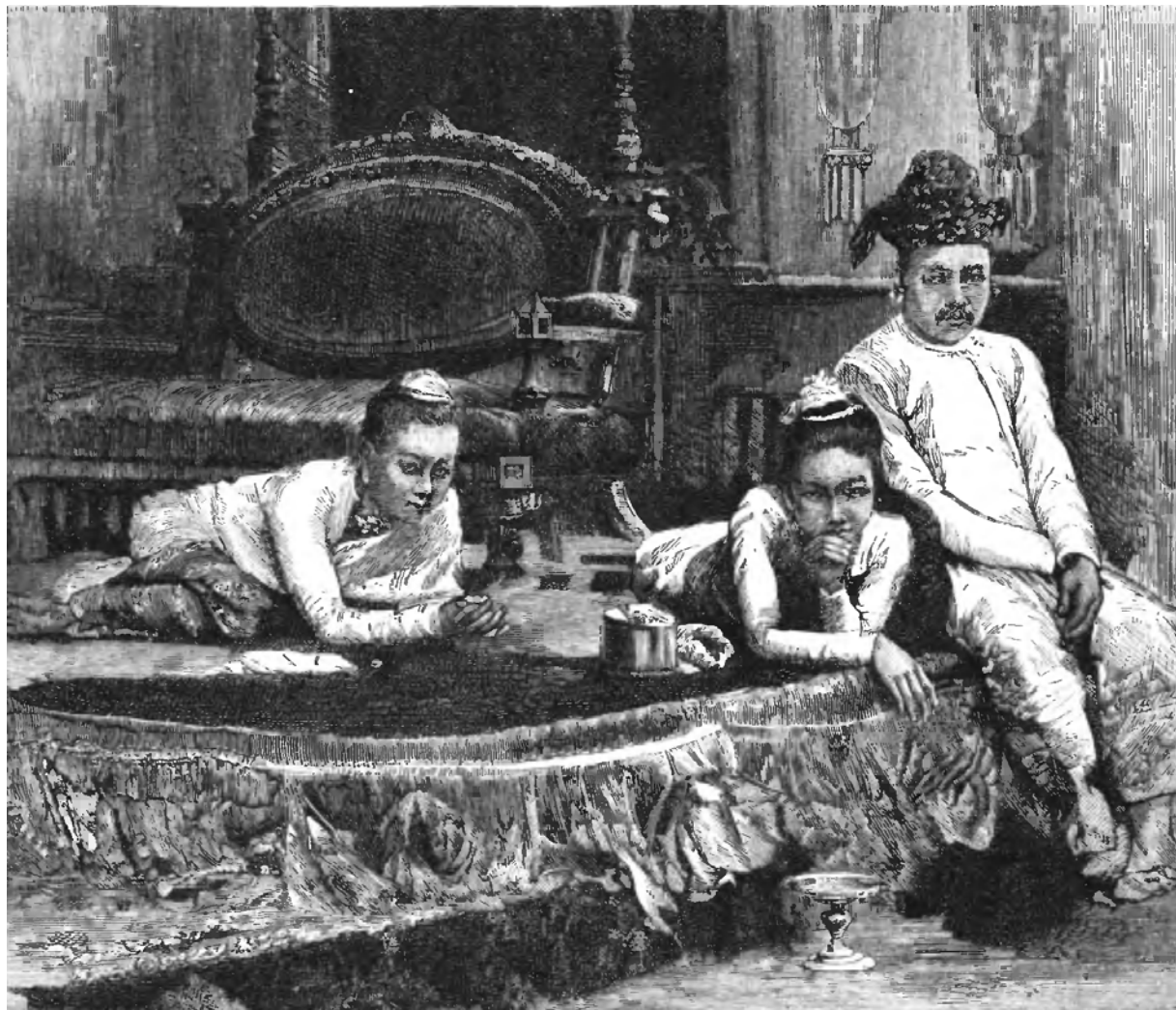
Развитие морской торговли Бирмы в 1811 – 1899 гг.*

Показатель	1811	1825	1830	1840	1854
Кол-во торговых судов	20	56	140	-	-
Тоннаж	-	5 400	-	82 000	86 000
Объем экспорта, рупии	-	-	-	-	300 000
Объем импорта, рупии	-	-	-	-	-
	1866	1876	1883	1893	1899
Кол-во торговых судов	-	-	-	2 500	3 129
Тоннаж	-	-	-	1 300 000	2 060 737
Объем экспорта, рупии	23 140 620	55 166 540	87 202 560	114 058 201	153 885 920
Объем импорта, рупии	25 553 850	47 094 040	73 134 510	98 504 075	115 495 150

* *Ferrars, Max and Bertha. Burma / Max and Bertha Ferrars. – London: Sampson Low, Marston and Co, 1901. – P.213.*

Важнейшими экспортными товарами Бирмы в 1899 году были следующие: каучук (11,37 лакх рупий), хлопок (26,36), рыба (22,74), лекарственные вещества (7,77), фрукты, овощи (3,90), кожсырье (16,01), рога животных (0,73), слоновая кость (0,59), лошади (6,15), ювелирные изделия (0,35), драгоценные камни (рубины, жемчуг и др. – 0,34), природный лак (1,32), олово (14,27), парафин, нефть и пр. (8,33), рис неочищенный (20,94), рис очищенный (1119, 87), рисовые отруби (27,79), семена (0,05), специи (9,92), лесоматериалы (71,25), дерево (3,32), табак необработанный (1,33), табак выделанный (1,70), различные драгоценные вещи (68,11), прочие то-

вары (51,10). Итого в 1899 г. из Бирмы было вывезено товаров на 153 885 000 рупий [Ibid, p.213].

Правитель Бирмы с двумя женами

Индиец

Примечания:

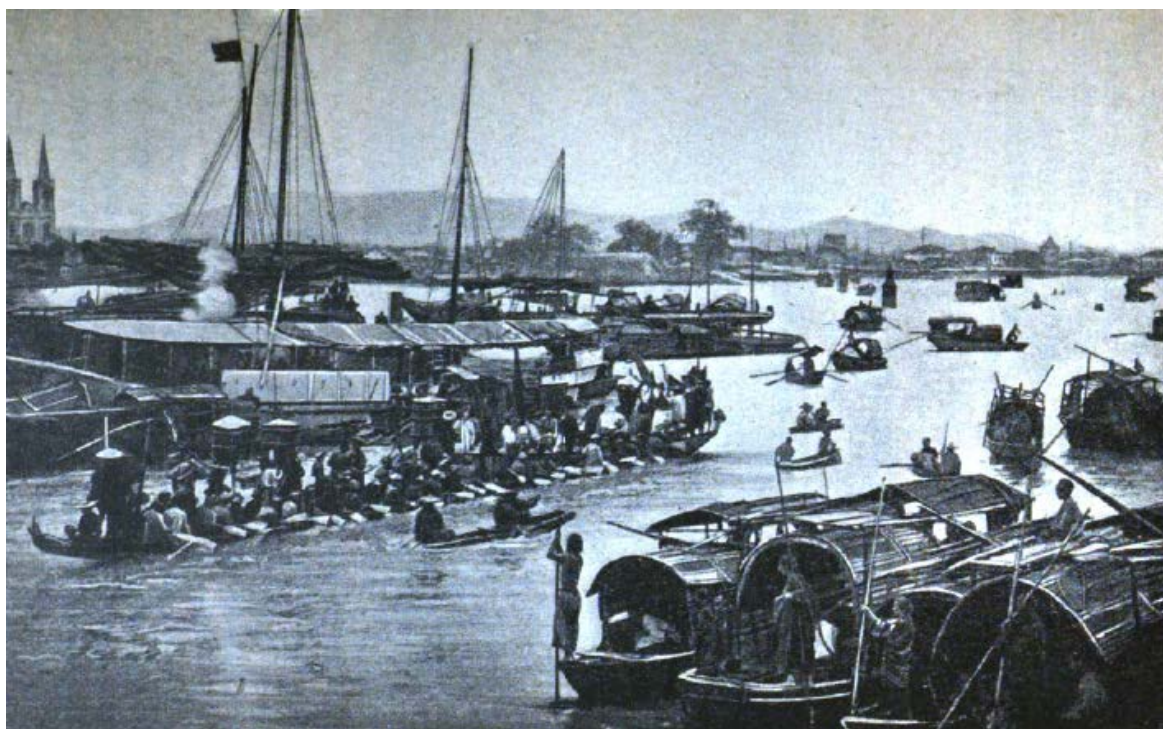
1. Бирма Британская // Энциклопедия военных и морских наук / Составлена под гл. ред. генерал-лейтенанта Леера. – Т.1. – СПб.: Типография В.Безобразова и Ко, 1883. – С.430.
2. Бирманская империя и ее царь // Нива. – 1886. – №5. – С.143.

3. An Almanack for the Year of Our Lord 1897 / by Joseph Whitaker. – London, 1897. – 760 p.
4. Bowers, A. Bhamo Expedition. Report on the practicability of re-opening the Trade Route, between Burma and Western China / A.Bowers. – Rangoon: American Mission Press, 1869. – 165 p.
5. Fryer, G.E. Hand-Book for British Burma / G.E.Fryer. – Maulmain: T. Whittam, 1867. – 579 p.
6. Scott, J. George. Burma: A Handbook of practical Information / J. George Scott. – Washington: Alexander Moring Ltd, 1911. – 520 p.
7. Sladen, E.B. Trade through Burma to China: an Address read to the Glasgow Chamber of Commerce / E.B.Sladen. – Glasgow: Printed by M`Laren and Erskine, 1870. – 32 p.
8. Smith, George. Annals of Indian Administration in the Year 1868-69 / George Smith. – Vol. XIV. – Serampore: Printed by Marshall D`Cruz, 1870. – 485, 16 p.
9. The British and China Railway: from E.M. Seaport of Rangoon in the Bay of Bengal. – London, 1858. – 50 p.

3.6. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ФИЛИППИН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

К середине XIX века усиливается борьба европейских держав за торгово-экономическое господство на Филиппинах. Испанские власти уже не могли сдерживать натиск Великобритании и США, крайне заинтересованных в укреплении своих позиций на архипелаге. Уже в 50-60-е гг. XIX в. США удалось потеснить Великобританию и занять доминирующие позиции во внешней торговле Филиппин [Левтонова, Ю.О., 1979, с.103]. Это стало возможным, прежде всего, за счет принуждения испанских властей к открытию важнейших филиппинских портов. В 1855 г. испанские колониальные власти разрешили заход иностранных торговых кораблей в порты Суал в провинции Пангасинан, Илоило на Панайе, Замбоанга на Минданао, в 1860 г. – в порт Себу одноименного острова [Там же]. Принудительное открытие указанных портов, в целом, позитивно отразилось на динамике филиппинской внешней торговли: через 15 лет ее объемы выросли практически в 5 раз [Там же].

Центром внешней торговли Филиппин в середине века оставалась Манила. Через порт Манилы вывозились главные экспортные товары архипелага, здесь находился главный складочный пункт товаров.

Китайские лодочники

К середине века расширилась география внешнеторговых связей Манилы. В 1847 г. в порт Манилы прибыли торговые корабли из следующих стран мира: Испании – 54, США – 42, ганзейских городов – 3, Бельгии – 2, Китая – 4, Дании – 1, Франции – 4, Голландии – 3, Великобритании – 57, Португалии – 3, Пруссии – 1, Швеции – 1, Перу – 1 [The Journal, 1848, р. XXXVII]. В этот год объем внешнеторговых оборотов Манилы оценивался в 3 789 449 долларов США.

В таблице ниже представлены данные об объемах филиппинского экспорта через порт Манилы в 1850 г.

Повышение торгового значения Манилы отразилось и в составе городских жителей. На протяжении всей первой половины XIX века здесь росло количество европейцев и китайцев, которые так или иначе были связаны с торговлей. По некоторым оценкам, к середине века в Маниле проживало от 4 до 5 тысяч европейцев и около 6 тысяч китайцев (т.е. практически каждый десятый житель города. – В.Ш.) [Homans, J.S., 1858, p.1312].

Таблица

Объемы экспорта через порт Манилы в 1850 г.

Наименование товара	В Англию	В другие страны Европы	В Австралию	В Китай	В Сингапур, Батавию и Бомбей	В Калифорнию и острова Тихого океана	В США	Итого
Сахар (в пикулях; 1 пикуль равен 64 кг. – В.Ш.)	146926	50880	142 359	-	12 749	29 144	77 919	459 927
Пенька	16 073	5 568	-	-	544	-	102 184	124 367
Снасти, такелаж	96	476	3 758	1 732	680	2 137	210	9 084
Сигары	10 319	11 867	12 561	9 262	26 859	1 707	914	73 439
Листовой табак	-	42 629	-	-	-	-	-	42 629
Сапановое дерево	37 068	14 436	-	18 942	17 387	-	9 015	96 798
Кофе	165	9 670	1 481	100	250	1 072	2 063	14 801
Индиго	259	213	-	-	-	-	3 753	4 225
Шкуры	3 340	213	-	1 069	-	-	-	4 622
Выделанная кожа	-	-	-	536	-	-	2 419	2 955
Перламутровые раковины	820	338	-	-	260	-	74	1 492
Черепашья кость	2 081	580	-	555	1 912	-	469	5 597
Рис	-	6 576	-	-	-	1 467	-	-
Морепродукты	-	-	-	4 348	-	-	-	4 348
Песочное золото	-	-	-	5 068	-	-	-	5 068
Эбеновое дерево	235	1 213	-	794	-	-	-	2 242
Готовая одежда	175	13 252	-	500	-	650	22 975	37 552
Шляпы	-	-	9 400	5 115	9 115	500	25 870	50 000

Source: Homans, J.S. A Cyclopedia of Commerce and commercial Navigation / J.S.Homans. – New York: Harper and Brothers Pub., 1858. – P.1312.

Китайцы за обедом

В 1860 г. объемы англо-филиппинской торговли характеризовались следующими показателями: импорт – 603 329 фунтов стерлингов, экспорт – 679 320 ф. ст. [Carrer, Ch., 1862, p.347]. Основными предметами импорта в это время являлись сахар (471 194 ф.ст.), перламутр (12 916 ф.ст.), пенька (88 801 ф.ст.), ценная древесина (7 788 ф.ст.), сигары (7 590 ф.ст.), кожсырье (2 444 ф.ст.), черепаховая кость (2 018 ф.ст.), индиго (1 841 ф.ст.). Экспортными товарами являлись хлопчатобумажные изделия, железо, шерстяные изделия, полотно, пряжа, механизмы, медь, каменный уголь, металлические изделия, одежда, паровые двигатели, керамические изделия, кожаные изделия и т.д. [Ibid, p.348]. В Лондоне действовала так называемая Компания Борнео, которая осуществляла торговлю с Сараваком (территория султана Брунея). В 1860 г. оборот компании составил 12 500 фунтов. Специализацией этой торговой фирмы был экспорт в Англию перца, саго и сурьмы. Джеймс Брук, первый белый раджа Саравака с

1841 по 1868 г., наладил транспортные сообщения между Сараваком и Сингапуром.

В структуре филиппинского экспорта в Англию в 60-е гг. XIX в. был представлен местный кофе. Так, в 1860 г. в Лондон был доставлен с архипелага кофе на 2 453 ф.ст. [Ibid, p.373].

Примечания:

1. Левтонова, Ю.О. История Филиппин: Краткий очерк / Ю.О. Левтонова. – М.: Наука, 1979. – 295 с.
2. Capper, Charles. The Port and Trade of London, historical, statistical, local and general / Charles Capper. – London: Smith, Elder and Co, 1862. – 507 p.
3. Estadística general del comercio, exterior de España con sus posesiones de ultramar y potencias extranjeras, en 1859. – Madrid: Imprenta nacional, 1860. – 384 p.
4. Homans, J.S. A Cyclopedic of Commerce and commercial Navigation / J.S.Homans. – New York: Harper and Brothers Pub., 1858. – 2007 p.
5. The Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia / by J.B.Logan. – Vol.II. – Singapore: Printed at the Mission Press, 1848. – 848 p.

3.7. ЯПОНИЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: РАСШИРЕНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ

Насильственный выход Японии из состояния искусственной изоляции в корне изменил ее внешнеторговую политику. Если до середины XIX в. внешнеторговые связи страны были ограничены Китаем и Кореей, а также незначительной торговлей с европейцами (торговая фактория голландцев на острове Дэдзима в гавани порта Нагасаки. – В.Ш.), то после экспедиции адмирала Е.В. Путятин в 1853 г. и американского коммодора Мэтью Перри Япония была вынуждена принять новые правила игры во внешней торговле. Начался этап модернизации Японии, а, значит, открывались новые перспективы для развития торгово-экономических отношений империи с ближними и дальними государствами. В течение сравнительно короткого времени внешнеторговые интересы японских предпри-

нимателей стали простираться на значительные территории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Во второй половине XIX века значительно расширились торговые связи Кохинхины с Японией. Из Сайгона ежемесячно приходило по несколько торговых кораблей с товаром в ведущие японские порты. К примеру, в апреле – июне 1870 г. только в порт Иокагамы пришло 16 торговых судов под разными национальными флагами (подсчитано нами. – В.Ш.) [Merchant..., 1870, p.270]. Средний груз кораблей составлял 450-500 тонн. Одновременно в это же время увеличилось количество российских торговых судов, прибывавших с товаром в порты Японии. Так, в 1869 году в порты Канагава, Осака, Нагасаки, Хакодате, Ниигата прибыло 50 торговых кораблей под флагом России с общим тоннажем в 19 128 т. [Ibid]. По количеству иностранных торговых судов в японских портах в 1869 г. Российская империя занимала 4-е место после Великобритании, США и Германии. Вполне естественно, что здесь, в японских портах, у российских предпринимателей была возможность закупать любые товары, как местного японского производства, так и доставленные из разных уголков Азии, включая Кохинхину и другие территории Юго-Восточной Азии.

Японский купец

Объемы внешней торговли Японии на протяжении всей второй половины XIX века росли из года в год. К примеру, только через порт Иокогама в 1871 году было доставлено товаров на 20 млн. долларов США, а вывезено – на 14 млн. долларов [Mossman, S., 1873, p.458]. В этот же год через порт Нагасаки прошло соответственно товаров на 5 108 706 долларов и 4 158 551 доллар, через порт Осака – на 4 246 779 долларов и 5 678 224 доллара [Ibid, p.459]. Общий объем внешней торговли Японии в 1871 году оценивался в 50 500 000 долларов США [Ibid, p.460]. Значительно выросли объемы ввоза в Японию риса из Кохинхины [Pliphant, L., 1869, p.123]. Только в 1867 году Япония импортировала риса на 1,5 млн. долларов США [Ibid, p.124].

Японские рыбаки

Следует отметить, что к концу века было очевидно повышение интереса японских предпринимательских кругов к Юго-Восточной Азии. Япония активно включилась в конкурентную борьбу за местные рынки с ведущими европейскими державами. Средства массовой информации Японии постоянно освещали события не только в Европе и в Северной Америке, но и знакомили читателей с событиями в Юго-Восточной Азии, сообщали об успехах японской дипломатии в этом регионе мира.

Товары из стран Юго-Восточной Азии попадали в Японию разными путями. Динамично развивавшаяся японская промышленность нуждалась в сырье. Вот почему европейские торговые компании, активно осваивавшие японский рынок, с выгодой для себя продавали в Стране Восходящего Солнца металлы, хлопок, шелк-сырец, различные продукты питания (прежде всего, рис) и мн. другие товары, доставленные из стран Юго-Восточной Азии. Товары из этого региона Азии попадали также реэкспортом из Китая.

Практически теми же путями в страны Юго-Восточной Азии попадали и японские товары. К примеру, в Сиаме большим спросом пользовались лакированные деревянные изделия из Японии [Farlane Mac, Ch., 1852, p.261]. Со своими товарами японские торговцы стали появляться на острове Формоза (Тайвань. – В.Ш.), на острове Ява и т.д.

Торговые суда в японском порту

Известный японский историк Акияма Кэнзоо в своей монографии очень точно подметил, что после «успеха» М.Перри «Ниппон оставил свою политику изоляции и вступил в период истории, который быстро вовлек его в водоворот мировых дел. Но, хотя изоляция и прекратилась, старый социальный порядок, который был возможен только при политике изоляции, продолжал еще существовать. Ниппон появился на мировой арене столь быстро, что просто не успел снять старые одежды и приспособиться к новым требованиям» [Кэнзоо, А., 2003, с.482]. Добавим к этому, что именно по этим причинам внешняя политика и внешнеторговая стратегия Японии после реставрации Мэйдзи приобрела очень напористый, а в некоторых случаях и агрессивный характер.

В японской лавке

Примечания:

1. Кэнзоо, Акияма. История Ниппон / Акияма Кэнзоо // История Японии: Сборник исторических произведений. – 2-е изд., дополн. – М.: Евролинц – Русская панорама, 2003. – С.381 – 488.

-
2. Mac Farlane, Charles. Japan: An Account geographical and historical / Charles Mac Farlane. – New-York: George P. Putnam and Co, 1852. – 365 p.
 3. Merchant Steamers. Merchant sailing Vessels // The Japan Weekly Mail: A political , commercial and literary Journal. – 1870. – June 11. – P.270.
 4. Mossman, Samuel. New Japan, the Land of the rising Sun; its annals during the Past Twenty Years. Recording the remarkable Progress of the Japanese in Western Civilization / Samuel Mossman. – London: John Murray, 1873. – 484 p.
 5. Oliphant, Laurence. Visit to Japan. 1865 – 1866 / Laurence Oliphant. – London: Dean and Son, 1869. – 131 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уникальные природные богатства Юго-Восточной Азии, острая потребность в местном сырье бурно развивавшихся отраслей промышленности ведущих европейских держав и США, развитие новых технологий, активный переход на использование пароходов в морских транспортных перевозках и, как следствие, сокращение сроков доставки товаров из региона в Европу и США – все это и многое другое превратило Юго-Восточную Азию в яблоко раздора, территорию торговых войн ведущих государств мира. Утверждение своего колониального господства в регионе европейские страны осуществляли путем военных захватов, дипломатических уловок, методами игры на противоречиях между странами и народами, порой, откровенного шантажа и обмана местных правителей. Основные европейские игроки в Юго-Восточной Азии особое внимание уделяли формированию здесь своих форпостов: торгово-экономических, транспортных и военно-стратегических центров – своеобразных центров внешней торговли и контроля. Такими форпостами стали Сингапур, Гонконг, Сайгон и некоторые другие морские порты, игравшие ключевую роль во внешнеторговых связях. Именно они в сравнительно короткие сроки превратились в главные перевалочные базы мощных торговых потоков, где происходил колоссальный по своим масштабам обмен европейских и восточных товаров: с запада преимущественно шли торговые потоки готовых промышленных изделий, а с востока – столь необходимое сырье для европейской и американской промышленности. К середине XIX века сформировались торговые пути, которые сходились в этих стратегических центрах внешнеторговых связей; при этом были задействованы самые различные варианты доставки товаров: морские и речные пути, сухопутные тракты.

Если в начале рассматриваемого периода европейцы акцентировали свое внимание на прибрежных территориях региона, то к концу XIX века в сферу торгово-экономических интересов западных предпринимателей бы-

ли вовлечены самые отдаленные и труднодоступные районы Юго-Восточной Азии, где осуществлялась заготовка ценных пород деревьев, велась добыча полезных ископаемых, заготовка каучука и т.д.

В самом конце XIX века внешнеторговые обороты некоторых стран Юго-Восточной Азии оценивались следующим образом: Сиам в 1894-1895 гг. – экспорт 105 152 фунтов стерлингов, импорт – 37 309 ф. ст.; Северные территории Шан – экспорт 228 842 ф.ст., импорт – 200 595 ф. ст.; Южные территории Шан – экспорт 266 310 ф. ст., импорт – 284 765 ф. ст. [р.467].

После Октябрьской революции многие внешнеторговые связи России оказались прерванными. Основными торговыми партнерами страны в первые три года после революции стали Великобритания (33,6 % всего вывоза), Латвия (46,7 %), Турция и Германия [Кауфман М.Я., 1922, с.39].

Примечания:

1. An Almanack for the Year of Our Lord 1897 / by Joseph Whitaker. – London, 1897. – 760 p.
2. Кауфман, М.Я. Внешняя торговля России (1918 – 1921 гг.) / М.Я.Кауфман. – Петроград: Академическое издательство, 1922. – 53 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. – Серия 1-я: 1801 – 1815 гг. – Т.1: март 1801 г. – апрель 1804 г. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 709 с.; Серия 2-я: 1815 – 1830 гг. – Т.2 (10): Октябрь 1817 г. – апрель 1819 г. – М.: Издательство политической литературы, 1976. – 903 с.
2. Договор между Францией и Камбоджей о дружбе и торговле, заключенный в Удонге 11 августа 1863 г. // Политика Франции в Камбодже и Лаосе / Пер. Ю.П.Дементьева. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – С.61 – 65.
3. Договор между Францией и Сиамом, заключенный в Париже 15 июля 1867 года с целью урегулировать политическое положение и границы Камбоджи // Политика Франции в Камбодже и Лаосе / Пер. Ю.П.Дементьева. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – С.65 – 66.
4. Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме тех, кои состоят в губерниях Астраханской, Оренбургской, Тобольской, Иркутской и в Грузии. – СПб.: Сенатская типография, 1822. – 148 с.
5. Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в.): Документы и материалы. – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – 654 с.
6. Соглашение между Францией и Камбоджей, заключенное в Пномпене 17 июня 1884 г. с целью урегулировать отношения между обеими странами // Политика Франции в Камбодже и Лаосе / Пер.

- Ю.П.Дементьева. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – С.66 – 69.
7. Тишанский. Ява. Записки из записной книжки / Тишанский // Русский вестник. – 1874. – №3. – С.205 – 246.
 8. Хохлов, Г.Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». С предисловием В.Г. Короленко / Г.Т.Хохлов. – СПб.: Типо-литография «Герольд», 1903. – 109 с.
 9. Bowers, A. Bhamo Expedition. Report on the practicability of re-opening the Trade Route, between Burma and Western China / A.Bowers. – Rangoon: American Mission Press, 1869. – 165 p.
 10. Earl, George Windsor. The Eastern Seas or Voyages and Adventures in the Indian Archipelago in 1832-33-34 / George Windsor Earl. – London: Wm. H. Allen and Co, 1837. – 461 p.
 11. Estadística general del comercio, exterior de España con sus posesiones de ultramar y potencias extranjeras, en 1859. – Madrid: Imprenta nacional, 1860. – 384 p.
 12. Estadística general del comercio, exterior de España con sus posesiones de ultramar y potencias extranjeras, en 1867. – Madrid: Establecimiento tipografico de Manuel Minuesa, 1870. – 629 p.
 13. Lex Mercatoria: or a complete code of Commercial Law: being a general guide to all men in business. – In two Volumes. – Vol. II. – London: printed for F.C. and J.Rivington, 1813. – 446 p.
 14. Oliphant, Laurence. Visit to Japan. 1865 – 1866 / Laurence Oliphant. – London: Dean and Son, 1869. – 131 p.
 15. Reports on Trade at the treaty Ports in China for the Year 1870. – Shanghai: Printed at the Customs Press, 1871. – 220 p.
 16. Statistics of the foreign and domestic Commerce of the United States. – Washington: Government printing Office, 1864. – 222 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бааш, Эрнст. История экономического развития Голландии в XVI – XVIII веках / Эрнст Бааш; Пер. с нем. Н.М.Сергаль и О.К.Рыковской;

- Под. ред. проф. Я.Я.Зутиса. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. – 395 с.
2. Бандиленко, Г.Г. и др. История Индонезии / Г.Г.Бандиленко и др. – М.: Издательство МГУ, 1992. – Ч.1. – 304 с.; Ч.2: 1993. – 272 с.
 3. Барышникова, О.Г. Филиппины и США: 200 лет противостояния, компромиссов, партнерства / О.Г.Барышникова, Ю.О.Левтонова. – М.: Наука, 1993. – 252 с.
 4. Берзин, Э.О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII – начале XVIII века / Э.О.Берзин. – М.: Наука, 1987. – 317 с.
 5. Берзин, Э.О. История Таиланда (Краткий очерк) / Э.О.Берзин. – М.: Наука, 1973. – 177 с.
 6. Бирма Британская // Энциклопедия военных и морских наук / Составлена под гл. ред. генерал-лейтенанта Леера. – Т.1. – СПб.: Типография В.Безобразова и Ко, 1883. – С.430.
 7. Бирма: Справочник. – М.: Наука, 1982. – 391 с.
 8. Бирманская империя и ее царь // Нива. – 1886. – №5. – С.143.
 9. Бэр, А. История всемирной торговли / А.Бэр / Пер. с нем. Э. Циммермана. – Т.3. – М.: Типография Греча, 1876. – 327 с.
 10. Васильев, В. Ф. Очерки истории Бирмы. 1885-1947 / В.Ф. Васильев / Ответственные редакторы член-корр. Академии наук СССР А.А. Губер, А.Н. Узянов. – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – 442, [1] с.
 11. Вышеславцев, А.В. Гонконг / А.В. Вышеславцев // Русский вестник. – 1860. – №7. – С.105 – 160.
 12. Вышеславцев, А.В. Малайское море / А.В.Вышеславцев // Русский вестник. 1860. – №3. – С.161 – 206.
 13. Григорьев, В. Об отношении России к Востоку / В. Григорьев. – Одесса: б.и., 1840. – 18 с.
 14. Дажан, Брюно. Кхмеры: история, город и королевство, государственное устройство, экономика, религия, жизнь кхмеров / Брюно Дажан. – М.: Вече, 2009. – 430 с.
 15. Дементьев, Ю.П. Политика Франции в Камбодже и Лаосе. 1852 – 1907 / Ю.П. Дементьев. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 71 с.

16. Дементьев, Ю.П. Завоевание Францией Вьетнама, Камбоджи и Лаоса и англо-французские противоречия на Индокитайском полуострове (1858 – 1917 гг.): автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.03 / АН СССР. Институт востоковедения. – М., 1988. – 17 с.
17. Ермольев, В.Н. Колониальная политика США на Филиппинах конца XIX – начала XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – М., 2003. – 238 с.
18. Журавлёва, Л.Н. Внешняя политика Бирмы и экспансия капиталистических держав в 60-х – первой половине 80-х годов XIX века / Л.Н.Журавлева / Под редакцией И. Д. Парфёнова. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1981. – 245 с.
19. Журавлёва, Л.Н. Партизанская война бирманского народа против английского закабаления. 1885-1896 гг. / Л.Н.Журавлева. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1967. – 140 с.
20. Иванов, П.М. Гонконг: История и современность / П.М.Гонконг. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1990ю – 278 с.
21. История Вьетнама / Пер. с вьетн. И.Д. Бакшт и В.И. Мещерякова / Авт. предислов. Г.М. Маслов. – М.: Наука, 1991. – 363 с.
22. История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии: [Сб. ст.] / АН СССР, Всесоюз. ассоц. востоковедов, Ин-т востоковедения; [Отв. ред. С.В. Волков]. – М.: Наука, 1986. – Ч.1. – 214 с.; Ч.2. – 437 с.
23. Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии: [Сб. статей] / [Отв. ред. В.А. Тюрин и А.Н. Узянов]. – М.: Наука, 1971. – 276 с.
24. Казарян, Э.Э. Русский Дальний Восток в системе российской и мировой торговли на рубеже XIX – XX веков: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.15. – Нижний Новгород, 2006. – 319 с.
25. Кауфман, М.Я. Внешняя торговля России (1918 – 1921 гг.) / М.Я. Кауфман. – Петроград: Академическое издательство, 1922. – 53 с.
26. Козлова, М.Г. Английское завоевание Бирмы / М.Г. Козлова / Ответственный редактор А.Н. Узянов. – М.: Наука, ГРВЛ, 1972. – 218 с.
27. Козлова, М.Г. Бирма накануне английского завоевания. (Общественный и государственный строй) / М.Г. Козлова / Ответственный редактор К.А. Антонова. – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – 178, [1] с.

28. Козлова, М.Г. Английское завоевание Бирмы / М.Г. Козлова. – М.: Наука, 1972. – 318 с.
29. Кэнзоо, Акияма. История Ниппон / Акияма Кэнзоо // История Японии: Сборник исторических произведений. – 2-е изд., дополн. – М.: Евролинц – Русская панорама, 2003. – С.381 – 488.
30. Левинсон, Г.И. Филиппины вчера и сегодня / Г.И. Левинсон. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 239 с.
31. Левтонова, Ю.О. Филиппины в период распада Испанской колониальной империи (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.) / Ю.О. Левтонова. – М.: б.и., 1964. – 27 с.
32. Левтонова, Ю.О. Очерки новой истории Филиппин: 60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в. / Ю.О. Левтонова. – М.: Наука, 1965. – 224 с.
33. Левтонова, Ю.О. История Филиппин: Краткий очерк / Ю.О. Левтонова. – М.: Наука, 1979. – 295 с.
34. Макао // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т.18: Лопари – Малолетние преступники. – СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1896. – С.394.
35. Мандалай, главный город Бирмы // Нива. – 1887. – №16. – С.411 – 412.
36. Манила // Нива. – 1898. – №22. – С.439 – 440.
37. Ментешашвили, И.Ш. Соприкосновение цивилизаций Запада и Востока в период деятельности в Индии Английской Ост-Индской компании / И.Ш. Ментешашвили. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1998. – 241 с.
38. Миго, Андре. Кхмеры: История Камбоджи с древнейших времен / Андре Миго. – М.: Наука, 1973. – 349 с.
39. Моденов, С.С. Исторические завоевания народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии / С.С. Моденов. – М.: Знание, 1983. – 64 с.
40. Можейко, И.В., Узянов, А.Н. История Бирмы. (Краткий очерк) / Ответственный редактор В.Ф. Васильев. – М.: Наука, ГРВЛ, 1973. – 382, [1] с.
41. Мосяков, Д.В. История Юго-Восточной Азии: учебник / Д.В. Мосяков, В.А. Тюрин; Вост. ун-т. – М.: Вост. ун-т, 2004. – 496 с.
42. Мотылев, В.Е. Экономическое развитие Нидерландов в XVI – XVIII вв.: Лекции по курсу «История народного хозяйства зарубежных стран» / Проф. В.Е. Мотылев. – М.: б.и., 1957. – 22 с.

43. Новейшие известия о Сиаме и Кохинхине // Московский телеграф. – 1826. – №9. – Ч.9. – С.11 – 25.
44. О заграничной торговле Одессы в 1854 году // Журнал Министерства внутренних дел. – 1855. – Ч.10. – С.5 –11.
45. Очерки из истории Юго-Восточной Азии: Сборник статей / Отв. ред. В.А. Тюрин. – М.: Наука, 1965. – 207 с.
46. Персия, Туркестан, Хива, Индия, Ост-Индская компания, Китай, Российско-Американская компания и Соединенные Северо-Американские Штаты, с показанием пространства земли и числа жителей, гор, морей, заливов, озер, рек и расстояний значительнейших мест одного и другого. – М.: Типография Александра Семена, 1855. – 130 с.
47. Самсонов, П.Е. Становление торговых отношений Российской империи с Королевством Нидерландов в 1815 – 1853 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.15. – СПб., 2005. – 259 с.
48. Скальковский, К.А. Суэцкий канал и его значение для русской торговли / К.А. Скальковский. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1870. – 316 с.
49. Скорлыгина, Н.В. Китайцы-хакка в Южном Китае и Юго-Восточной Азии: XVIII – XIX века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – М., 2005. – 222 с.
50. Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: Проблемы истории и экономики: [Сборник статей] / Отв. ред. И.С. Казакевич. – М.: Наука, 1969. – 206 с.
51. Субботин, А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая / А.П.Субботин. – СПб.: Типография Северного телеграфного агентства, 1892. – 657 с.
52. Торгово-промышленные сношения приморской окраины Восточной Сибири с иностранцами / (По сообщ. русского ген. консула в Сан-Франциско А.Э. Олоровского). – [Санкт-Петербург]: Тип. М-ва внутр. дел: [1890]. – 15 с.
53. Холл, Даниэль Георг Эдвард. Истории Юго-Восточной Азии / Даниэль Георг Эдвард Холл / Перевод с англ. Я.М. Света и др.; Пред. А.А. Губера. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1958. – 597 с.

54. Юго-Восточная Азия: Очерки экономики и истории / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения; [Отв. ред. В.Я. Васильева]. – М.: Изд-во вост. литературы, 1958. – 174 с.
55. Яковлева, Е.А. Политическое развитие Лаоса и межгосударственные отношения на Индокитайском полуострове в конце XVII – середине 80-х гг. XIX века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – М., 1994ю – 263 с.
56. An Almanack for the Year of Our Lord 1897 / by Joseph Whitaker. – London, 1897. – 760 p.
57. Annual Report on the Commercial Relations between the United States and foreign Nations, made by the Secretary of State. – Washington: Government Printing Office, 1871. – 389 p.
58. Bastian, Adolf. Reisen in Indischen Archipel. Singapore, Batavia, Manilla und Japan // Die Voelker des Oestlichen Asien / Dr. Adolf Bastian. – Jena: Hermann Costenoble, 1869. – 552 s.
59. Bell, James. A System of Geography, popular and scientific, or a physical, political, and statistical Account of the World and its various Divisions / James Bell. – Vol V. – Glasgow: Archibald Fullarton and Co, 1831. – 627 p.
60. Bowring, John. The Kingdom and People of Siam / John Bowring. – Vol.II. – London: John W. Parker and Son, 1857. – 446 p.
61. The British Burma Gazetteer. – In two Volumes. – Vol. II. – Rangoon: Printed at the Government Press, 1879. – 859, 16 p.
62. Capper, Charles. The Port and Trade of London, historical, statistical, local and general / Charles Capper. – London: Smith, Elder and Co, 1862. – 507 p.
63. China: pictorial, descriptive and historical. With some account of Ava and the Burmese, Siam and Annam. – London: Henry G. Bohn, 1853. – 521 p.
64. Corder, Josiah. The modern Traveler. A Description geographical, historical and topographical of the various Countries of the Globe: in thirty Volumes. – Vol.11. – London: James Duncan, 1830. – 367 p.
65. Dautremer, Joseph. Burma under British Rule / Joseph Dautremer. – New-York-London: Charles Scribner`s Sons, 1913. – 391 p.
66. Dubois de Jancigny. Japon, Indo-China, Empire Birman, Siam, Annam, Peninsula Malaise, Ceylan / Dubois de Jancigny. – Paris: Firmin Didot Frè`res, 1850. – 720 p.

67. The Edinburgh Encyclopaedia / conducted by David Brewster. – In eighteen Volumes. – Vol.III. – Edinburgh: printed for William Blackwood; and John Waugh, Edinburgh; John Murray; Baldwin and Cradock, 1830. – 776 p.
68. The Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia / by J.B.Logan. – Vol.II. – Singapore: Printed at the Mission Press, 1848. – 848 p.
69. Ferrars, Max and Bertha. Burma / Max and Bertha Ferrars. – London: Sampson Low, Marston and Co, 1901. – 237 p.
70. Fielding, H. Thibaw`s Queen / H. Fielding. – London-New-York: Harper and Brothers, 1899. – 294 p.
71. Fryer, G.E. Hand-Book for British Burma / G.E.Fryer. – Maulmain: T. Whit-tam, 1867. – 579 p.
72. Goodrich, S.G. A History of Asia and Oceanica / S.G.Goodrich. – Louisville: Pub. Morton and Griswold, 1850. – 235 p.
73. Homans, J.S. A Cyclopaedia of Commerce and commercial Navigation / J.S.Homans. – New York: Harper and Brothers Pub., 1858. – 2007 p.
74. Jagor, F. Singapore, Malacca, Java. Reiseskizzen / F.Jagor. – Berlin: Verlag von Julius Springer, 1866. – 252 s.
75. Yokohama consular Trade Report // The Japan Weekly Mail: A political, commercial and literary Journal. – 1870. – Vol.I. – №12. – P.133 – 144.
76. Lewes, Robert. The Merchants Mapped of Commerce / Robert Lewes. – London: Printed by R.O. for Ralph Mabb, 1638. – 725 p.
77. Macgregor, John. Commercial Tariffs and Regulation, Resources and Trade of the Several States of Europe and America / John Macgregor. – Part the Twenty-Third: India, Ceylon and other Oriental Countries. – London: Printed by Charles Whiting, 1848. – 762 p.
78. Macgregor, John. A digest of the productive resources, commercial legisla-tion, customs tariffs, navigation, port and quarantine laws and charges, ship-ping, imports and exports and the monies, weights and measures of all nation / John Macgregor. – In five volumes. – Vol. V. – London: Whittaker and Co, 1850. – 399, 221 p.
79. Mackenzie, Kenneth R.H. Burmah and the Burmese / Kenneth R.H. Macken-zie. – In two Books. – London: George Routledge and Co, 1853. – 212 p.
80. Malcom, Howard. Travels in South-Eastern Asia embracing Hindustan, Ma-laya, Siam and China: with Notices of Numerous Missionary Stations and a

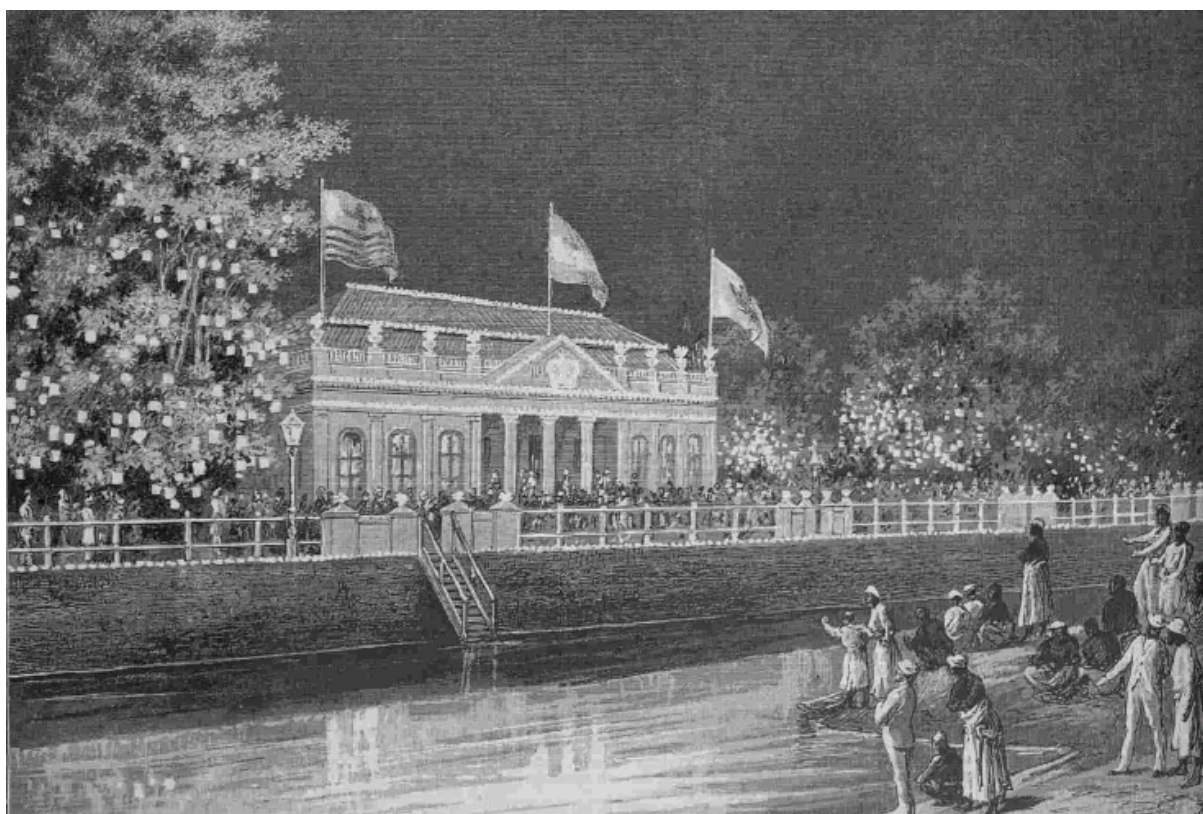
- full Account of the Burman Empire. – Vol.I. – Boston: Gould, Kendall and Lincoln, 1839. – 273 p.
81. Marey-Monge, Alph. Singapour, Port Franc de la Malaisie: les Anglais et les Hollandais. Description de l'île de Singapour. Origine et progrès rapides de l'établissement anglais... / Alph. Marey-Monge. – Parise: au bureau de la Revue de l'Orient, 1843. – 175 p.
82. Merchant Steamers. Merchant sailing Vessels // The Japan Weekly Mall: A political , commercial and literary Journal. – 1870. – June 11. – P.270.
83. Milburn, William. Oriental Commerce; containing a geographical description of the principal places in the East Indies, China, and Japan, with Their Produce, Manufactures and Trade... / William Milburn. – London: Printed for the Author, and published by Black, Parry and Co, 1813. – 581 p.
84. Moor, J.H. Notices of the Indian Archipelago, and adjacent Countries / J.H.Moor. – Singapore, 1837. – 276, 117 p.
85. Mortimer, Thomas. A Dictionary of Commerce, Trade and Manufactures / Thomas Motrimer. – Part of World. – London: Printed for Richard Phillips, 1810. – 1220 p.
86. Mossman, Samuel. New Japan, the Land of the rising Sun; its annals during the Past Twenty Years. Recording the remarkable Progress of the Japanese in Western Civilization / Samuel Mossman. – London: John Murray, 1873. – 484 p.
87. Mouhot, Henri. M. Travels in the Central parts of Indo-China (Siam), Cambodia and Laos, during the Years 1858, 1859 and 1860 / M. Henri Mouhot. – Vol.II. – London: John Murray, 1864. – 301 p.
88. Neale, F.A. Narrative of a Residence in Siam / F.A.Neale. – London: Office of the National Illustrated Library, 1852. – 280 p.
89. Nisbet, John. Burma under British Rule and Before / John Nisbet. – In two Volumes. – Vol.I. – Westminster: Archibald Constable and Co, 1901. – 460 p.; Vol.II. – 452 p.
90. Oliphant, Laurence. Visit to Japan. 1865 – 1866 / Laurence Oliphant. – London: Dean and Son, 1869. – 131 p.
91. Raffles, Thomas Stamford. History of Java / Thomas Stamford Raffles. – In two Volumes. – Vol. I. – London: Printed for East-India Company, 1817. – 474 p.

-
92. Roberts, Edmund. Embassy to the Eastern Court`s of Cochin-China, Siam and Muscat in the US Sloop-of-War Peacock / Edmund Roberts. – New York: Harper and Brothers, 1837. – 432 p.
 93. Scott, J. George. Burma: A Handbook of practical Information / J. George Scott. – Washington: Alexander Moring Ltd, 1911. – 520 p.
 94. Sladen, E.B. Trade through Burma to China: an Address read to the Glasgow Chamber of Commerce / E.B.Sladen. – Glasgow: Printed by M`Laren and Erskine, 1870. – 32 p.
 95. Smith, George. Annals of Indian Administration in the Year 1868-69 / George Smith. – Vol. XIV. – Serampore: Printed by Marshall D`Cruz, 1870. – 485, 16 p.
 96. The British and China Railway: from E.M. Seaport of Rangoon in the Bay of Bengal. – London, 1858. – 50 p.
 97. The Mission to Siam and Hue` the Capital of Cochin China in the Years 1821 – 1822: From the Journal of the Late George Finlayson. With a Memoir of the Author by Sir Thomas Stamford Raffles. – London: John Murray, 1826. – 427 p.
 98. Thompson, P.A. Siam. An account of the country and the people / P.A.Thompson. – Boston-Tokyo: J.B.Millet Company, 1910. – 330 p.

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В РИСУНКАХ
И ФОТОГРАФИЯХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Губернаторский дворец Бутензор близ Батавии

*Иллюминация здания Общества «Гармония» в Батавии
в честь наследника цесаревича Николая*

Набережная порта Танажок-Приок близ Батавии

Остров Суматра, ачинцы

Ботанический сад на Сингапуре

Рыбачья деревня близ Батавии

Улица в Батавии

Канал в Батавии

Король Сиам на троне

Королева Сиам Рамбои-Бомрабиромия

Король Сиам Чулалонгкорн

Парижская всемирная выставка 1900 г. Павильонъ Сиамъ.
По фот. съ проекта грав. Шлиперъ.

Парижская всемирная выставка 1900 г. Павильон Сиам

Добывание меда на островъ Суматрѣ.

Добывание меда на острове Суматра

Новый король Сиама Мага-Вамиравудтъ.

Король Сиам Рама VI

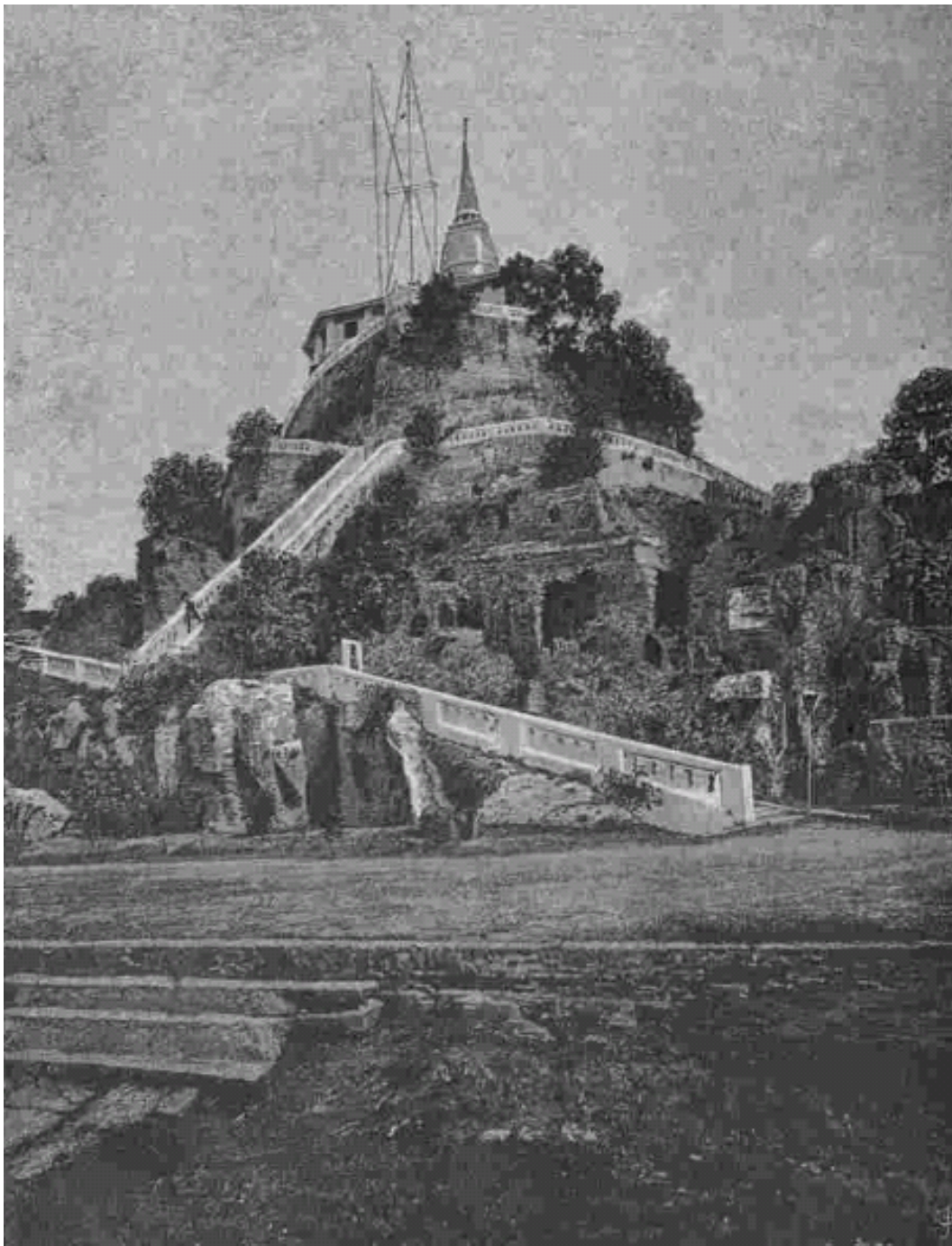
Бангкок

Дворец Изумрудного Будды*Сиам**Сиам*

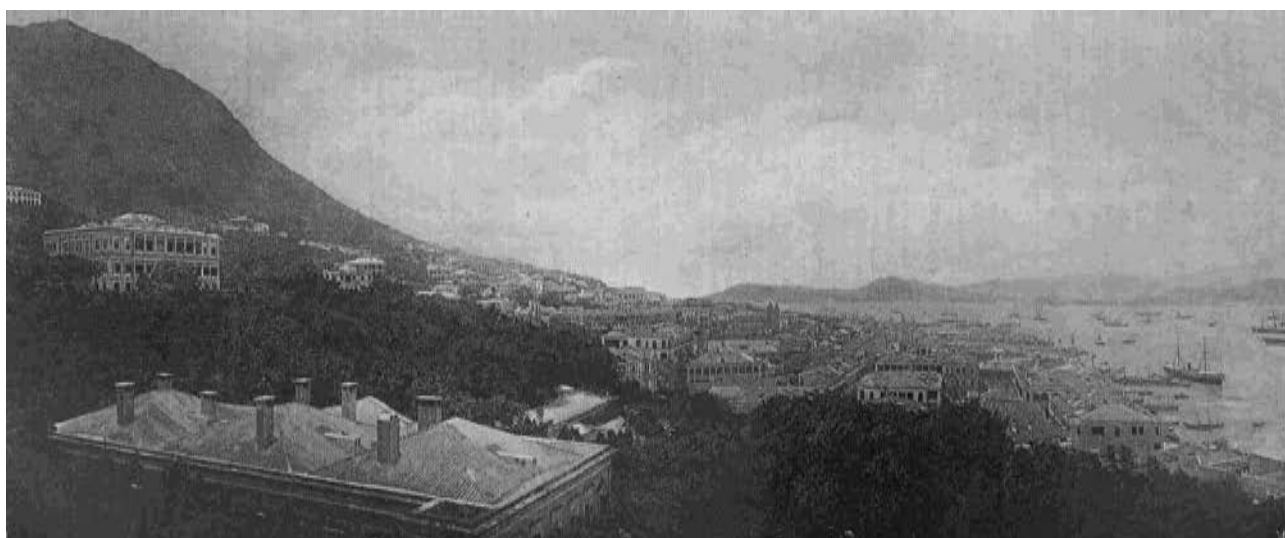
Бангкок

Бангкок, искусственный холм и ступа

Бангкок

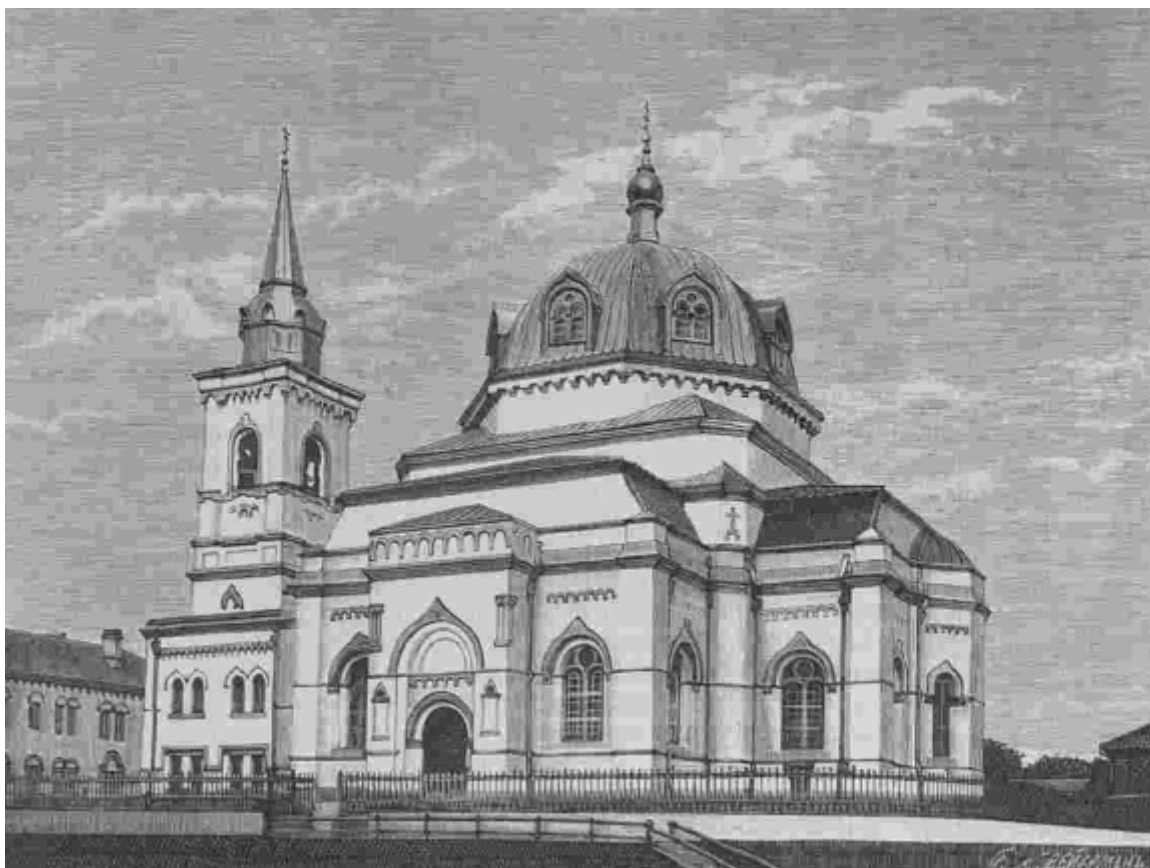
Гонконг

Вид на реке Кантон

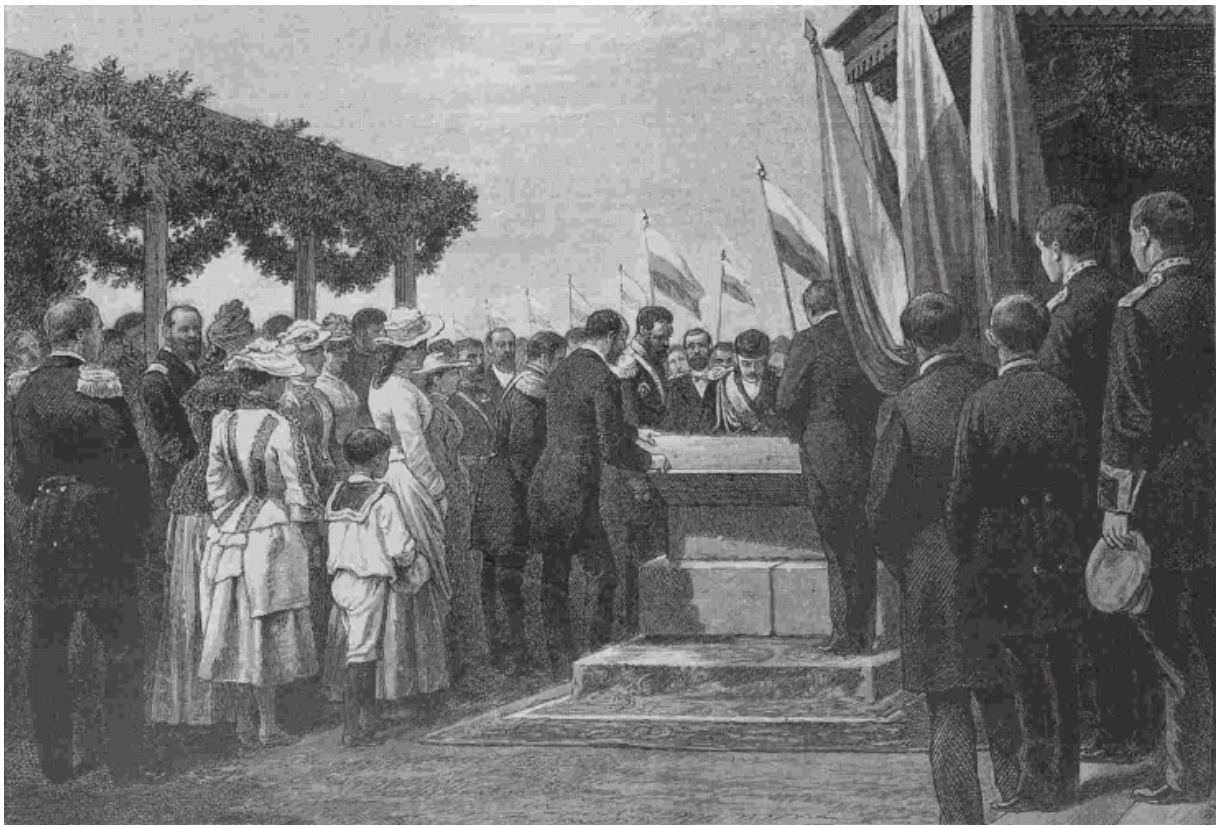
Европейская часть Шанхая

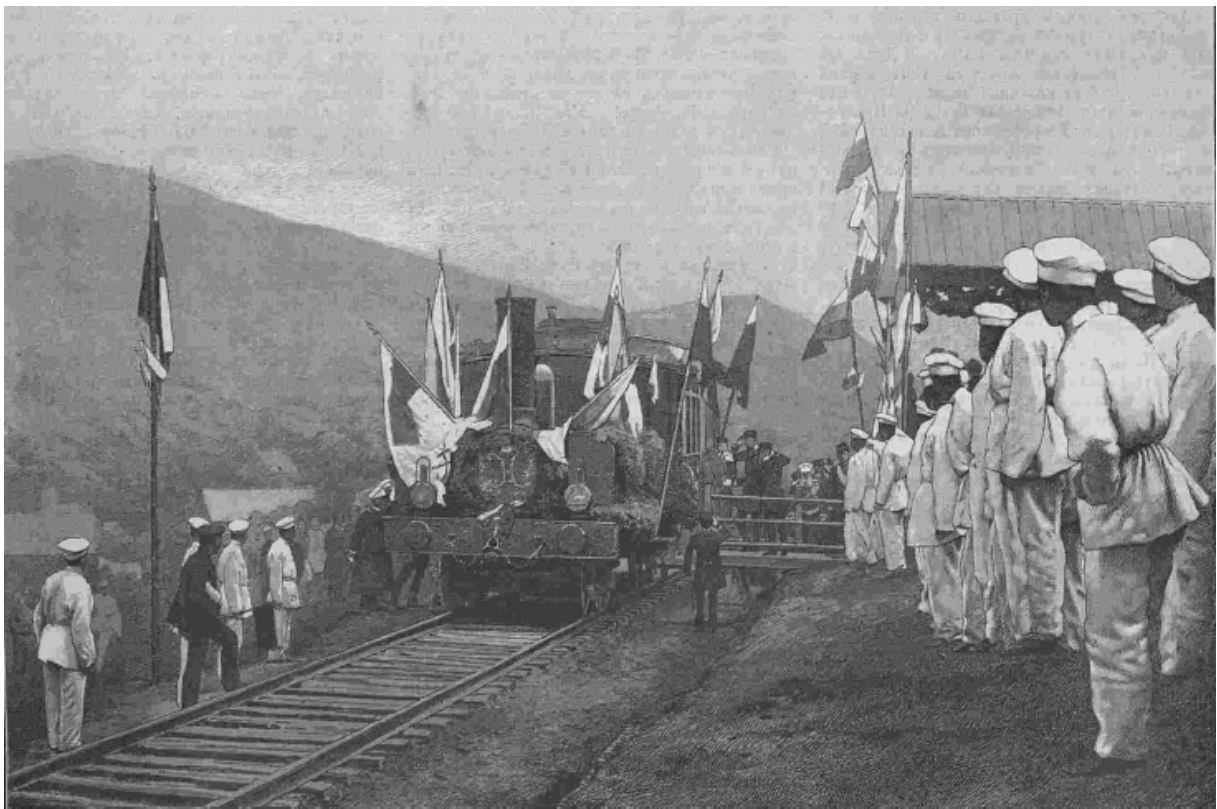
Япония. Православный собор в честь Воскресения Христова в Токио

Владивосток

Владивосток. Закладка сухого дока

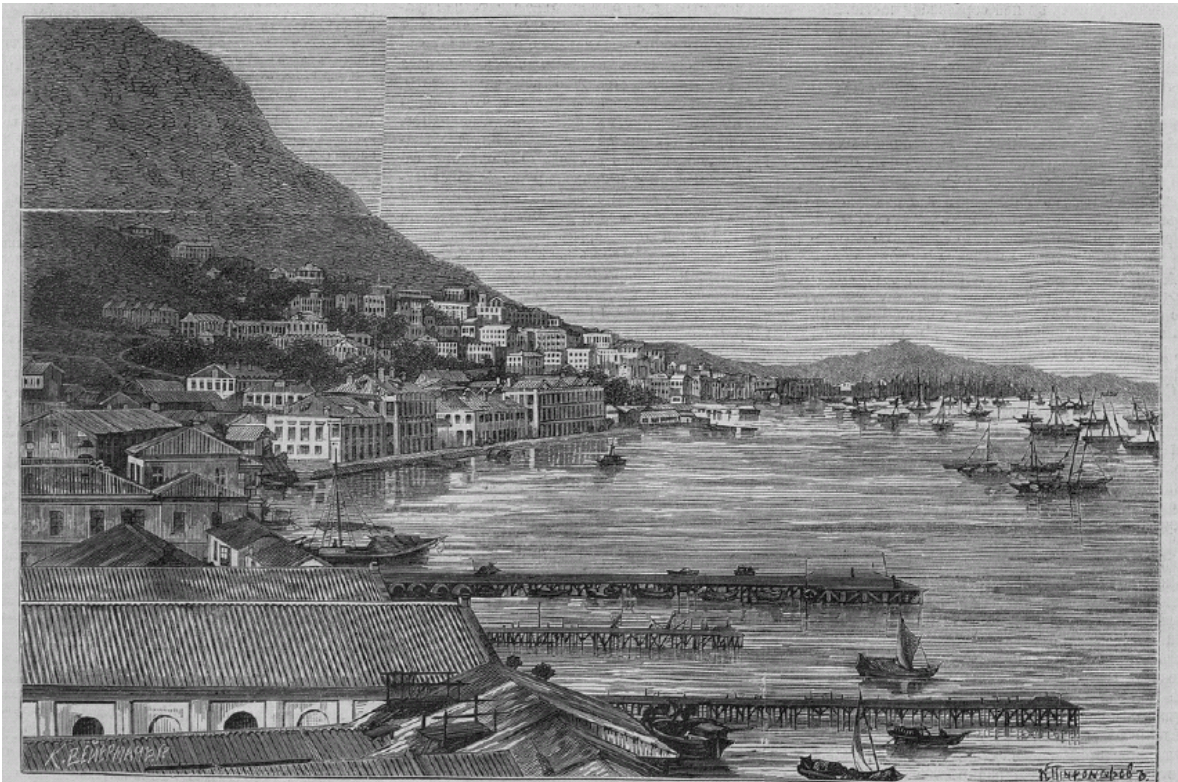
Владивосток. Закладка великой Сибирской железной дороги

Владивосток. Цесаревич Николай высыпает первую тачку с землей на строительстве железной дороги.

Принц Дамронг сиамский

Виды, сцены и типы въ Китаѣ. — Видъ города Гонгъ-Конга съ рейда зимн. станціи.
(Рис. К. Тихомировъ, грав. К. Веберманъ.)

Японскіе сцены и типы. — Японскій почтовый ящикъ. Типы японскихъ женщинъ.
(Рис. С. Макога грав. Э. Ламмюллеръ.)

Ли Хунг Чанг, посол Китая в России

Парадный вход Российской дипломатической миссии в Сеуле

Король Кореи

Японские сцены и типы. — Японские чиновники.
(Рис. С. Шамота, грав. К. Брэдшоу.)

Китайские сцены и типы. — Живописец и игроки.

(Рис. С. Шамота, грав. К. Крижановский).

Китайские сцены и типы. — Женщины из высшего круга.

(Рис. С. Шамота, грав. К. Крижановский).

Японские сцены и типы. — Забвительный мостъ въ Ивакуни.
(Грав. Ф. Даммеллеръ).

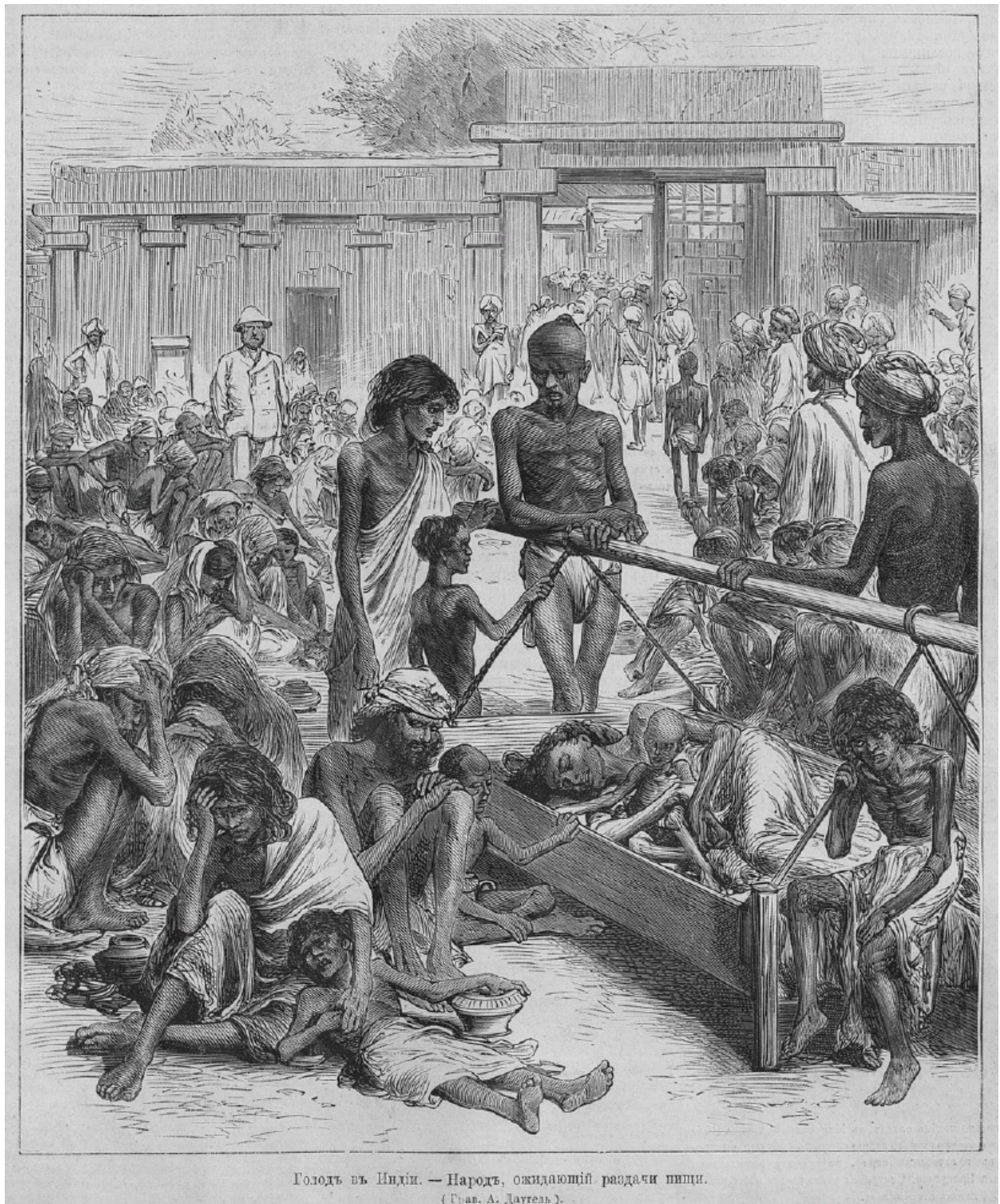
Китайские сцены и типы. — Уличный цирюльникъ и уличная швель.
(Рис. С. Шамота, грав. К. Крижановскій).

Китайскіе сцены и типы. — Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ.
(Рис. и грав. О. Май).

Китайские сцены и типы. — Китайский женский оркестр.
(Рис. С. Шамота, грав. К. Крижановский).

Индо-английская войска. 3-й бенгальский пехотный полк.
(Грав. О. Май)

1878

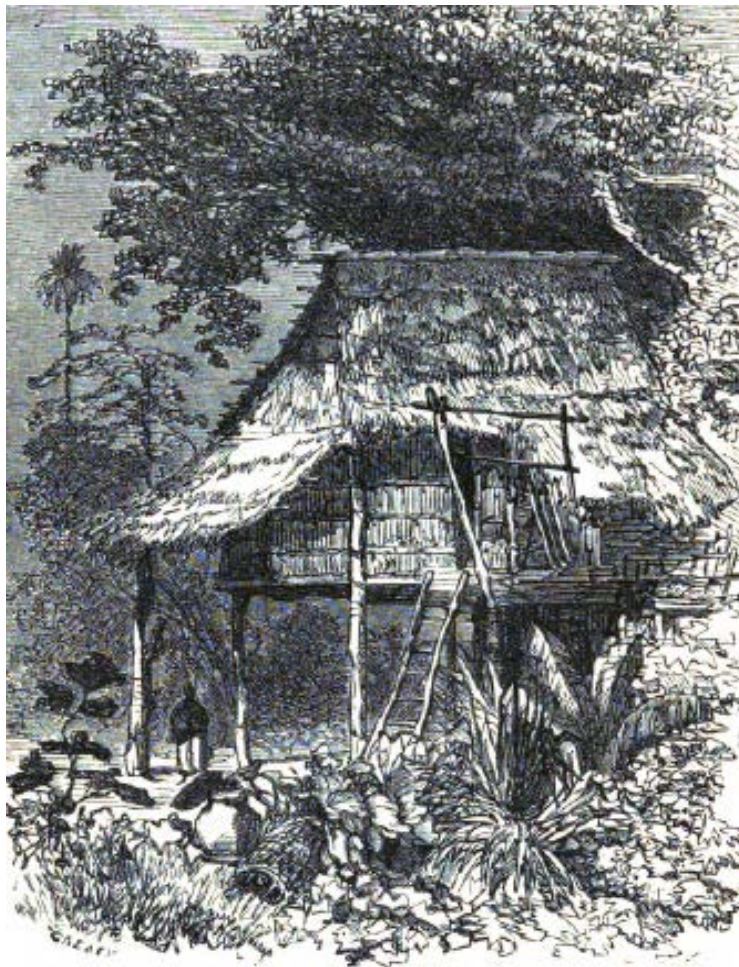

1879

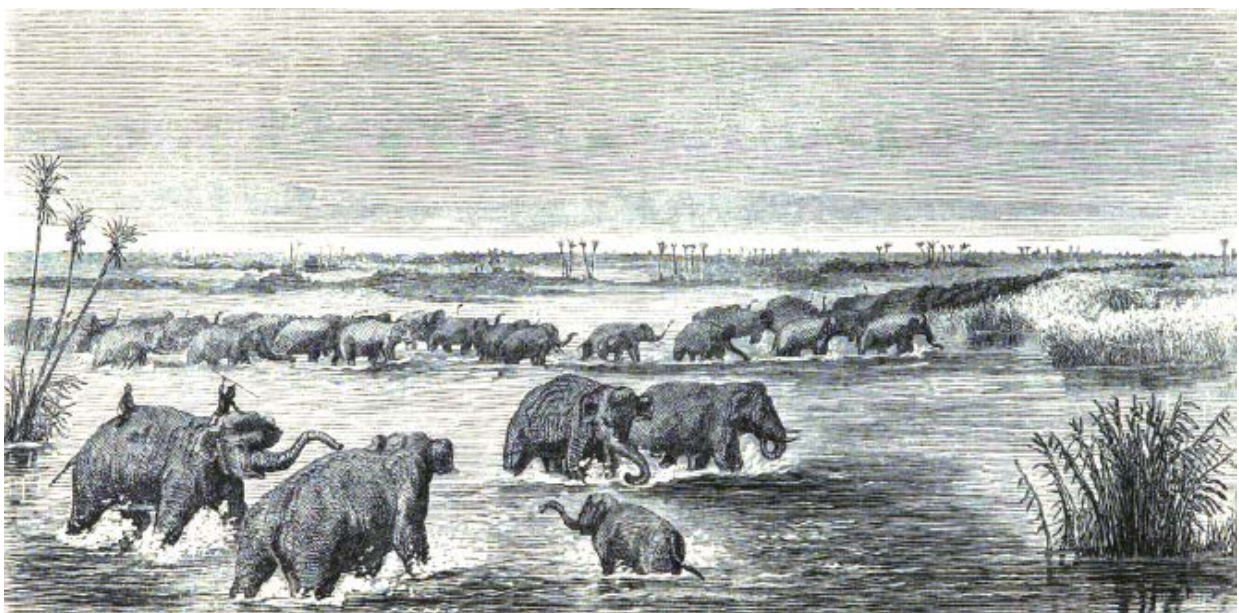

Чонг-Хоу, китайскій посоль при С.-Петербургекомъ дворѣ.
(Рис. П. Ф. Борель, грав. Ю. Барановскій.)

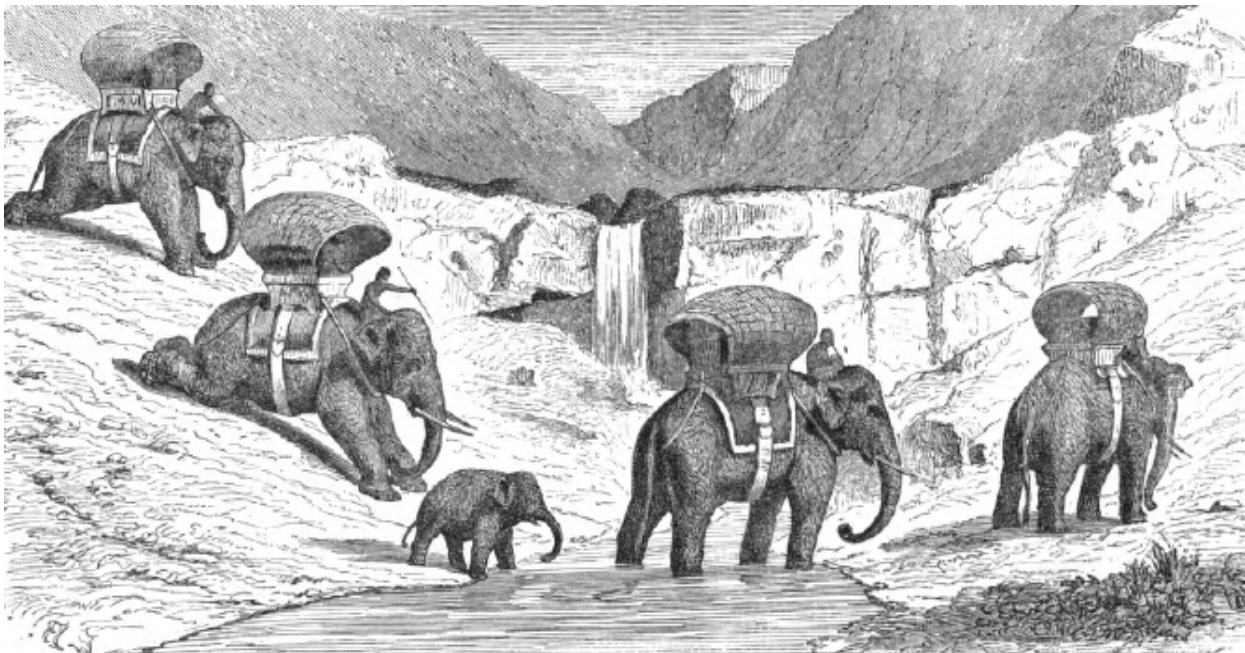
Чонг-Хоу, китайский посол при Санкт-Петербургском дворе

Жилище лаосцев

Слоны на водопое. Лаос

Караван слонов в Лаосе

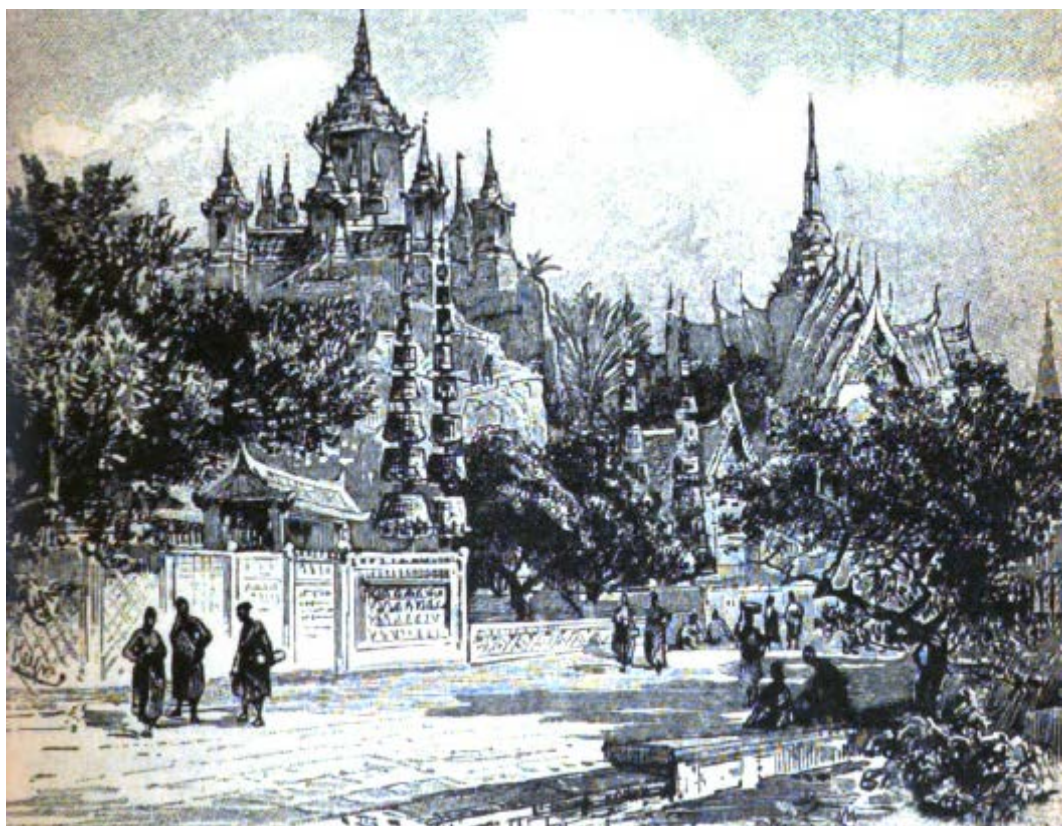
В лесах Лаоса

Лаосская женщина

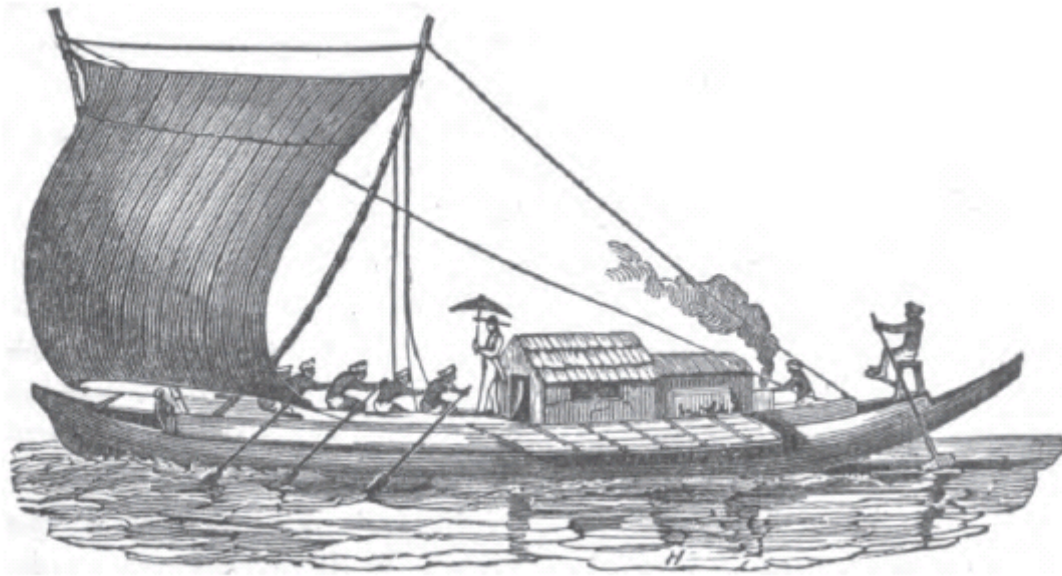

Сямские монеты

На улице Бангкока

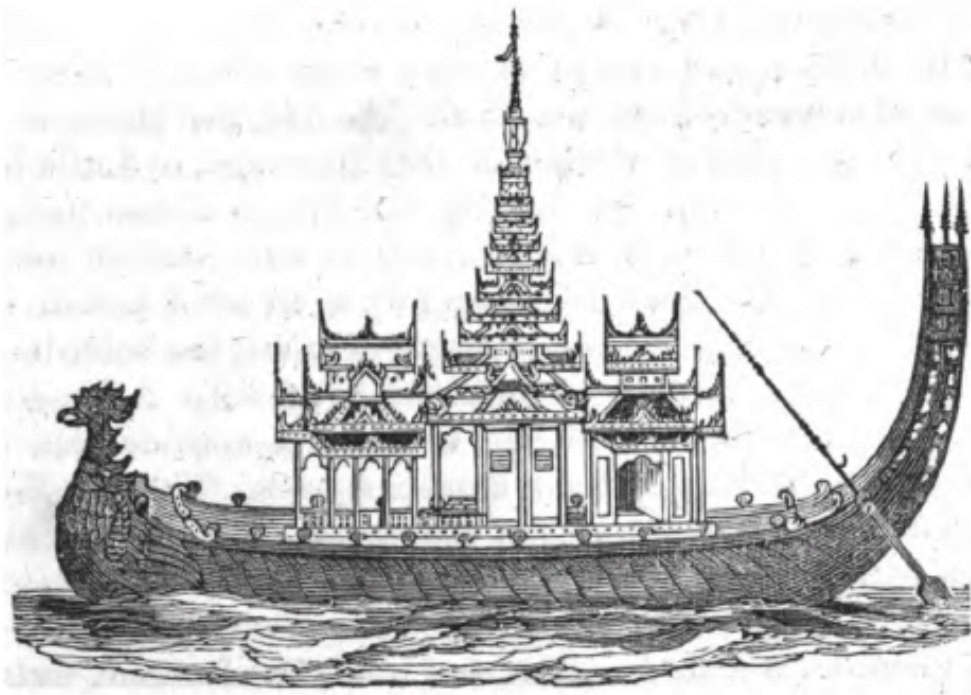

Судно на реке Иравади

Бирманская повозка

Судно короля Бирмы

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из записки русского генерального консула в Нью-Йорке А.Е. Оларовского о Дальнем Востоке

Не позднее 12 октября 1897 г.

Судя по последним событиям на Дальнем Востоке, мы не можем не порадоваться той симпатии и тому доверию, с которым начали относиться к нам азиатские [117] народы вообще, а народы Дальнего Востока в особенности, за исключением, может быть, Японии. Наконец-то китайцы и другие народности Азии убедились, что постоянно внушаемая им западными державами мысль о наших территориальных захватах, о нашем якобы порабощении и уничтожении народностей, поддавшихся вашему влиянию, о нашей ненасытной жадности к завоеваниям и т. п. – несуществующий вымысел, созданный с целью устранения тяготения Дальнего Востока к нам, тяготения, которое в силу непредвиденно сложившихся обстоятельств уничтожить западным державам будет очень трудно. Весь Восток и вся Азия, как свободная, так и поработанная, поняли, что сохранение первыми их независимости, а вторыми их индивидуальности зависит от России.

Горьким опытом убедились те из них, которые променяли дружбу и расположение России на дружбу некоторых европейских держав, доведшую их не только до унижения, но и до финансовых и политико-экономических затруднений. Нужно надеяться, что Китай и другие азиатские государства не впадут вторично в те ошибки и не променяют расположение России на расположение некоторых других европейских государств, основанное на личных выгодах без расчета взаимности. Нет также сомнения, что нам придется зорко следить за происками Англии и Германии как наиболее заинтересованных стран в преобладании на Дальнем

Востоке и в интригах против нашего там влияния; политические ошибки часто делались всеми, и я отнюдь не делаю исключения для восточных государств, в которых иногда из личных денежных выгод лиц, стоящих во главе управлений, делались ошибки намеренные, как это было в Китае, Японии и Корее, но, мне кажется, в таких случаях обязанность наших представителей устранять подобные явления.

Сиамский король, следя внимательно за ходом событий на Дальнем Востоке и имея перед собой уже примеры вреда, приносимого его королевству интригами Англии, которые, благодаря только укрепившейся в Индокитае Франции, ограничиваются пока захватом промышленности Сиама, не решаясь на захваты территориальные, естественно должен был искать, как и другие восточные государства, покровительства государя императора, а пользуясь уже, со времени посещения государем императором Сиама, милостивым расположением его величества, завязать и дружественные сношения не только политического характера, но и торгово-промышленного. Нет ничего удивительного, что при частых пограничных недоразумениях, случающихся с Францией благодаря, хотя и косвенно, Англии, взирающей после покорения Верхней Бирмы завистливым оком на долину Менама, сиамский король не особенно спокоен за свою независимость и ищет нашей санкции для поддержания таковой. Король рассчитывает, что устройством императорской миссии в Сиаме мы санкционируем его независимость и тем самым окажем ему нравственную поддержку в его далеко не легкой задаче охранять независимость своего королевства, очутившегося среди двух могущественных европейских держав, добывающихся захватов его территории и не решающихся на это благодаря только антагонизму, существующему между ними. Король хорошо понимает, что если только Франция и Англия найдут исходную точку для согласования своих интересов, Сиамскому королевству не сдобровать, и что из независимого короля ему придется обратиться в вассала того, либо другого из могущественных своих соседей; чтобы отчасти парализовать действия вышеупомянутых двух государств, король сначала был доволен возрасставшей германской торгово-промышленной деятельностью, побудившей Германию войти с ним в более дружественные отношения назначением министра-резидента в Бангкоке, но постоянно возрастающее торговое могущество Германии, заставляющее последнюю искать мест в территории

для германской колонизации, возбудило в последнее время недоверие к ней короля и побудило его искать в других государствах опоры и поддержки и стараться завязать более тесные торговые и дипломатические сношения с ними. Он глубоко убежден, по словам лиц, прибывших недавно из Сиама, что с помощью государя императора, столь милостиво и сердечно относящегося к нему, ему удастся устранить и уладить все недоразумения, происходящие между Сиамом и Францией, в установить между ними более тесные и дружественные отношения, для [118] восстановления которых почва в Сиаме подготовлена личными его симпатиями к Франции. Король сиамский убежден, что устранением недоразумений с Францией, благодаря нашему содействию, независимость Сиама будет обеспечена, и позволит ему заняться исключительно внутренним устройством государства, легко поддающегося просвещению и цивилизации. По моему крайнему разумению, нам, ввиду создавшегося на острове Цейлоне, центре чистого буддизма, движения к религиозно-духовному объединению всех старобуддистов, маленьким Сиамским королевством пренебрегать не следует. Возникающее движение старобуддистов, т. е. таких буддистов, которые сохранили учение Будды в первоначальном его духе, собирается, как носят слухи между буддистами здесь, обратиться к его величеству королю Чулалонгкорну и просить его принять на себя звание главного духовного иерарха буддизма, положение, соответствующее положению папы. Слухи эти весьма правдоподобны ввиду именно того, что буддийское учение в первоначальной его форме сохранилось в настоящее время между независимыми государствами только в Сиаме; в Китае форма буддизма извращена, в первоначальном же его виде сохранилась только в виде буддийской секты на юге Китая, в Японии и Корее тоже; следовательно, последователям чистого буддизма нет другого выбора, как только выбор короля сиамского. Возникающее движение за сохранение буддийской религии в первоначальной ее форме – движение не новое, оно началось года два тому назад и оформилось, как мне говорили, только с нынешнего года, вследствие присоединения к буддизму некоторых американских якобы философов. Если движение это действительно существует и если сиамский король будет избран главным иерархом, значение и престиж его среди буддистов поднимется очень высоко...

Причиной натянутых отношений между Францией и Сиамом служит видимое тяготение Сиам к Англии, происходящее не столько от симпатии короля к Англии, сколько из боязни, а также отчасти и поневоле, ибо Англия при всяком удобном случае внушает королю, что ему, ввиду завоевательных стремлений Франции, спасение только в тесном сближении с Англией, а всякое сближение, конечно, возбуждает подозрения Франции, которая, и совершенно справедливо, видит, что все политические стремления Англии в Индокитае и на южной границе Китая направлены против нее. Раз найдена будет Францией возможность умалить значение Англии в Индокитае и устранить торгово-поступательное движение ее на южнокитайской границе, отношение ее к Сиаму изменится к лучшему.

Первый шаг в этом направлении Англия получила сближением Франции с Китаем, последствием чего явилась жераровская конвенция, по которой Китай согласился на исправление тонкинской границы, уступку территории к востоку от реки Меконг. На французские товары уменьшены внутренние пошлины, соединены французские и китайские телеграфные линии в Сымао (Шумао) и Монкае. Франция получила право на соединение своих железных дорог с китайскими линиями, имеющими быть устроенными в Юннане, Гуанси и Гуандуне, для французской торговли открыты города Сымао (Шумао), Хокхой и Тунхин. Жераровская конвенция, бесспорно, отстранила и помешала Англии в ее торгово-поступательном движении из Бирмы на Юннань, на что своевременно указывали правительству королевы не только английская пресса, но и различные торговые палаты и ассоциации. Сумеет ли Англия вновь парализовать приобретенные французской дипломатией выгоды и в каком направлении, покажут только последующие политические события Дальнего Востока, который бесспорно в настоящее время становится центром политического соревнования и политических комбинаций всех европейских держав, коих мы бесспорно должны явиться вершителями и ни в коем случае не допускать создания нового восточного вопроса со всеми его последствиями.

А. Оларовский

АВПРИ, ф. «Японский стол», д. 1779, л. 23-26, 34-35.

Из инструкции МИД России А. Е. Оларовскому при назначении его русским поверенным в делах и генеральным консулом в Таиланде

С.-Петербург, 21 февраля 1898 г.

Ввиду предстоящего отъезда Вашего к новому месту служения в Бангкок, где в качестве поверенного в делах и генерального консула Вы явитесь первым из представителей России на берегах Менама, считаю долгом снабдить Вас некоторыми указаниями, кои должны служить руководством в предстоящей Вам деятельности.

Указания эти будут главным образом носить характер общих начал и направляющих мыслей о соотношениях держав на почве их интересов в Индокитае и о той политической роли, которая в данном случае могла бы быть уделом нашей могущественной империи.

В отношении же различных вопросов материального свойства соответствующая инструкция дана Вам будет тогда, когда, по изучению настоящего положения вещей в стране, Вы доставите императорскому министерству весь необходимый материал для суждения об означенных вопросах.

История Сиамского королевства восходит к временам глубокой древности, и местные о ней предания представляют бесконечное сплетение мифов и легенд, не поддающихся какому бы то ни было критическому изучению. Лишь с половины XIV в. является возможность проследить ход внутренней жизни страны в связи с образованием и сменой царских династий на троне повелителей Сиама. Имеющиеся об этой эпохе сведения не заслуживают, однако, особого внимания: за долгий период времени они сводятся исключительно к повествованиям о внутренних междуусобицах и столкновениях с соседями, о частых дворцовых заговорах и возмущениях, составляющих отличительные черты истории многих государств азиатского Востока. Только с XVII в., когда Сиам стал входить в соприкосновение с Западом, дальнейшая судьба его становится интересной и начинает приобретать значение для европейских государств, стремившихся завязать сношения с этой страной. Первыми в этом направлении выступили англичане и португальцы, а затем французы; причем обаяние, коим при Людовике XIV и в дальних краях пользовался Версальский двор, послужило даже основанием к дружескому обмену посольствами между Францией и

Сиамом. Но установившиеся сношения продолжались недолго. В течение всего XVIII в. деятельность европейцев в стране ограничилась лишь учреждением нескольких торговых факторий; но в начале текущего столетия она значительно оживилась, и в Сиамском заливе вновь появились англичане, а затем американцы и французы, оспаривая друг у друга первенство в политическом и торговом отношениях, а в то же время соперничая и на почве религиозной пропаганды. Бангкок стали посещать суда западных держав; европейские консулы, миссионеры и торговые люди мало-помалу образовали в столице государства довольно многочисленную колонию иностранцев; а в 1833 г. американцам удалось даже заключить с Сиамом договор о дружбе и торговле. Но лишь со вступлением в 1851 г. на престол отца нынешнего короля Сиам широко раскрыл свои двери европейцам, и недоверчивое к последним отношение уступило место вполне либеральным течениям. Последними не замедлили воспользоваться Франция и Великобритания для заключения договора с Сиамом, дабы путем этим добиться уничтожения монополий, уменьшения таможенных пошлин и обеспечения права свободной торговли. Усилия их увенчались успехом, и с этого момента обе названные державы не перестают властно предъявлять свои права на преобладающее в стране положение в целях своей колониальной политики и, постепенно тесня Сиам с запада, севера и востока, окружают его, наконец, непрерывною цепью своих владений.

История постепенных захватов Франции и Англии в Индокитае отражает собой борьбу двух колониальных начал, воплощаемых этими державами.

Властители Индии не могут, конечно, спокойно смотреть, как в соседстве с последней растет и крепнет новая франко-восточная держава; всякий успех Франции в указанном направлении является угрозой для их интересов, отражаясь на обаянии Англии в этих краях. Понятно поэтому, что отношения двух соперников на почве Сиама носят на себе характер постоянной борьбы, глухой, но упорной, не доходящей до открытого разрыва лишь вследствие опасений Англии вызвать столкновение, которое в случае неудачного исхода может окончательно подорвать значение колониального могущества Великобритании. Предотвратить возможность подобной развязки представляется для Англии тем более важным, что всякое поступательное движение Франции на пути утверждения ее влияния в пре-

делах загангетической Индии облегчает ей осуществление упорно преследуемой задачи – расширить область своей торговой и промышленной деятельности в южных провинциях Китая, составляющих в то же время предмет своекорыстных вожделений Англии. С этой точки зрения рамки вопроса расширяются и отношения двух держав в Сиаме ближайшим образом затрагивают весьма существенные интересы их на обширном пространстве сопредельных владений Поднебесной империи, ставшей ныне яблоком раздора между государствами запада.

Вышеизложенными соображениями вполне объясняется стремление Англии пойти на соглашение со своей соперницей, дабы так или иначе связать ее известными обязательствами, которые могли бы служить некоторым обеспечением против поползновений Франции расширить свои индокитайские владения на счет соседнего королевства.

В начале 1896 г. лондонскому кабинету удалось обменяться декларацией с парижским относительно общего положения Сиама и определения границ между Тонкином и Бирмой вдоль по течению верхнего Меконга. Декларация эта служит ныне положительной основой отношений двух соперников в долине Менама. Она имеет целью нейтрализовать в известной степени территорию сиамского властителя, обязывая договаривавшиеся стороны воздерживаться от всяких захватов и агрессивных действий.

Едва ли, однако, возможно рассчитывать на вполне искреннее соблюдение сторонами принятых на себя обязательств. Вызывающий характер французской политики в отношении к Сиаму как бы служит подтверждением этой мысли, и по этому поводу нельзя не указать на препирательства бангкокского правительства с Францией из-за несомненно пристрастного толкования ею постановлений договора, заключенного с королевством в 1893 г. Такой образ действий в значительной степени подрывает авторитет местной власти, создает крайние затруднения в делах судебных, в вопросах о воинской повинности, а главное дает Франции постоянное основание вмешиваться во внутренние распоряжения сиамского правительства, производить на него известное давление и стараться подчинить его своему влиянию.

Недоразумениям, возникающим по всем указанным поводам, трудно предвидеть конец, так как все жалобы и объяснения Сиама оставляются без внимания и, по-видимому, французское правительство вовсе не торо-

пится окончательно упорядочить отношения свои к королевству на основании V статьи договора 1893 г. и приступить к установлению таможенного распорядка и правил о торговле в пограничной полосе, а также заняться пересмотром договора 1856 г., как бы намеренно сохраняя известную неопределенность во всех этих делах, дабы пользоваться этим обстоятельством в целях своей политики.

С другой стороны Англия не перестает простираť вожделений своих на весь Малаккский полуостров, признающий свою вассальную от Сиаму зависимость, и нет, конечно, сомнения, что вышеуказанный образ действий Франции дает лондонскому кабинету достаточно оснований идти по намеченному выше пути и укреплять свое положение в странах, столь близко лежащих к главному пути морских сообщений Европы с Крайним Востоком. Стремление овладеть Малаккою получает еще большее значение, если принять во внимание возможность осуществления в будущем возникшего предположения о том, чтобы прорезать перешеек Кра морским каналом и тем не только сократить упомянутый путь международных сообщений, но в значительной мере облегчить и местное передвижение, что, несомненно, представляет существенную важность для интересов Великобритании в этих краях.

Из всего вышеизложенного вполне ясно выступает печальная картина настоящего положения Сиаму: с двух сторон медленно теснят его грозные противники, не щадящие усилий к достижению намеченной цели – постепенного поглощения богатейшей долины Менама, и едва ли возможно сомневаться в том, что в недалеком будущем более смелый и решительный соперник не оставит воспользоваться обстоятельствами, чтобы привести в исполнение свои корыстные замыслы.

Просвещенный правитель королевства не может не сознавать грядущей его государству опасности и, ввиду неравной борьбы с соседями, не искать извне хотя бы нравственной поддержки, которая облегчила бы ему возможность отстаивать самостоятельность своих владений и спокойно следовать по намеченному им пути цивилизации и прогресса.

При таких обстоятельствах взоры Сиаму естественно обратились к могущественной империи Севера, служащей в глазах всего Востока носительницей высших начал права и справедливости в противность политике

захватов и насилий, столь последовательно проводимой ныне просвещенным Западом.

В такой постановке вопроса следует искать объяснения, обнаруженного Сиамом тяготения к мощной России и выражаемых королем Чулалонгкорном чувств искреннего доверия и приязни, проявление коих было с полным доброжелательством встречено нашим августейшим монархом и послужило ближайшим основанием состоявшегося учреждения русского представительства при бангкокском королевском дворе. Значение нравственной поддержки России, хотя и смутно, еще ранее сознавалось в стране, и Сиамом сделаны были робкие попытки завязать с нами непосредственные сношения.

Таким образом, еще в 1865 г. сиамский консул в Сингапуре высказывал нашему вице-консулу в этом порту пожелания своего правительства заключить торговый с нами договор. Подобное же желание было затем высказано в 1882 г. начальнику нашей эскадры в Тихом океане в бытность его в Сиаме, а после того бангкокское правительство через генерального консула Северо-Американских Соединенных Штатов просило уведомить о принятом решении по поводу сделанного нашему адмиралу заявления.

Но могучий толчок пробудившемуся влечению Сиаму в сторону России был дан состоявшимся посещением бангкокского двора всеилостивейшим государем нашим в качестве русского престолонаследника в 1891 г. во время предпринятого на Дальний Восток путешествия.

Оказанный его императорскому величеству королем Чулалонгкорном и всем населением страны торжественный прием, полный самого искреннего радушия и внимания, явился той данью признательного уважения, которую король, а с ним вместе и все его подданные в лице высокого своего гостя желали воздать русскому царю и России, благотворное влияние коей не перестает сказываться на общее течение мировых событий.

С этого момента король не переставал пользоваться каждым представлявшимся случаем, дабы в той или другой форме проявлять питаемые им чувства, и состоявшееся летом минувшего года посещение им императорского двора явилось последним, так сказать, заключительным шагом его в этом направлении.

Всего сказанного достаточно для того, чтобы в полной мере определить характер установившихся ныне с Сиамом отношений и того положения, которое необходимо будет Вам занять по приезде в Бангкок.

Ваша деятельность во всем ее объеме должна носить на себе отпечаток благожелательного внимания, которое августейшему монарху нашему благоугодно ныне проявлять как лично в отношении к его величеству королю сиамскому, так и к ближайшим судьбам управляемого им народа; она должна идти навстречу той искренности и приязни, кои положены Сиамом в основу отношений своих к России; равным образом она должна быть лишена всяких корыстных побуждений и стремлений исторгнуть те или иные выгоды; наконец, она должна отвечать и ожиданиям страны встретить со стороны России столь желанное к ее интересам участие и найти в последнем необходимую нравственную опору в неравной борьбе с ее могущественными соседями...

АВПРИ, ф. «Китайский стол», 5., 103, л. 3-12.

Вышеславцев А.В.
Малайское море

С моря, вблизи, вид Сингапура не представляет ничего особенного. Несколько холмов, зелень на их вершинах, пальмы и какие-то кустовидные деревья; белеющие дома между зеленью; отлогие берега и множество судов, шлюпок, проа, джонок, снующих по всем направлениям с Китайцами и Индусами. Суда были большею частью английские и американские; они внушали к себе невольное уважение громадностью размеров, вместительностью трюмов и легкою, красивою формой очертаний; редко виделся крутобокий, короткий голландец, старинной постройки. Итак вот они, настоящие владетели здешних морей, в чьих руках находится огромная торговля крайнего Востока, с его миллионами и громадными предприятиями!

Здешний рейд порто-франко. Часто приходят сюда корсары и запасаются всем, что им нужно. Зато Англичане не щадят их при встрече в открытом море.

Удивительно быстрое развитие Сингапура. Англии нужен был коммерческий пункт, там, где Голландия и Испания почти исключительно владели коммуникациями, и хоть и плохо, но все-таки почти одни пользовались сокровищами края. А едва ли найдется в мире более счастливый уголок земли, как эти острова, прорезанные бесчисленными проливами и омываемые несколькими морями, – Малайским, Яванским и Китайским. Острова эти изобилуют всем, что только может произвести природа прекрасного и поражающего чувства. Земля из недр своих дает драгоценные камни и золото, море прибывает к берегам драгоценную амбру; из трещин дерева вытекает камфора и росной ладон; летучие ароматические масла пронизывают кору многих растений; многие плоды и цветы дают те пряности, за которые велись кровопролитные войны, и которыми обогатилась некогда Голландия. Здесь больше пятидесяти видов вкуснейших плодов, между которыми первый из всех, мангустан, может, кажется, удовлетворить самый избалованный вкус. Здесь родина бесчисленного множества великолепных цветов. Леса наполнены лучшими строевыми деревьями необыкновенных размеров, как например, знаменитое тесковое дерево, и многими видами пальм, поднимающих высоко свои стройные колонны, осененные вечно-зелеными, перистыми верхушками. Даже остатки жизни,

раковины, блестят здесь чудными красками [170] и дают знаменитый на всем Востоке жемчуг сооло. Рыбы, бабочки, птицы, соперничают между собою красотой форм и блеском одежды. Из птиц, облитая разноцветным золотом и пурпуром утренней зари – райская птица не даром носит это название.

В этой-то стране нужно было основаться Англичанам. К тому же, здесь перепутье между Китаем и Индией. Голландское влияние было сильно; Ява, в 1816 г., окончательно осталась за Голландцами. Этого никак не мог переvarить сэр Стамфорд Рафльс, горячий патриот и ревностный преследователь целей своего предприимчивого отечества. Назначенный губернатором в Бенкулен, на восточном берегу Суматры, он всячески старался поправить дела и вознаградить хоть чем-нибудь такую важную утрату, как остров Ява. После многих поисков и соображений, он обратил свое внимание на маленький островок Сингапур, необитаемый и дикий; но этот островок находится у устьев трех проливов, Рио, Дрион и Малакка. В начале 1819 г. джохорский раджа, голландский данник, уступил Англичанам этот, по-видимому, незначительный клочок земли, на который еще никто из Европейцев не обращал внимания, и здесь-то Рафльс основал город, сделавшийся в скором времени соперником Батавии и Маниллы. Между всеми портами отдаленного Востока он занял самое выгодное положение. Через Зондский пролив идут мимо его европейские суда в Китай и Японию, Малаккский пролив – большая дорога из Калькутты в Кантон; из Сингапура Англия свободно наблюдает за двумя морями которыми владеет. Сингапур сосед Явы и Борнео; он открыл новый рынок для сбыта произведений Малайского архипелага и привлек к себе все, что еще не попало под опеку Голландии и Испании. Самому Рафльсу, перед смертью, удалось увидеть блестящие результаты своего дела: в 1827 г. обороты коммерческих предприятий Сингапура уже достигали до такой цифры, что ни один экономист не осмелился бы предположить в своем воображении подобный результат. Значение Сингапура прогрессивно увеличивалось до того дня, когда китайская война открыла английским кораблям доступ пяти портов по берегу Небесной Империи. Цифра операций здешнего торга достигла тогда 150 миллионов франков. С тех пор развитие Сингапура остановилось, если не пошло назад, тем более что торговля чаем сосредоточилась в китайских [171] портах. Сингапур однако никогда не перестанет быть

рынком для различных азиатских племен, которые, при посредстве английских негодяев, будут являться, для размена своих произведений на здешний рейд, открытый всем флагам и нациям; Целебес шлет воск, Борнео – антимонию и золото, Сулуйское море – свой перламутр и черепаху, а Англия привозит достаточное количество своих изделий для того, чтобы нагрузить суда, на их обратное плавание, здешними продуктами. Сингапур, по народонаселению, не английский город: в нем едва 400 человек Европейцев на 60.000 народонаселения; он и не китайский город, хотя Китайцев в нем больше всего; он какое-то убежище и притон для всех торгующих; в развитии и распространении своем он следовал примеру древнего Рима и Соединенных Штатов. Free trade, свобода торговли, его высший закон, перед которым другие государственные учреждения кажутся излишеством.

Прежде, на здешнем рейде, бывало много китайских джонок; теперь стояло их не больше трех, и те, казалось, стояли без всякого дела, смотря в разные стороны драконами, украшающими их мачты. За то мелкие китайские лодки, с разрезною кормой, так и кишат в заливе и на небольшой речке Сингапуре, протекающей среди города и отделяющей китайский квартал от европейского; лодкой управляет один человек, стоя и гребя правою рукой левым веслом, а левою – правым. Реки почти не видно за множеством этих лодок; большая часть их крыты тростниковою крышей и служат постоянным жилищем для хозяев; на каждой найдете, как в наших столичных садках, котелок, подогреваемый здесь на углях, шкаф с домашними божками и весь подручный скарб несложного хозяйства. Эта флотилия, выказывающаяся целым лесом мачт и реев, на которых болтаются всевозможные паруса, белые, холстинные (или бумажные), кожаные, тростниковые, имеет вид целого городка, живописного, пестрого и очень занимательного картинами оригинальных групп и разными сценами. Тут, на палубе, почти голые, воскового цвета, лимфатические Китайцы, уселись на корточках около котла с вареным рисом и работают проворно двумя палочками вместо ножей, ложек и вилок; на другой увидите толстого Китайца, важно и с великим достоинством совершающего свой туалет; другой [172] худой и тощий, с выражением лица наших горничных, расчесывает ему косу. Так один из сынов Небесной Империи совершает какую-то некрасивую операцию в ухе, наконец, можно досмотреться до таких нату-

ральных сцен, о которых нельзя и рассказывать; жаль только, что нет возможности долго любоваться картинами этого китайского Rialto: спертый удушливый запах кокосового и кунжутного масла, которыми, кажется, пропитаны, стены домов, и разные другие запахи гонят отсюда непривычного Европейца. Между китайскими лодками, которые сейчас узнаешь по разрезной корме и по усеченному носу с нарисованным глазом, стоят и снуют продолговатые, остроносые индейские лодочки, построенные удивительно грациозно и как-то отчетливо; три-четыре полунагие Индуса, бронзовые формы которых так и блестят на солнце, кажется, играют своими короткими лопатообразными веслами; узкая, легкая их лодка, на середине прикрытая легкою тростниковою крышей, так и скользит и вьется, будто змейка, по тихой глади вод всегда спокойного рейда. Увидите там еще большие, раскрашенные боты, с завернутым улиткообразным носом и с огромным парусом; эти боты перевозят на суда товары; чернорабочие на них – Индусы, а распорядители – Китайцы. Наконец, точно мухи, зарябят по воде маленькие, микроскопические лодочки, которые меньше и уже наших тузов и душегубок; на них и одному едва можно поместиться, и часто несколько малайских мальчишек с криком перегоняют на них друг друга. Разве только корзинку с ананасами поднимет такая лодка. Ананасы здесь превосходны, и вообще здесь царство плодов, особенно ананасов; они растут в диком состоянии; есть целые острова, заросшие ананасами и кокосами: за один пенни вам дадут такой ананас, какого нельзя найти в Петербурге ни за какие деньги.

Почти весь первый день мы просидели на клиппере, по случаю бывшего у нас домашнего праздника. Вдоволь насмотрелись на лодки и суда Китайцев и Индусов, поминутно пристававших к нам. Красные и пестрые драпировки торговцев красовались среди целых гор бананов и ананасов, которыми завалены были их лодки. Китайцы были большею частью голые, с небольшими юбочками, или в белых блузах и широких шароварах, волнующихся в таких [173] обширных складках, что с непривычки не различишь их от юбки. На головах их тростниковые остроконечные шляпы, очень разнообразных фасонов, – одни маленькие, другие огромные и развесистые, точно крыша с небольшого китайского павильона. Иная лодка была нагружена всевозможными раковинами и кораллами, которыми так богата здешняя сторона; другая везла безделки, вырезанные из слоновой

кости и перламутра, шелковые платки, куски материи и, наконец, все те предметы, которые известны под именем *chinoiseries*. Работа некоторых вещей так отчетлива, что, казалось, нет пены, которая бы определила этот удивительный труд, а между тем за несколько долларов вы покупаете вещь, на которую потрачено Бог знает сколько времени и труда. У Китайцев труд, кажется, ничего не стоит. Огромная конкуренция и всеобщая бедность сбивают у них цену на изделия. Особенно хороши мозаичные ящички из перламутра, слоновой кости и серебра. Привозили нам и разных птиц, блестящих разноцветными перьями и хвостами. Сингапур богат попугаями, которых здесь несколько пород: белый, (какаду) зеленые и розовые, (лорис); последние самые дорогие: они большие музыканты, запоминают наизусть целые музыкальные пьесы, и поют их с отчетливостью оперного певца. Не знаю, водится ли здесь яванская беа, которая больше всех птиц способна перенимать людскую речь и музыкальный мотив: иногда довольно ей услышать что-нибудь один раз, чтобы суметь передразнить. Эта птичка удивительно нервозна; она страдает при малейшем негармоническом звуке, а стук и шум ее страшно пугают. К сожалению, кроме воздуха своей родной стороны, она другого не выносит. Привозили к нам множество драгоценных камней, аметистов, рубинов, бамбуковые трости, тростниковые рогожки, на которых только и можно спать в здешнюю жару. Все эти гости, бронзовые и коричневые, кажется, заманивали нас на берег, привозя с собою образчики всевозможных сокровищ и богатств здешнего края. Утром, некоторые из офицеров корвета были на берегу, и отрывочные рассказы их о китайском городе, о саисах, бегущих около экипажей, о новых деревьях, будто бы растущих на каждом шагу, раздражали наше любопытство. За обедом несколько золотых ананасов, среди группы мангустанов и бананов, [174] красовались на нашем столе. В четыре часа мы съехали с клиппера к берегу.

Налево от пристани впадает в залив та речка, запруженная лодками и барками, о которой я уже говорил. На ее набережной видны строения в роде нашего гостиного двора, со множеством лавок и сильным народным движением. Мы вышли на обширную эспланаду, на углу которой распространяли свою широкую и прохладную тень несколько роскошных, развесистых деревьев, тихо шелестя своею блестящею, свежеею зеленью. В тени их, на траве, живописно раскинулось несколько групп, наслаждавшихся

прохладой и отдохновением. Дневной жар уже несколько спал, можно было дышать свободно и даже ходить. Близ этих деревьев возвышалсяobelisk, теперь реставрируемый, весь закрытый тростниковыми рогожками: это памятник сэру Стамфорду Рафльсу, – единственная историческая вещь, напоминающая в городе о прошедшем. На эспланаду выходит европейский квартал с своими чистыми белыми домами, утонувшими в зелени: точно голуби, скрывающиеся в тени ветвей. Здесь все старание при постройке домов направлено на то, чтобы защищаться от вертикальных лучей экваториального солнца; нигде не увидите ни запертых дверей, ни стеклянных окон; везде деревянные жалюзи, сквозь которые дует постоянно, хоть и раскаленный, но все-таки сквозной ветер; навесы, крытые веранды, не пропускают солнечных лучей забраться внутрь комфортабельного покоя, как бастионы и редуты не пускают сильного врага. Целый день все молчат; спущенные жалюзи – точно опущенные веки спящего; но к вечеру оживают эти заколдованные, молчаливые жилища. Несколько охлажденный воздух врывается широким, благоухающим потоком в раскрытые большие окна, сквозь которые видна с улицы вся внутренность дома; население просыпается и принимается за работу. Из иного уголка вылетает гармонический звук фортепиано, как будто бы он обрадовался прохладе и свободе; на улицах показываются экипажи, не досчатые кареты саисов (извозчиков), которые жарятся целый день на перекрестках, а красивые открытые ландо, с чалмоносными грумами на запятках, с бледнолицыми, страдающими печенью Англичанками внутри, раскинувшимися в поэтических неглиже, в легких щегольских костюмах, [175] обхватывающих, как будто облаком, своими газами и тюлями их легкое тело. Они проедутся раза два по эспланаде, и возвращаются домой подкреплять ростбифом и элем силы, ослабленные дневным жаром. Близ памятника Рафльса нас окружила целая толпа саисов. Их экипажи, сколоченные из досок, впрочем очень легки и красивы; форма их – карета без рессор; со всех сторон жалюзи, которые можно опускать и приподнимать по воле. Кареты запряжены в одну лошадь, лошадки очень малы ростом, но красивы и сильны, и напоминают шотландских пони; их привозят с Борнео. Козел у карет нет, а есть какая-то дощечка спереди, на которую иногда садится легконогий кучер (Саисы все без исключения Индусы); большею же частью он бежит мерным шагом около экипажа, держа лошадь под уздцы. Упряжь – английские шо-

ры; только Индус непременно прибавит чего-нибудь своего: или навесит на лоб лошади медную звезду, или раковину на шею, в роде талисмана. Цена саису с экипажем доллар в день; впрочем берут и больше, особенно с туристов. На каждом свой костюм, и костюмы эти разнообразятся фантазией и средствами каждого. Иной совсем голый, с небольшою тряпичкой из стыдливости; другой одет очень чисто и прилично, в белой чалме из легкой материи и белом кафтане, или с такою же материей у пояса, или через плечо. Почти у всех кусок ткани висит вместо юбки; в конец перевязи, завязав его узлом, они кладут деньги. По вертикальному разрезу на лбу узнаешь чистого Индуса; по маленьким кружкам, белым, желтым и красным, наклеенным между бровей, можно узнать религиозную секту, если кто умеет различать эти секты. Лица их удивительно подвижны и выразительны. Некоторые так красивы, что, забывая темный, пепельный цвет их, долго засматриваешься на их оживленные черты. Это сангвинико-холерическое племя – совершенный контраст с лимфатическими, одутловатыми Китайцами. Индус – темно-бронзового цвета, который иногда переходит почти в черный; нежные части кожи подернуты будто пеплом; глаза его блещут молнией, волосы вьются тяжелыми массивными кудрями, поэтически оттеняющими костлявую голову; зубы, блеском не уступающие глазам; крепкие, [176] как кость, мускулы и тонкая кожа, обтянувшая их без складочки, без излишества, выказывает малейшую жилку и всякий выступающий наружу внутренний орган. Кажется, он весь вычеканен из крепкого металла; даже солнце на нем блестит металлическим блеском. Индус никогда не станет неграциозно; каждое его движение, каждая поза – картина; с таким вкусом, с таким кокетством перебросить он красный платок через плечо, что не знаешь для чего ему этот платок, – для защиты ли от солнца, или для щегольства.

Тихомиров В. Сингапур. Очерки и воспоминания кругосветного плавания

Во время кругосветного плавания мне, по особым условиям самого путешествия, трижды пришлось побывать в Сингапуре: в марте, мае и июне 1891 года.

Ранним утром, в 7 1/2 часов, старик "Djemnah", пароход общества "Messageries Maritimes", совершавший свой последний рейс на дальний восток, покинул, при отличной погоде и тихом море, рейд Коломбо и направился в ближайший по пути своего следования порт Сингапур. Несмотря на преклонный возраст (построен в начале 60-х годов), трехмачтовый "Djemnah" – хороший ходок, как и все его товарищи, французские почтовые пароходы, идущие всегда скорее своих многочисленных здесь, как и везде, английских конкурентов (на которых, заметим кстати, каюты и стол, последний особенно, значительно хуже, а плата дороже), делая в час от 13 до 14 узлов (узел – морская миля – равен 1 3/4 нашей версты) вместо обязательных 12-ти, добежал до Сингапура в пять суток только. В 8 1/2 часов утра 18-го марта мы уже стояли на взморье перед первым по его значению, всемирным портом этого города.

Самое плавание от Коломбо до Сингапура началось при условиях вполне благоприятных. Как уже упомянуто, мы вышли в ясную погоду и при море вполне тихом. Под ярким синим небом горел своею ослепительной белизною старый знакомый маяк Коломбо. Лазурь Индийского океана была так же глубока, ярка и безмятежна, как опрокинувшийся к ним небесный свод. На гладкой безбрежной водной [462] равнине океана справа ни одного "барашка", слева – кокосовая роща, в которой приютился Galle-Face-Hotel – последняя окраина Коломбо, отель, служивший мне постоянным жилищем на острове. Затем потянулись как бы рвущиеся на встречу к морю и склоняющиеся над ним сплошные заросли кокосовых плантаций; в дымке прозрачного тумана обрисовались далее, сначала неясно, а затем все резче и резче выступающие синеватые очертания ближайшей цепи гор центральной возвышенности острова (мы шли постоянно вдоль берега), а в два часа пополудни впереди снова виднелся уже другой маяк, белели прятавшиеся в густой темной зелени разбросанные там и сям низкие постройки, и молочно-жемчужная пена могучего прибоя (здесь постоянного вслед-

ствие утесистости берега) выделялись особенно резко на общем зеленом фоне прибрежного леса: то была Punto-Gala, переделанная французами в Point de Galle и под этим искажением сохранившаяся поднесь во всех учебниках географии: Gala на языке сингалезов значит: скала, Kandy – утес; таково истинное происхождение названий двух старейших и знаменитейших городов Цейлона: его первого порта и столицы, так долго последовательно и упорно отстаивавшей свою независимость от Португалии, Голландии и, наконец, Англии, ее покорившей.

Название Punto-Gala является сочетанием сингалезского слова Gala, скала, с португальским Punto – точка или мыс, так как город расположен действительно на выдающемся далеко в море утесистом мысе. Этот мыс и охватывающие его широким кольцом коралловые рифы образуют превосходную, открытую лишь в югу, обширную и безопасную гавань одного из бесспорно лучших в мире портов. Он был бы даже безукоризненным вполне, если бы не пожалели средств и динамита, чтобы взорвать встречающиеся кое-где внутри его коралловые утесы, могущие быть опасными судам при недостаточном знакомстве с топографией порта.

Окружающие город, с центральной стороны острова, леса замыкаются, как уже упомянуто, на горизонте горною цепью, тянущеюся параллельно берегу. Между синими вершинами последней резко выступает своими высотой и причудливыми очертаниями "Хей-кок" (Haу-сок), названная так англичанами по сходству ее со стогом сена. Гора эта видна с моря на далекое расстояние и является для подходящих к Punto-Gala судов первым признаком близкой земли.

По своему выдающемуся выгодному положению между [463] Египтом и Аравиею с одной стороны, Китаем, Малайским архипелагом и Индией с другой, Punto-Gala был с древнейших времен величайшим торговым морским центром отдаленного востока, и только искусственное возвеличение Колумбо на его счет, постройка в гавани последнего гигантского (стоившего миллионы) искусственного мола для защиты судов в открытом рейде, отняли в настоящее время у Пунто-Гала его первенствующее значение.

Он сохраняет его, впрочем, отчасти, как второе по важности после Колумбо место вывоза важнейшего туземного продукта острова – кокосового масла, его семянных ядер (copra), выжимаемых уже в Европе, и воло-

кон (coir). Известно, что другие важнейшие продукты вывоза Цейлона: хинная корка, кофе, а теперь главным образом чай, какао и в последнее время мускатный орех – продукты растений, только нашедших на Цейлоне свое второе отечество, но не туземных. Было время, когда Цейлон вообще и Пунто-Гала в особенности являлись центрами вывоза другого, весьма ценного туземного продукта: цейлонской корицы, но это время давно прошло. В настоящее время цейлонская корица подавлена на мировом рынке более дешевой, хотя и более грубою обыкновенною корицею китайскою.

Наблюдая неприглядное и вообще упадающее состояние так называемых коричных садов, "Ginamon-Gardens", в окрестностях Коломбо и зная, что Пунто-Гала была издавна центром производства корицы, зная в то же время, что этим важным центром Цейлона мне придется любоваться лишь с борта парохода, я еще в бытность свою в Коломбо старался путем расспросов сведущих туземцев (производство корицы в противоположность чайному находится почти исключительно в руках сингалезов) выяснить себе, в каком положении находится теперь там этот вопрос. Наиболее обстоятельные сведения были сообщены мне в этом отношении народным врачом, сингалезом Hami-Widampati, первым практиком и медицинской знаменитостью "черной", т. е. туземной части населения города Коломбо. Этому почтенному собрату по профессии обязан я многими приобретениями и сведениями по части цейлонских народных лекарственных средств, которые были знакомы ему в совершенстве.

Владея свободно санскритом и языком пали, он представлял собою настоящего туземного ученого, прекрасно знакомого с древнею индийскою медициною, и не раз приходилось жалеть, что некомпетентность переводчика при передаче [464] чересчур специальных тем беседы часто лишала меня возможности пользоваться передаваемыми интересными сведениями.

В среде своей многочисленной практики Hami-Widampati пользовался величайшим авторитетом и уважением, между прочим, и как человек: за строгое соблюдение национального образа жизни и одежды, а также и за антипатию к англичанам, которых туземное население Цейлона (как и других колоний) имеет полное основание не очень любить...

Самая наружность моего нового коллеги, в особенности же это исполненное скромного достоинства умение держать себя, действительно могли сразу расположить в его пользу и внушить в себе доверие: очень выразительное, строгое коричневое лицо 65-летнего старика, правильного арийского типа, седые, довольно густые еще волосы, заплетенные сзади в косу и спереди украшенные двумя черепаховыми гребнями: одним полукруглым над лбом, обращенным выгнутостью назад и другим на затылке, с очень высокою, по углам расходящеюся в виде рогов спинкою, снежно-белая коленкоровая кофточка с широкими рукавами, темная ситцевая юбка, вместо нижнего платья, спускающаяся от пояса почти до земли, и ноги, обутые в сандалии, сплетенные из растительных волокон – таков был своеобразный и при всей простоте одежды исполненный строгого достоинства и благообразия вид моего цейлонского собрата, который сообщил по поводу корицы следующие данные: в окрестностях Коломбо и Пунто-Гала мелкие собственники-крестьяне готовят для экспорта корицу в апреле и продают ее, небольшими партиями в 400-600 фунтов, особым скупщикам, имеющим дело с торговыми фирмами, занимающимся окончательною отправкою товара. Кроме того туземцами изготовляется также в местечке Vaddegama, в 4 милях от Пунто-Гала, добываемое на месте перегонкою с водою, эфирное масло корицы (наиболее ценный продукт ее).

Сколько можно было понять, перегонка эта совершается довольно первобытным способом, влекущим за собою большие потери ценного продукта, - в медных кубах и оловянных приемниках, при охлаждении соединяющих куб и приемник змеевиков (металлических проводных трубок) водою.

Прежде Пунто-Гала славилась также торговлей драгоценными камнями (алмазы, топазы, изумруды) и в особенности жемчугом; в настоящее время добыча их на Цейлоне значительно уменьшилась, и эта отрасль промышленности утратила также свое прежнее значение. [465]

Возвратимся к нашему плаванью. Третий маяк на южной оконечности Цейлона послал мне в 3 1/2 часа пополудни свое последнее прости, а в 4 часа круговая линия горизонта ограничивала уже одну только водную гладь: мы были теперь в открытом океане, тихом и спокойном, как пруд.

На другой день, однако, океан этот оказался предателем в полном смысле слова: при наступившей пасмурной погоде, мелком дожде и бес-

престанно вспыхивающих на горизонте молниях, пароход попал в полосу так называемой у моряков мертвой зыби.

Явление это состоит в том, что под влиянием течений различной температуры, или каких-либо иных совсем неизвестных причин, при совершенно спокойной поверхности моря на некоторой глубине его появляется волнение, которое передается пароходу и всему на нем находящемуся. Тогда людям, подверженным морской болезни, приходится не только плохо, но и обидно! Лежит себе такой будущий страдалец на палубе в своем длинном плетеном кресле-кушетке, нежась под плотным тентом (натянutoю над всею почти палубою в виде крыши двойною парусиною), или сидит в салоне под освежающими непрерывными размахами гигантского веера – так называемая "панка" – ряда широких и плотных полотняных, спускающихся с потолка стор, приводимых в движение электродинамомашинною силою или чаще, по старому обычаю, веревкою, которую непрерывно дергает предназначенный исключительно для этой цели и сидящий за дверьми салона китаец – эта необходимая живая принадлежность каждого почтового парохода индокитайской линии. Пассажир радуется, что море так смирно сегодня... Вдруг пассажиру становится что-то не по себе. Не замечая никакой качки, он решается посмотреть, кланяются ли поочередно нос и корма морю; устанавливает свое кресло ради этого по возможности у грот-мачты, т.-е. в центре судна, убеждается, что все обстоит благополучно, и вдруг... едва успевает, а подчас и не успевает добежать до своей каюты, чтобы там, вдали от нескромных и часто даже насмешливых взоров скрыть внезапно предательски охвативший его недуг, близости которого он не допускал в эти минуты: морскую болезнь.

Таковы бывают результаты мертвой зыби, которую пришлось пережить пассажирам нашего парохода между Цейлоном и Сингапуром в субботу нашей масленицы, 14-го марта 1891 года.

Всякий человек, при известной силе и специальных свойствах того или другого случая качки, подлежит морской [466] болезни неизбежно и платит ей роковую дань, но степень противодействия того или другого человека самой болезни даже и в каждом отдельном случае весьма неодинакова. На мою долю выпала счастливая участь страдать ею значительно меньше других, но именно при этом случае мертвой зыби я наблюдал особенно резко, как велика зависимость между проявлением недуга и мозго-

вою работою. Лежа в своем кресле на палубе, я чувствовал себя вполне здоровым, но стоило только взять книгу и начать читать, как почти тотчас давало себя знать то особое ощущение тяжести в голове, которое является роковым предвестником настоящего приступа. Повторив опыт несколько раз, я попробовал, у себя в каюте, заняться срисовыванием заготовленного для этой цели ботанического материала: тяжесть головы перешла тотчас почти в ощущение головокружения уже настоящего, сопровождаемого тошнотою – и вот, не желая далее искушать судьбу, я должен был в течение почти целого дня, пока продолжалась мертвая зыбь, предаваться полному вынужденному бездействию, тогда как многим пассажирам, как это можно было видеть по отсутствию их за обедом, день этот обошелся еще гораздо неприятнее и тяжелее.

На следующий, третий день плавания, в воскресенье масленицы, мертвая зыбь прекратилась. Как блестящее зеркало расстилался, утративший вполне за ночь свои предательские свойства, океан; все страдальцы прошлого дня, так сказать, воскресли, и за завтраками (ранним в 8-10 часов брэкфестом и поздним в 1-2 ч. тиффином), в особенности же за обедом (в 6 ч. пополудни), спешили усердно наверстать недавнее невольное воздержание, с тем аппетитом, который дает хорошее море, при освежающем, несмотря на 24° Реомюра, легком ветерке. Некоторые из спутников – москвичей, вздыхали, однако, в виду знаменательного дня, по блинам и зернистой икре, так что на постоянно обычно-любезный вопрос комиссара (эконом, заведующий хозяйством парохода) довольны ли мы сегодня столом, представителям России пришлось отвечать, что, конечно, все прекрасно, но недостает... блинов.

Выяснив себе, что такое блины, совершенно неизвестные ему по существу, любезный комиссар пытался утешить моих соотечественников таким заключением: «Enfin, messieurs, ca ne doit pas etre grande chose!» Посыпались, разумеется, горячие протесты, но масленица все-таки началась и кончилась в этом году для россиян без блинов.

Дивная ночь сменила превосходный день. Несмотря на те же [467] 24° Р. и близость экватора (северной широты), на защищенной плотным тентом палубе чувствовался ветерок, дававший освежающую прохладу.

При быстро наступившей ночи, вследствие сильного свечения моря, огненный блеск далеко предшествовал пароходу, тянулся вдоль борта его

и оставлял за кормою след не менее яркий и продолжительный. Море и небо были равно хороши: ярко, не по нашему, горели на последнем созвездия, между которыми виднелись типические представители противоположных полушарий; низко-низко над горизонтом, как бы прощаясь с нами, гиперборейцами, горела еще родная и великолепная Большая Медведица, но три звезды хвоста ее, или дышла, если предпочесть более популярное у многих народов название "колесницы", были обращены уже своею выпуклостью вниз, а не вверх, как у нас, исходя из нижнего, а не верхнего края ее характерного четырехугольника остальных звезд.

Диск молодого месяца, в свою очередь, глядел также выгнутым краем своего серпа вверх, выпуклостью вниз. Выше над горизонтом, со стороны противоположной, горел своим бледным, сравнительно с Большою Медведицею, светом, широкий ромб Южного Креста с его пятою меньшею и несимметрично помещенною звездой, и блистал гораздо более привлекательный, чем первый, Центавр.

Такое звездное небо возможно только вблизи экватора, и как хорошо оно там!

На четвертый день плавания, утром в 9-м часу, 16 марта, справа в тумане обрисовался северо-восточный берег Суматры – та часть ее, которая далее в глубь острова известна под названием: Ачин. Этот Ачин – большое место Голландии, являющийся для нее тем, чем был для России Кавказ до пленения Шамиля. Здесь туземцы упорно не желают до сих пор, даже и номинально, подчиниться чужеземной власти. Англия, в качестве доброй соседки Голландии, усердно и не без выгоды для себя, тайно снабжает ачинцев скорострельными ружьями и патронами к ним; ужасная "Veri-Veri", этот бич Малайского архипелага, вместе с тяжелыми дизентериями и злокачественными лихорадками, являются, вдобавок, очень часто даже еще лучшими союзниками местного населения – и в результате получается та хроническая, не закрывающаяся язва голландской Индии, которой название – ачинская война.

- Когда же вы выгоните, наконец, англичан из Индии? это, право, совсем будет не трудно! – не раз, с наивнейшею, [468] очевидно, глубокою в душе враждою, спрашивали на Яве меня в качестве русского, совершенно упуская из вида мою полную некомпетентность в разрешении такого специального вопроса.

Думаю, однако, что подавляющее большинство читателей настолько же не компетентны по отношению к Beri-Beri, как и я к вопросу о возможности легкого и удобного изгнания из Индии англичан; поэтому скажу о первой два слова. "Beri-Beri" есть неведомая у нас, но весьма распространенная на крайнем востоке, от Цейлона до Японии (там она зовется уже какэ) включительно, болезнь, характеризующаяся глубоким поражением деятельности нервной и кровеносной систем, равно поражающая, при известных неблагоприятных условиях (плохое питание, усиленная работа и в особенности скученные городские помещения: тюрьмы и казармы), как туземцев, так и европейцев; последних, по-видимому, даже сильнее, что и понятно, так как они – неакклиматизированные пришельцы, легко заболевающие в этих широтах тропическим малокровием, первую, по-видимому, производящую причину "Beri-Beri". Болезнь редко протекает бурно, оканчиваясь в несколько дней параличом сердца. Гораздо чаще течение ее медленное и хроническое, причем недуг тянется месяцы и даже годы. Первоначально наступает – и это очень характерно – онемение губ (больной не ощущает, например, при питье, края чашки или стакана), затем ручных и ножных пальцев. Далее является неполный, а впоследствии и совершенный паралич ног и рук, наступает, при постоянно усиливающемся упадке сил, одышка, является общая водянка, сопровождаемая поражением почек, и после долгих мучительных страданий больной гибнет, наконец, неизбежно, если не будет в качестве туземца возвращен в естественные условия сельской жизни или, как пришелец, отправлен обратно в Европу. Специальных средств для борьбы с этим своеобразным злым недугом до сих пор не найдено ни каких.

Нередко целые, вновь прибывшие из Голландии на Зондские острова, полки повально заболевают Beri-Beri и требуют безотлагательного возвращения их в Европу. Легко понять, во что обходится при таких условиях, с доброю помощью Англии, голландцам ее вечная "ачинская война"!

В самом начале шестого дня нашего плаванья от Коломбо (кстати, слово это происходит от сингалезского Kalamba, которое португальцы в свое время переделали в Colombo), именно в 7 часов утра 18-го марта, Djemrah вошел в [469] Малаккский пролив, причем, справа потянулись, покрытые лесом, холмистые берега Суматры, а слева – оконечность полуострова Малакки, и в 8 1/2 часов утра якорная цеп уже гремела после вы-

стрела нашей единственной и скромной пушки, знаменовавшего благополучное прибытие парохода на рейд Сингапура.

Как уже упомянуто, мне пришлось быть здесь три раза; поэтому все виденное и испытанное на Сингапуре я изложу в порядке моих в нем пребывания, предпослав сначала общие сведения о возникновении Сингапура, его прошлом и современном положении, которые считаю необходимым возобновить в памяти благосклонного читателя. Начнем с названия: происхождение слова: Сингапур (измененное англичанами в Singarore) объясняется двояко. Первое объяснение, хотя и гораздо более распространенное, чем второе, в виду исторических и в особенности этнографических данных, по-моему, менее вероятно. Его производят от санскритских слов: "Sinha" или "Sing" – лев и "Pura" – город. Второе толкование, допуская заключительное санскритское "Pura", принимает для первой половины слова малайское "Singgah": глагол, значение которого: посещать, касаться, приставать к берегу (Справу. De La Croix: Vocabulaire Francais-Malais et Malais-Francais, книгу, принесшую мне не мало практической пользы, так как малайский язык является международным для Малакки, Явы и вообще островов Малайского архипелага)).

Малайская этимология Сингапура – ясный намек на прекрасный рейд, в местности, послужившей для основания этого великолепного порта. Как известно, современный Сингапур является, несомненно, выдающимся мировым торговым центром, связующим и неизбежным звеном между Европой (через Суэц) с одной, Австралией (через Коломбо) с другой, Большими Зондскими Островами, Филиппинами, Китаем и Японией с третьей стороны. Топографические преимущества его, усиливаемые первенствующею организаторскою способностью и энергиею Англии в отношении колониальном, не только подавляют в настоящее время Батавию, не говоря уже о Самаранге и Сурабае, но смело выдерживают конкуренцию и с таким несравненно более опасным для него соперником, силы которого отвлекаются, впрочем, частью Америки, как Гонг-Конг.

Припомним теперь, что было на месте современного Сингапура менее ста лет тому назад.

Как известно, 9-го июля 1810 года Голландия, [470] захваченная Наполеоном, перестала существовать как самостоятельное государство, а с нею вместе в качестве голландской колонии и Ява, в пределах той части

острова, которая принадлежала тогда Голландии. В то доброе старое время вести доходили не скоро из одного полушария в другое, и только случайно, в декабре того же года, через одно американское купеческое судно, Батавия узнала, что она около полугода уже принадлежит Франции, тогда как официально это стало известно лишь в феврале 1811 года. Англия в свою очередь не дремала; "британские интересы" тогда были так же всесторонни, как теперь, да еще с добавлением возбуждавшей их континентальной системы Наполеона, и вот в начале августа того же года громадная (около 100 судов) английская эскадра, подойдя к Батавии, спустила, без всякого сопротивления, на яванскую почву 12.000 ч. десанта, которому город сдался на капитуляцию. После неудачного кавалерийского дела, разбитая французская армия бежала в Бейтензорг (Boitenzorg), затем 17 сентября 1811 г. осажденный в Самаранге генерал Янсенс должен был капитулировать окончательно, и Ява, войдя в состав ост-индской компании, оказалась принадлежащею Англии, причем был назначен английский губернатор вновь приобретенного острова. Прошло, однако, немного лет и по низложению Наполеона последовало вновь восстановление Голландии как самостоятельного государства (в 1814 году), причем в великую прискорбную Англии последняя снова должна была уступить Голландии только что приобретенный лакомый кусочек – Яву; официальное возвращение последней состоялось 19-го августа 1816 года.

Энергичный английский губернатор (Рафльс), которому, между прочим, наука навсегда останется обязанной, как почином археологической разработки скрытых дотолем в неприступных девственных лесах Явы исторических памятников браманизма и буддизма, так и организацией в глубь Суматры естественноисторических экспедиций, давших богатейшие результаты, был слишком хорошим сыном своего отечества, чтобы переносить сложа руки прискорбную утрату Явы. Перемещенный с последней губернатором в Бенкулен, на восточном берегу Суматры, он обратил особое внимание на дикий, заросший непроходимым лесом остров Сингапур, лежащий почти у экватора под 1,30 градус. северной широты, как раз против южной оконечности полуострова Малакки, отделенный от последней узким проливом всего около двух [471] километров шириною. Островок был необитаем и лишь изредка посещался рыбаками и охотниками. Проницательный губернатор сразу оценил по достоинству его великое буду-

щее значение, и вот номинальный голландский вассал противулежащей оконечности материка, раджа Джогора, продал в 1819 году Англии этот принадлежащий ему островок за выгодную, как тогда казалось, но совершенно ничтожную по современному значению Сингапура, сумму, а Голландия заплатила тяжелую и непоправимую дань собственной непредусмотрительности, упустив навсегда из своих рук будущий важнейший торговый центр далекого востока: менее чем десять лет после основания города Сингапура уже выяснилось вполне его непрерывно возраставшее, в настоящее время колоссальное торговое значение!

В мое первое посещение Сингапура я мог пробыть там всего несколько часов, так как в шестом часу пополудни пароход уже уходил далее, а я должен был спешить в Китай, чтобы попасть в апреле ко времени приготовления первосборного чая, завершающегося наступлением так называемого чайного сезона Ханькоу и выпадающего на май, июнь.

Немногие бывшие в моем распоряжении часы я употребил на посещение нашего консула А. М. В. и на беглый осмотр ботанического сада.

Неизгладимыми чертами сохраняются навсегда в моей благодарной памяти то беспредельное радушие и гостеприимство, которыми я пользовался в мое позднейшее двукратное пребывание на Сингапуре в столь же роскошном, как и комфортабельно-изыщном жилище А. М. В-а и его супруги Е-ы С-ы. На долю последней выпало в мое первое посещение Сингапура тяжелое испытание: представляясь, я подал Е. С – не собственноручное письмо ее отца, привезенное мною из Москвы после того, как накануне лишь в русском консульстве была получена телеграмма о его кончине, что, понятно, мне не могло еще быть известно. Консул наш находился тогда в Сиаме, по поводу посещения последнего Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем.

Несмотря на тяжелое горе и глубокую душевную скорбь, еще более обостренную доставленным мною письмом, г-жа В-а настояла на необходимости тотчас же отправиться сначала совместно в консульство, делами которого она заведовала в настоящее время, чтобы исполнить все формальности, обуславливавшие для меня необходимость обращения к содействию нашего консула, а затем и в ботанический сад, ради облегчения [472] возможности более подробного, чем это допускается публике во-

обще, осмотра его. Нужно ли говорить, с какою признательностью было принято такое великодушное предложение.

Богатым и ценным в научном отношении материалом, собранным невозбранно при этом первом посещении Ботанического сада города, обязан я именно временному русскому консулу Сингапура Е. С. В-ой, за что и сохраню, конечно, навсегда глубочайшую признательность.

Познакомимся теперь поближе с самим Сингапуром, городом. Первое, что останавливает внимание, когда вы к нему подходите со стороны ли Малаккского пролива (линия Цейлона), или со стороны Китайского южного моря (линия Гонг-Конга), это не самый город, малозаметный и частью разбросанный по холмам, частью сползающий к их подошвам, пересеченный обширными пустырями и болотистыми низменностями и везде подавляемый роскошной, местами буквально его закрывающей, экваториальной растительности, но обилие и красота обширнейшего, естественного и всегда очень оживленного рейда этого великого порта.

Разнообразный флот его постоянно представлен здесь судами чуть ли не всех наций и величин. Колоссальные часто, всегда сверкающие ослепительно-белую окраскою корпуса, обладающие сравнительно невысоким рангоутом, длинные и низкосидящие в воде военные паровые суда Англии; столь симпатичные, также весьма внушительные по размерам, безусловно первенствующие по всей индо-китайской линии почтовые пароходы Франции, общества "Messageries Maritimes", с его флагом: головою единорога, увенчанною характерною короною из зубчатой городской стены и шеею, оканчивающеюся двузубым якорем; громадные Tasse, но более крутобокие товаро-пассажирские пароходы, часто уже издалека резво отличаемые своими светло-синими трубами парусные трех и двух мачтовые "купцы"; нескладные китайские "джонки" с их высоким, срезанным косвенно носом, украшенным фантастическою рыбьею или драконовою головою с двумя ярко выведенными и раскрашенными по бокам его глазами, с не менее высокою, рассеченною по середине кормою, одною, двумя или даже тремя бамбуковыми мачтами и неуклюже тяжелым рогожным парусом, сменяются паровым катером таможенной стражи и летящими изо всех сил в вам на встречу малайскими открытыми, длинными и узкими "прау" (челнок, лодка) и такими же по очертаниям, но снабженными по середине легким навесом из пальмовых листьев лодками темно-бурых, почти [473]

черных индийцев-тамиллов. Все эти китайцы, малайцы и индусы специально стерегли нас в качестве (если удастся) наших будущих прачек, портных, продавцов рыбы, мореких раков, плодов и так называемых "редкостей", здесь очень нередких: весьма разнообразных, подчас очень ценных и в научном отношении, кораллов и раковин, которыми так богаты побережья Малакки и Сингапура. Более случайными, но все же весьма нередкими являются продавцы обезьян, тигровых шкур, попугаев или других птиц и проч.; предлагаются, наконец, коллекции превосходных плетеных кресел-кушеток, столь необходимых при долгих плаваниях по Индийскому океану, и знаменитый малаккский тростник, известный в торговле под неправильным названием "испанских тростей", собственно стволы ползучих пальм-лиан (виды рода *Calamus*) известных под общим названием "ротанг".

Прибавим еще ко всей этой пестрой этнографической живой коллекции смуглых, с ястребиным носом и жгучим пронизательным взглядом, "парси" (гебры-огнепоклонники, главным образом из Бомбея), нередко в европейском платье, но всегда почти с черною усеченною фескою без кисти на голове, арабов из Адена в неизмеримо пышных белых шальварах и кисейных чалмах или парчевых тупоконических кокошниках (иначе я затрудняюсь назвать этот оригинальный головной убор) – менял по профессии, ростовщиков по страсти, нередко банкиров по удаче, и не забудем присоединить ко всему этому еще золотисто-коричневого сингалеза, нередко с весьма красивых почти европейским лицом в белой женской колленкоровой кофте, ситцевой юбке, без панталон, с гребнем на лбу и косою, связанною в узел на затылке, в сандалиях, – сингалеза, который тщетно и безуспешно продавал в *Oriental* и *Gale-Face-Hotel* Коломбо (их там только два и есть) свои стеклышки, выдавая их за изумруды, топазы, алмазы и гранаты, а теперь пытается счастье в Сингапуре – и список претендентов на ваши карманы будет полным, или почти полным.

Нужно ли говорить, что когда пароход станет, наконец, на якорь и по окончании всех обычных официальных посещений таможенных чиновников, портового врача и так далее, вся эта пестрая, разноязычная, жаждущая наживы толпа хлынет по спущенному трапу на палубу, то огромному большинству, ее составляющему, придется возвратиться с парохода все-таки ни с чем. Наиболее обеспечены в таких случаях продавцы [474] рыбы,

плодов и вообще съестных припасов: их заберет непременно комиссар парохода для дальнейшего плавания; пассажиры охотнее всего приобретут плоды, раковины и кораллы, а также кресла-кушетки; все остальное будет делом одного случая! Раковины и кораллы, в качестве вновь приобретенной собственности, особенно если пассажир следует дальше, обыкновенно скоро очень сильно его огорчат. Забрав покупку к себе в каюту, любитель-пассажир, всего чаще полный дилетант даже в элементарном познании природы, вдруг поражается сначала тяжелым, а затем просто нестерпимым запахом; он недоумеваает, зовет лакея и тот объясняет, если любитель не догадается, наконец, сам, что внутри раковин и коралловых трубочек есть покойники: морские дива были доставлены живьем, но быстро скончались и разложились в жаре близкого соседа-экватора. Конец истории тот, что дилетант сразу освобождает себя от приобретенной только что коллекции – через окно каюты, возвращая ее морю.

Итак, мы наконец на месте. Попасть в город не трудно. Ряд одноконных наемных карет вытянулся вдоль набережной в ожидании пассажиров. Обладатели их, индусы-тамилы, частью в чалмах, частью с длинными связанными на затылке в большой узел, частью свободно распущенными волосами, наперерыв предлагают вам свои услуги на ломаном английском языке. Ослепительно сверкают глаза и зубы на темном фоне оживленных шоколадных лиц, и гортанные звуки родного языка очень скоро подавляют собою вполне весь малый запас заученных кое-как английских фраз. Тут же рядом к вашим услугам, так сказать, извозчики-лошади: одновременно желто-бурые, губастые малайцы в огромных конических, плетеных из ротанга (пальмы-лианы) шляпах, обнаженные до пояса; точнее, вся одежда их состоит лишь из одной короткой ситцевой юбки (саронг) от пояса до колен. Вялые и апатичные, обыкновенно усердные курильщики опия, они резво отличаются своим, очень напоминающим монголов, типом от стройных индусов-арийцев, с их оживленными, нередко столь же красивыми как и интеллигентными лицами европейского типа.

Эти извозчики-лошади повезут вас ленивым бегом в двуколесных, легких, рассчитанных на одного седока, колясочках изящной английской работы. Колясочка носят китайское название: ин-рик-ша, буквальный перевод слов: человек-сила-коляска. Экипажи эти – типическая принадлежность Японии, где, насколько я мог понять, как сам возница, так [475] и

экипаж его обозначаются одним и тем же словом: курума. Инрикши, или, как их обыкновенно зовут, согласно английскому произношению, джинрикши, или просто рикши, из своего первоначального источника, Японии, распространились теперь по всему дальнему востоку: через Шанхай, Гонг-Конг и Сингапур вплоть до Цейлона (Коломбо, Канди), так что в оглоблях этого своеобразного экипажа бегают японцы, китайцы, малайцы, тамилы и сингалезы. Лучшими по стойкости и скорости бега, по моим личным наблюдениям, являются, бесспорно, китайцы – самый выносливый народ. Очень резвые сначала японцы скоро устают (в иных случаях заведомо притворно). Малайцы вялы, сингалезы слабы вообще, тамилы (на Цейлоне) сильны, но ленивы. Теперь два слова о езде на людях. На первый раз она не по себе свежему пришельцу из Европы: кажется, очень неловким ехать вместо лошади на цветном собрате. Для англичан это, конечно, легче: с возмутительным цинизмом доказывают они на каждом шагу, без всякой нужды даже, что неевропейцев они не считают и за людей, окрестив их, независимо от цвета кожи, будут ли это бурые тамилы, коричневые сингалезы или желтые малайцы, одним общим именем: черных; но, говоря, другим представителям Европы это на первых порах действительно не легко. Тем не менее, сознание оказываемого туземцу пособия, о котором он очень хлопочет, иногда необходимость сама по себе, а затем привычка, конечно, быстро делают свое дело, и вы скоро рассуждаете уже свободно о тех или других преимуществах ваших цветных собратий, которых приходится оценивать и сравнивать с точки зрения их не человеческих, а лошадиных свойств!

Карета извозчиков Сингапура запряжена в одну лошадь. Это – маленький безобразный и слабосильный пони. Их доставляют сюда по преимуществу из Корси и Борнео, реже с Тимора или Малых Зондских островов. В настоящее время кареты не отличаются своим типом от экипажей всего цивилизованного мира; лет тридцать назад они были туземного производства, без рессор, кузов из досок, снаружи вместо козел дощечка, на которой кучер-извозчик, однако же, никогда не сидел, – обыкновенно он все время бежал, ведя лошадь под уздцы. Теперь экипажи легче, улицы прекрасно шоссированы, но мелкие пони так же слабосильны, а старые традиции кроме всего этого стойки и прочны по прежнему; вот почему извозчик только сначала, как и подобает, сидит здесь на козлах: очень скоро

он соскакивает на землю и, держа возжи в [476] руках, бежит рядом с экипажем, у левого окна кареты (в колониях востока, как и в западной Европе, вообще при встречах разъезжаются обязательно слева, а не справа, как у нас).

Отели Сингапура пользуются плохую репутацию, в особенности по отношению удобства самых номеров и прислуги, что не мешает им быть очень дорогими, как и все вообще здесь для европейцев. Монетная единица – мексиканский серебряный доллар, стоимостью соответствующий нашим 1 1/2 металлическим рублям (доллар Соединенных Штатов, коротко называемый американским, равняется, как известно, нашим двум металлическим рублям).

В Сингапуре кончается уже царство индийско-цейлонской рупии и вплоть до Японии нераздельно и властно начинает царить, как единственная разменная монета, мексиканский доллар (разделяемый на сто центов) – живое доказательство того, какое значение имеют на всем этом громадном протяжении, в качестве торгового элемента, китайцы, не допускающие и не признающие в своих коммерческих операциях никакой денежной единицы, кроме названной. На первый раз может показаться странным такое переселение монеты маленькой и ничтожной в торговом отношении Мексики на восточную половину земного шара. Дело в том, что китайцы, не имеющие, как известно, разменной серебряной монеты (их лан или ямб, слиток серебра стоимостью от 25 до 200 наших рублей и отрубаемый кусками, обращается только в оптовой туземной торговле), при своих торговых сношениях с Испаниею на Филиппинах, когда Мексика принадлежала еще последней, признали мексиканский доллар как серебряную единицу и стали его охотно принимать, и затем прошли годы, Мексика стала давным-давно независимой, на востоке прежнее торговое значение Испании совершенно пало, но там, где торгует китаец, по-прежнему, властно царит мексиканский доллар, и с ассигнациями его всегда удобнее иметь дело, чем с бумажными фунтами стерлингами, или еще того хуже – с ними же в качестве золота!

Город Сингапур, возникший исключительно ради потребностей и целей торговых, узловая и притом крупнейшая станция морской большой дороги всего света. По своему населению он также является настоящим космополитом. Тон всему дают представители Англии и Китая. Пришель-

цы индусы, тамилы по преимуществу, и коренные жители Малакки, малайцы, являются [477] элементом лишь рабочим, под общим названием кули – синоним нашего чернорабочего. Впрочем, весьма важное вообще значение очень многочисленных здесь китайцев двояко: меньшая часть их богатые, нередко колоссально богатые купцы, в руках которых сосредоточена столь важная вообще и для Сингапура в особенности торговля перцем, сахаром, кофе, катэху (гамбир) и семенами (орехами) пальмы-арэка, служащими для жевания так называемого бэтя (о котором речь впереди), не говоря о многом другом; тогда как несравненно большее количество сынов Небесной Империи прекрасно эксплуатируют своих эксплуататоров в Китае, европейцев, т.-е., собственно говоря, англичан. Эта эксплуатация заключается в том, что никакое хозяйство для европейца без участия китайца в Сингапуре немыслимо. Прежде всего китаец – неизбежный повар и портной, нередко даже модистка, и во всяком случае эконом, дворецкий, камердинер, лакей, все то, что характеризуется в английских колониях термином: *boy* – высшая категория прислуги; низшая есть кули.

Характерною особенностью далекого востока является неизбежная там (с точки зрения коренного жителя Европы просто невозможная), даже обязательная многочисленность прислуги. Один бой смотрит за платьем, другой ведаёт буфет, третий убирает комнаты, и если их много, то лишь половину, и каждый в отдельности, хотя бы он был и совсем свободен, и за что не выйдет из пределов своей специальности, чтобы исполнить за товарища ту или другую работу. При этом каждый из них хозяйственные расходы по своей деятельности считает личною добычею: только через него, у торгующих китайцев, возможно, приобрести хозяину что-либо необходимое для дома.

Нужно ли говорить, по какой цене и какие львиные барыши выпадают при этом на долю этого замкнутого круга: слуг и продавцов китайцев!

Эта всеобщая постоянная стачка – злой гений всех европейских домохозяек в Сингапуре, Гонг-Конге, Шанхае, Ханькоу и так далее; и чем опытнее, аккуратнее и больше понимает она дело, тем неуловимее выскользают у нее доллары и все-таки порядок вещей остается прежний. Итак, все и всюду высасывающий из туземца англичанин в своем собственном хозяйстве является сам мухою для домашнего паука – китайца. Последний ради достижения таких целей должен обладать одним качеством:

уметь говорить по-английски, точнее, объясняться на так называемом "голубином [478] английском языке" (pigeon english). Наречие это есть собрание необходимейших английских фраз, исковерканных и произносимых сообразно характеру языка китайского, со включением как некоторых слов, принадлежащих последнему, так и не принадлежащих даже никакому языку – просто выдуманных.

Перейдем теперь к самому городу. Он разбросан по холмам и низменностям, как уже об этом была речь выше. Посреди города протекает узкая и мутная, но довольно глубокая речка,- рекою ее все-таки не назовешь,- служащая границею европейской и китайской частей города. Название речки общее с островом и городом: Сингапур. Город разделяется на участки европейский, китайский, малайский и индусский. Каждый имеет свои характерные особенности. Лучшая аристократическая часть города – так называемая "Эспланада". Длинною, довольно широкою, снабженною прекрасною мостовою, лентою вытянулась она по берегу моря вдоль громадного рейда. Отчетливо рисуются на нем вплоть до самой линии горизонта силуэты многочисленных судов. Подобно гигантским лебедям сверкают вдали особою золотистою белизною подходящие на всех парусах "купцы"; резким контрастом последним является там и сям черный дым, длинными клубами тянувшийся за пароходными трубами судов паровых, тогда как на первом плане рисуются с поразительною ясностью рангоуты стоящих на якоре судов с их убранными уже парусами. Особенно эффектен вид рейда при солнечном закате: горящий золотом запад становится вдруг кроваво красным и зарево быстро расширяется по направлению в зениту, являя резкий, невероятный даже для не привычного глаза контраст с лазурью небесного свода; но вот диск солнца коснулся нижним краем горизонта; светло как днем. Проходит 1 1/2 минуты, не более, и сразу, без малейшего смягчения, ослепительный дневной свет сменяется, без тени чего-либо похожего на нашу зарю, мраком глубокой ночи! Таков под экватором весь год изо дня в день: в 6 часов вечера закат – таков же (в обратном порядке явлений) и восход солнца в 6 часов утра. Наши зари, наши сумерки здесь неизвестны.

Вдоль Эспланады, любимого места вечерней прогулки высшего общества Сингапура, расположены лучшие здания города. Здесь красуется его готический собор, здесь же и памятник-обелиск основателю Сингапу-

ра, сэру Раффльсу. Дом губернатора виднеется вдаль на вершине холма. На высоком флагштоке, хорошо видимом с разных сторон города, перемена того или другого [479] из многочисленных флагов всех наций дает весть о прибытии того или другого очередного почтового парохода.

Дома европейской части города представляют общераспространенный тип английских колониальных построек далекого востока. Белые, или вообще светлые, обыкновенно двухэтажные, с глубокими, идущими вдоль всей стены врытыми балконами-верандами, всегда полутемными от далеко выдающегося навеса крыши, с окнами без стекол, со ставнями из взаимно прикрывающих друг друга подвижных дощечек, окруженные роскошными деревьями и кустарниками и увитые ползучими растениями, дома эти вообще уютны и относительно прохладны, нередко весьма изящны.

Постоянная забота о сквозном ветре, ограждение от жгучих солнечных лучей верандами, глубокими и очень высокими комнатами (во избежание духоты), при отсутствии стекол в окнах, заменяемых ставнями, между раздвинутыми дощечками которых может свободно циркулировать воздух (к сожалению, в Сингапуре он все-таки постоянно почти неподвижен), замена дверей завесами из редких сквозных бамбуковых пластинок, изящно расписанных японцами-художниками (привозятся из Иокогамы, Кобе, Нагасаки), вот меры борьбы с постоянною бедою: душною, истощающею силы атмосферою почти экваториального Сингапура.

В общественных зданиях, гостиницах и клубах весьма могущественным средством для такой борьбы является перенесенная из Индии и с Цейлона "панка", гигантский веер, состоящий из ряда висящих с потолка тяжелых полотняных стор, шнуры которых, соединенные в один общий, находятся в руках сидящего в соседней комнате китайца, который их непрерывно дергает.

Равномерные и постоянные размахи панки дают живительную прохладу, значение которой оценит лишь тот, кому придется страдать за ее отсутствие в Батавии; – консервативные не в меру голландцы почему-то упорно игнорируют до сих пор благодетельную панку в своих индийских колониях.

Нет более исполнительных и аккуратных слуг, как китайцы вообще, однако же и у них иногда случается беда с панкой: за обедом в отеле, например, случается, что ритмические размахи ее, постепенно ослабевая,

вдруг превращаются совсем, и вслед за этим наступает, так сказать, домашний циклон,- как бы под влиянием быстро налетевшего урагана панка начинает махать неистово, наверстывая недавнее [480] бездействие. Объяснение в том, что домашний аквилон-китаец не справился с душною истомою, задремал и теперь, проснувшись, или пробужденный вездесущим хозяином, в испуге спешит исправить свою оплошность неистовым дерганьем шнура.

Таковы меры борьбы с непрерывною, насыщенною даже и в сухое время года водяными парами, духотою Сингапура. Меры эти, паллиативные вообще, парализуются еще в значительной мере другими неудобствами. Несмотря на близость моря, бич тропиков – москиты – одолевают Сингапур, благодаря особенностям его болотистым низменностям.

Москиты – ближайшие родственники наших комаров. На крайнем востоке они отличаются сравнительно гораздо меньшею величиною. Укушение крошечных врагов, мало или даже совсем не замечаемое на первых порах, влечет за собою ограниченную, но относительно обширную припухлость, очень болезненную и сопровождаемую сильным, иногда нестерпимым зудом, так что через неделю, и даже еще дольше, лица, искусанные москитами и обладающие раздражительною кожею, представляются как бы только что перенесшими оспу; одним словом, москиты далеко не чета нашим часто все-таки несносным комарам. Поэтому "москитная клетка" является неизбежною принадлежностью всякой спальни: на Цейлоне, Яве, Сингапуре и в южном Китае. Кровать помещается под рамою, на которой натянута белая, особого рода, мелкопетлистая ткань, вроде редкой кисеи. Куски этой же ткани спускаются со всех четырех сторон потолка рамки вплоть до полу. Полотнища эти подтыкаются очень тщательно и далеко вглубь со всех сторон под тюфяк постели утром, тотчас после ее уборки, и в таком виде остаются целый день до вечера.

Непосредственно перед захождением солнца служитель, для того специально назначенный, является с большим, не менее двух аршин длиною, пучком связанных у основания, очень гибких и тонких бамбуковых пластинок. Отворачиваются наружные полы клетки с одной стороны ея, служитель входит внутрь и становится у кровати; раздается резкий характерный свист бамбука – это производится усердное изгнание (иногда, при случайной удаче, даже и самое избиение) немногих, успевших пробраться

за день, несмотря на все предосторожности, внутрь клетки крошечных врагов: ведь одного москита с избытком достаточно, чтобы сделать невозможной душную, особенно благодаря клетке, экваториальную ночь, при наступлении которой о какой-либо живительной свежести нет и помину, что всего [481] красноречивее доказывается термометром, нередко не обнаруживающим падения в пределах даже лишь десятых частей градуса.

Итак, ночи душны, а неизбежная москитная клетка еще значительно увеличивает их духоту. Как ни стараются помочь горю возможною высотой потолка клетки и гигантскими размерами кроватей, но близость экватора и клетка, вместе взятые, дают себя знать очень сильно, несмотря на то, что одиночные, почти или совершенно квадратные постели тропиков обладают очень большими размерами.

Постель Сингапура и Явы отличается, притом, обязательным отсутствием одеяла, или хотя бы только простыни, и обязательным же присутствием, кроме головных подушек, еще иной: в виде цилиндрического валика, в половину человеческого роста длиною, при поперечнике несколько меньшем, чем в пол-аршина. Подушка эта очень характерна для данных местностей. Она кладется постоянно вдоль кровати посредине последней. Назначение такой подушки, непонятное на первый взгляд, выработано лучшим учителем – житейским опытом. Сон возможен там только при полном обнажении тела; но этого еще мало: соприкосновение частей собственного тела уже плохо переносится кожей, – здесь-то и является, кстати, гигантская подушка-валик. Помещенная между ногами, она препятствует взаимному соприкосновению кожи их, устраняя таким путем тягостное ощущение жара, мешающее заснуть и в без того душной клетке.

Есть затем местности, где москиты настолько беспощадны, что не ограничиваются одними ночными нападениями, но буквально делают жизнь невыносимую даже и днем. Таковы, между прочим, Сингапур и Ханькоу в Китае. Здесь приходится прибегать уже и к так называемым "москитным домикам". Это те же москитные клетки, более значительных размеров и снабженные очень плотно затворяющеюся дверью.

Стены такого домика обтянуты тою же сквозною бедою кисеею, как и клетки-постели. Дверь затворяется и отворяется, возможно, быстро и редко, чтобы не впустить как-нибудь осаждающих ее постоянно извне

москитов, особенно обильных, потому что обыкновенно москитная комната для достижения большей прохлады устраивается на веранде дона.

Могущественным союзником в борьбе с москитами в Сингапуре (как и на Цейлоне) являются домашние, впрочем, поселяющиеся в жилищах самовольно, особого рода ящерицы – [482] великие истребители и ловцы москитов, муравьев и всяких иных, отравляющих там жизнь, насекомых. Это оригинальные, немного превышающие длину мизинца взрослого человека, животные – неизбежная принадлежность всякого дома Сингапура; встречаются оне и на Цейлоне. Пока светло, их не видно; но только что наступит ночной мрак, на стенах, потолках и даже зеркалах вдруг десятками появляются эти ящерицы, не стесняясь искусственным светом ламп. Подобно мухам, одарены оне способностью не только ползать, но даже быстро бегать годовую вниз по потолкам и по стенам комнат.

От времени до времени ящерицы эти издают своеобразный, громкий для такого маленького животного, ритмически повторяющийся крик: "геко, геко", или: "чек, чек-чеко!" тогда как вдвое крупнейшие домашние ящерицы Сиама, гораздо более безобразные на вид, испускают звуки, всего удобнее передаваемые словами: "токэ, токэ". Туземцы так и зовут их там: токэ, подобно тому, как звук иеко или геко послужил поводом к научному обозначению этих ящериц, причисленных к особому семейству геконид (*Geckonida*) общим названием геко.

Раз заняв свои позиции, ящерицы тотчас же предаются с жаром охоте на москитов и других насекомых, во множестве привлекаемых светом ламп через открытые двери и окна без стекол, при чем, не обращая никакого внимания на людей и считая себя очевидно настоящими хозяевами, геко то прямо преследуют свою добычу бегом, то подкрадываются к ней и, вдруг бросаясь вперед, так сказать на лету, приклеивают зазевавшегося муравья, москита или жучка к своему быстро выдвигаемому вперед липкому языку, который и препровождает затем жертву прямо в рот.

Наблюдение такой охоты, вследствие привычки ящериц к людям и обилия их, очень легкое вообще, доставляет немалое удовольствие. Нередки при этом драматические эпизоды: то произойдет внезапно враждебное столкновение двух помешавших друг другу охотников; то, несмотря на всю свою ловкость и способность к беготне по потолку, какой-нибудь геко, в жару преследования, сорвется вниз и свалится на кого-либо из присутст-

вующих, или, ударившись о край стола, мебель, или прямо о пол, даже оставить там, в виде печального трофея, свой очень хрупкий хвост, имеющий впрочем способность вновь отрасти.

Совершенная безвредность этих домашних ящериц, их интересные нравы, польза, приносимая ими истреблением [483] докучливых насекомых – все это заставляет считать геко тем, что он есть на самом деле: другом человека. К сожалению, однако, здесь, как и во многих других случаях, тупое невежество, недостаток естественноисторического образования, неосмысленный страх, часто заставляют смотреть на полезных геко как на врагов – до тех пор, пока привычка не возьмет наконец свое и не заставит относиться к ним по крайней мере равнодушно. Чуждые предрассудков, домохозяева Сингапура являются, напротив, друзьями и покровителями своих геко, и так как отдельные семьи последних, постепенно размножаясь, живут все-таки непременно за тою или другою картиною, зеркалом или мебелью, за которыми поселились их предки, то не удивительно, что Е. С. В-а, указывая в качестве доброй хозяйки на ту или другую из них, на мой взгляд ничем не отличавшуюся от ближайшей соседки, говорила не раз: "Вот эта живет за такою картиною, за таким-то шкафом и так далее; эту я называю таким-то именем, та родилась в прошлом году, а сегодня или завтра из двух яиц, положенных в пустой ящик, стоящий там, должны вылупиться новые дети". И в самом деле, в тот же день, в нашем присутствии, из белого яйца величиною в воробьиное (но более продолговатое) благополучно вышел на свет новый член колонии ящериц, очень слабо державшийся еще на своих ножках, пока только головою вверх. Новорожденный, со всеми предосторожностями, которые требовал его нежный возраст, был посажен на потолок mosquito-комнатки веранды. Часов через шесть его уже там не оказалось: очевидно, он отправился к своей семье, на родину, т.-е. в ту комнату, где явился на свет.

Прежде чем проститься с геко Сингапура, принадлежащего, насколько могу судить, к виду *Hemidactylus reticulatus*, или форме, к последней у весьма близкой, остановимся несколько на оригинальной способности этих ящериц бегать по стенам и потолкам так же легко и свободно, как это делают, например, мухи. Очень недавно еще, всего каких-нибудь лет 25 тому назад, полагали ошибочно, что способность эта обуславливается свойством пальцев геко выделять на своей нижней поверхности особую вязкую

жидкость, приклеивающую, так сказать, животное к потолку или стене. Все это вполне неверно. Всякий, кто только имел случай видеть, как легко и быстро перемещается геко, бегая по потолку или даже зеркалу, уже а priori должен отвергнуть это толкование. Прямое наблюдение доказывает затем, но никакой жидкости здесь и не выделяется. Причина совсем [484] иная: на каждом пальце ниже стороны передних и задних конечностей ящерицы замечается двойной ряд особых пластинок, которые в спокойном состоянии плотно прикрывают одна другую, как черепица, но с помощью особых мышечных пучков могут и приподниматься каждый сам по себе в виде свода. Плотно прижав сначала свои пластинки к гладкой поверхности, геко поднимает их затем сводом, за исключением остающегося плотно прижатым края: возникает таким образом ряд безвоздушных пространств – и животное держится, вопреки закону тяжести, исключительно воздушным давлением на эти безвоздушные пространства.

Перейдем теперь к торговому кварталу европейской части Сингапура, центру города. Прежде всего, здесь бросается в глаза предпочтение, оказываемое почему-то домовладельцами яркому светло-синему цвету, которым сплошь выкрашены здания этой части города; такой цвет, благодаря вертикальным лучам жгучего солнца, особенно непрочен: он скоро переходит в очень неприглядный буро-желтоватый, так что синий Сингапур всегда являлся мне более чем на половину полинявшим.

Магазины, исключительно английские, защищены по возможности глубокими наружными колоннадами крытых галерей, образующих род непрерывно тянущихся веранд, ограничивающих, насколько это достижимо, подавляющую силу солнечного света и жара, который все-таки здесь именно, т. е. в торговой части города, дает себя чувствовать особенно сильно, в виду скучения сильно накаляющихся каменных зданий и меньшего обилия той могучей и разнообразной растительности, которою так богаты остальные, менее центральные части города.

Здесь постоянно наблюдается сильное народное движение: индусы, китайцы, малайцы, сингалезы – торговцы, парси и арабы – ростовщики и менялы, англичане – в качестве властных и более чем высокомерных хозяев, а в дни прихода почтовых судов веселые толпы отпущенных "на землю" погулять матросов, – все это сливается в толпу столь же пеструю, как и шумно-многоязычную.

Разнообразие средств передвижения еще более содействует пестроте картины. Джинрикти-малайцы, носильщики-китайцы и тамилы-двуногие бегуны перемежаются здесь с экипажами частных владельцев: крупных финансистов, купцов и консулов. Экипажи их, обыкновенно парные, запряжены крупными, часто очень породистыми, вывезенными из Австралии лошадьми, являющими резкий контраст с крошечными и безобразными пони [485] наемных извозчиков, тамилы. Не успеет такой экипаж остановиться, как уже грум (кучера и грумы – тамилы или малайцы), соскочив с козел, где он сидит рядом с кучером, держа под мышкою левой руки укрепленный на короткой рукоятке пышный лошадиный хвост, начинает тотчас непрерывно обмахивать им лошадей, отгоняя mosкитов, мух и оводов – иначе самые добронравные лошади не выдерживали бы остановки. А вот и старые цейлонские знакомые, маленькие горбатые и, если они типичны, черного цвета с мелкими белыми пятнами, бычки-бегуны, везущие довольно скорою рысью, благодаря прекрасной мостовой, легкую двухколесную коляску с двумя и даже (считая кучера) тремя седоками.

Присутствие горба у этих рогатых рысаков указывает на принадлежность их к типу быка-зебу, характерного вообще для востока, начиная с Египта и кончая Японией, где горб, однако, уже едва обозначается. Зато наибольшего развития достигает он у встречающихся здесь крупных и очень сильных зебу тяжеловозов, светло-серых или белых. В противоположность короткорогим бегунам, они украшены длинными, нередко прямыми, отклоненными назад, как у антилоп, рогами. Запряженные в громадные двухколесные, крытые в виде свода, сплетенного из кокосовых листьев, фури (индийская "тонга"), мерно выступают они, звеня и гремя медными колокольчиками и круглыми бубенчиками своих ошейников, тогда как на длинных рогах красуются медные кольца и венчающие их медные же шарики. Эти своеобразные украшения придают быкам особо характерный, несколько фантастический вид, так хорошо гармонирующий с типичными и затейливыми орнаментами браманских и буддийских храмов и вообще со всей остальной индийскою обстановкою города.

Эти терпеливые и иногда прямо многострадальные труженики здесь все-таки счастливее, чем на Цейлоне. Там весьма распространен варварский обычай расписывать с помощью раскаленного железа иногда священными знаками, чаще же просто различными фигурами всю шкуру несчаст-

ного быка, за исключением одной головы, равно как и отрубить им, ни с того, ни с сего, часть хвоста.

Цейлон, как известно, есть религиозный центр буддизма. Адамов Пик хранит на своей вершине отпечаток гигантской стопы "всечтимого" учителя Гуатамы-Будды, с вершины этой горы вознесшегося на небо, как веруют последователи его учения. Для отдаленного Забайкалья, для Тибета, Китая и [486] Японии, не говоря уже о самой буддийской Индии, Цейлон вообще и храм "Святого Зуба" в Канди в частности, есть то же, что Мекка для мусульманина – и вот правоверные сингалезы, долженствующие служить примером для всех остальных буддистов, являются по отношению в своим зебу, просто вследствие варварских личных вкусов, нарушителями существеннейшего догмата своей религии: не только не убивать никакого животного, но даже и не причинять ему ни малейшего вреда и страдания.

Они говорят, что, клеймя своих быков, делают это во славу Будды, руководствуясь тою же логикою, которою объясняют возможность употребления в пищу рыбы. "Как решаются вы есть рыбу? – спросишь у сингалеза.- Ведь и рыба животное, а ваш великий учитель запретил убивать все живое. Поэтому, следуя его учению, вы правильно едите лишь то яйцо, скорлупа которого случайно треснула и цыпленок из него не может уже развиваться. Как же можно вам есть рыбу?» – "Да разве мы ее убиваем,- ответил он:- мы бережно и осторожно только вынимаем ее из воды, а умирает уже она сама; греха тут нет!" Ответ не лишенный лицемерия, но во всяком случае сингапурские зебу должны быть довольны, что такого рода аргументация в них не прилагается и здесь их не клеймят так жестоко, как на Цейлоне, в центре чистейшего учения Гуатамы.

Типичными для города являются браманский и буддийский храмы. Входная, суживающаяся постепенно кверху, башня первого как бы стремится убежать в небо своим острием. Сам храм помещается в глуби просторного двора, обнесенного высокою каменною оградой. На дворе обширное здание, крыша которого поддерживается толстыми колоннами в четыре ряда; большой водоем и сложенный из белых камней жертвенник, где во славу и умилоствление индийской троицы вообще, или специально грозного Сивы и его страшной супруги Дурги-Кали, украшенной ожерельем из человеческих черепов, предаются закланию невинные козлята и яг-

нята. Самый храм украшен круглым белым куполом. В глуби его залы – ниша, где восседают на тронах главные представители браманского пантеона, окруженные второстепенными божествами. На жертвенных столах цветы: священный индийский лотос (*Nelumbo speciosum*), розовый и белый, соцветия пальм: арека (*Areca Gatechu*) и кокоса (*Cocos nucifera*), зеленые цветки и отдельные лепестки кананги (*Cananga odorata*), отличающейся упоительным запахом: из них, перегонкою, готовится эфирное масло иланг-иланг, служащее для [487] производства столь распространенных духов того же имени, и цветки не менее ароматной хампака (*Michelia Champasa*), так высоко почитаемой в Индии. Англичанам она известна в произношении "чемпэк". Понятно, что все это можно было созерцать лишь издали: вход в храм для нечестивцев, небраманистов, даже и без обуви, не допускается.

Храмы буддийские, куда можно войти без обуви и шляпы на Цейлоне, а у китайцев как угодно, особенно к этой части города, утрачивают свою типическую цейлонскую обстановку. Подчиненные полубоги слишком выдвигаются на первый план в ущерб самому Сакиямуни. Украшения и вся архитектура принимают отчасти уже китайский тип. Только "дагоба" и священная неизбежная Во-haga (святое дерево), священная смоковница, *Ficus religiosa*, остаются во всей их неприкосновенности.

Дагоба есть отдельное здание без окон и дверей, род гигантского, стоящего на земле колокола: это "святая святых" последователей Будды; здесь всегда хранятся какие-либо реликвии его, – часть пояса, одежды упоминаются почти постоянно бонзами, реже говорится о зубе или какой-либо иной части самого тела "Великого". Все это, конечно, скрыто от взоров профанов.

Под священною смоковницею Во-haga, неизменно осеняющую дагобу, в "великую ночь испытания" после многонедельного поста, бдения и молитв, Будда победил рой обворожительных дев-демонов, "Ашпар", тщетно старавшихся, под предводительством главы зла и сладострастия, могучего "Кама", искутить его чарами женской красоты. Напрасно расточали ему красавицы свои обольстительные ласки, тщетно Кама опустошал свой колчан, пуская в подвижника пламенные стрелы страсти с тетивы своего золотого, обвитого цветами лука, Гуатама Будда остался непреклонен, посрамил демонов, принудил их бежать и слился с божеством во все-

забвении Нирваны. Не легко, однако же, далось ему это последнее испытание: он едва устоял сам, когда оболститель Кама, видя полную безуспешность искушений, вдруг принял образ страстно любимой жены царевича Будды, царевны Ясодгары, покинутой им ради создания необходимости подавления и полного устранения всех земных утех и радостей, когда он, еще как царевич Сидхарта, тайно бежал из родительского дворца, чтобы открыть людям "Пут", т.-е. освободить их от "Колеса судьбы", цепи непрерывных страданий, смертей и [488] возрождений, опять для страдания, без надежды успокоиться когда-либо в лоне всепрощающей и всепримиряющей Нирваны. Вот почему обязательная при каждом буддийском храме дагоба должна быть всегда осенена священной смоковницей: под последней был доведен Буддою до конечной цели искомый им так страстно "путь" – путь спасения страждущего человечества!

Переходя теперь к китайскому кварталу Сингапура, мы встретим в нем ту же обстановку, которая всюду и везде вносится с собою китайцами.

Те же тесные, крытые, узкие улицы с их нечистотою и вонью, которая здесь, при удушающей жаре, конечно, еще ужаснее и невозможнее, чем в самом Китае; те же характерные вывески; типичная одежда, косы, походные кухни, притоны для курения опия. Уступка климатическим условиям состоит в том, что работающие на улице и несущие тяжести китайцы обыкновенно совсем обнажены до пояса. Их лодочная жизнь на реке Сингапура по обстановке и условиям ничем не отличается от такой же в Гонг-Конге и других портах южного Китая.

Малайцы и индийцы (по большей части тамилы) ютятся в своих кварталах. Жилища первых – хижины, сохраняющие еще тип свайных построек. Пол приподнят около метра над землею на деревянных сваях, окон и дверей нет, стены и крыши при бамбуковом остове сплетены из сухих листьев кокоса, скрепленных бамбуковыми пластинками.

Индийцы живут в небольших глиняных мазанках также весьма первобытного устройства. Многие из них – поклонники Сивы и могут быть распознаны уже издали: без чалмы, в одной юбке выше колен, с волосами, коротко обстриженными или, наоборот, очень длинными, связанными на затылке большим узлом, они бросаются в глаза тройными белыми полосами масляной краски, которою расписаны их грудь, руки и даже шея. Поло-

сы эти выдаются особенно резко на почти черном теле, при необычайно ярком освещении экваториального солнца.

Привлекательною стороною городского рынка являются своеобразные плоды, своеобразные настолько, что большинство ботаников Европы знакомы с ними только теоретически, и вряд ли найдется между ними много таких, которые по личному опыту знакомы со вкусом царя всех экваториальных плодов – мангустана, затем рамбутана, мати, дуриана, папай и пизанги, более известного под его распространенным, американским, [489] названием банана. К плодам, известным в Европе, относятся ананасы, которыми Сингапур по справедливости особенно славится, затем арбузы, дыни и огурцы.

Наши обыкновенные плоды и ягоды, как известно, совсем не могут расти или, по крайней мере, вызревать не только вблизи экватора, но даже и в пределах тропических широт.

Ананасы Сингапура своею величиною и вкусом превосходят цейлонские, но как здесь, так и там существует громадная разница между породами улучшенными, воспитываемыми специально для продажи по высшей цене, сравнительно с дешевыми ананасами, продаваемыми на рынке как низший сорт. Последние являются продуктом тех ананасов, которые, благодаря шипам их густых колючих листьев, имеют значение только в качестве живой изгороди, защищающей огорода от домашнего скота. Арбузы здесь так же сухи и несладки, как кислы и вечно зелены (даже и во время полной зрелости) апельсины на Цейлоне. Кстати, на последнем туземцы едят ананасы, предварительно посолив их. Практический опыт научил сингалезов тому, что посоленный ананас лучше переносится желудком. Насколько банан представляет собою здоровую и питательную пищу жаркого пояса, настолько плохо переносится желудком в тропиках ананас. Едкий и здесь особенно кислый сок его, при малейшей неосторожности жадно набрасывающихся на недоступное в Европе лакомство матросов, часто бывает причиною сильнейшей оскомины, доходящей до воспалительного раздражения десен, языка и глотки.

Первым между всеми плодами является здесь мангустан (*Garcinia Mangostana*), у англичан – "мангостэн". Родина его – Малакка и Зондские острова; мангустан – дитя экватора восточной половины земного полушария; до сих пор, несмотря на все старания, его не удается развести в соот-

ветственном поясе Южной Америки. Дерево само по себе очень красиво: высокий, покрытый беловато-серою корою, ствол его обладает развеси-стою вершиною, богатою крупными блестящими цельными темно-зелеными листьями, дающими густую тень. Сами ветви гнутся под тяже-стью множества плодов, красно-бурый цвет которых мало выделяется, впрочем, на общем темно-зеленом фоне. Плод сферической формы, вели-чиною с небольшое яблоко, сверху украшен черною, 6-8-лопастною звез-дою, снизу четырьмя очень светло-зелеными лопастями остающейся ча-шечки. Съедомою, как и почти у всех тропических плодов, является лишь срединная сочная мякоть. Наружная оболочка плотная [490] и кожистая, в молодости ядовитая, в зрелом состоянии обладает неприятным сильно вя-жущим, терпким вкусом. Шесть или восемь лучисто расходящихся из цен-тра перегородок заключают в себе каждая по одному большому очень горькому семени; каждое семя у зрелого плода окружено снежно-белой или слегка розоватою полужидкою мякотью. Последнюю только и едят. Срезав верхнюю часть плода, ложечкою выбирают полужидкую мякоть, которая видом, превосходным вкусом и плотностью напоминает кислова-то-сладкое мороженое. Мякоть эта обладает слабым, но очень тонким аро-матическим запахом. Сходство с мороженым увеличивается еще и тем, что плоды держат постоянно на льду, но и при таких условиях они остаются годными не более 48 часов. Итак, чтобы познакомиться со вкусом мангу-стана, необходимо лично побывать на Цейлоне, Яве, Сингапуре или Ма-лакке; в других местностях земного шара его найти невозможно. Однако и в Сингапуре не легко встретить такие контрасты, как наши соленые рыжи-ки и черный хлеб, гречневая каша и крем из мангустанов в качестве пи-рожного, артистически приготовленного, по всем правилам французской кухни, поваром-китайцем. Таким контрастом являлось, однако-же, меню одного из роскошных завтраков нашего гостеприимнейшего консула А. М. В-а. Незачем прибавлять, что поименованные типичные произведе-ния далекого отечества, приобретающие здесь особенное значение, как живые воспоминания далекой родины, были доставлены только что побы-вавшим в Сингапуре пароходом нашего добровольного флота, а мангуста-ны были из собственного сада.

Другой, лучший из тропических плодов – мата или мангу (*Mangifera indica*), который недостаточно компетентными авторами и путешественни-

ками часто смешивается совершенно ошибочно с мангустаном. Различие внешнего вида и строения плода, вытекающее из систематического несходства производящих растений (принадлежащих к различным естественным семействам) мангустана и манги, так велико, что и неботаник, познакомившийся с ними лично, никогда их не смешает.

Манга видом своим напоминает желтую, несколько сжатую с боков сливу, величиною с гусиное яйцо и даже значительно более – в лучших крупных культурных породах. Обремененное плодами дерево манги весьма красиво: густолиственная темно-зеленая развесистая вершина его украшена как бы связками золотистых плодов, спускающихся на весьма удлиненных ножках (характерная особенность) с вершин ветвей, которые они [491] грациозно пригибают своею тяжестью. Красота и высокий рост дерева, богатая тень, им доставляемая, вкусные плоды, всегда легко сбываемые на рынке, – все это делает дерево любимейшим материалом для городских насаждений и бульваров Цейлона, Сингапура и Сайгона; в последнем все бульвары города засажены (совместно с изящными тамариндами, *Tamarindus indica*) мангами, составляющими одну из статей городского дохода, так как плоды деревьев отдаются на откуп.

Плод манги представляет, однако, несравненно меньший съедобный материал, чем это может казаться с первого раза: наружная, довольно толстая кожистая оболочка его, неприятного вяжущего вкуса, в дело нейдет. Вся срединная часть плода занята громадною косточкою, заключающею в себе большое, очень горькое семя. Промежуток между наружною оболочкою и косточкою выполнен сочною оранжевою мякотью. Слой этот очень тонок: не превышая в среднем выводе 1/2 сантиметра, он лишь кое-где бывает вдвое толще, причем встречаются зато и участки только в два, даже один миллиметр: очень много для глаза и мало для услаждения вкуса! Вкус породистого плода зрелого, хотя и без сравнения уступающий мангустану, все-таки очень хорош. Кисловато-сладкий, он имеет своеобразный аромат, отдаленно напоминающий запах свежей малины. Самые лучшие манги приходится однакоже есть уже вне тропиков: в Шанхае, куда они доставляются из Маниллы; Филиппины дают лучшие плоды, хотя родиною дерева ботаники почитают Индию, а древния санскритские сказания – Цейлон.

История Ганумана, для всякого правоверного индуса, священнойшей из священных обезьян, тесно сплетается с историей манги и занесена в одну из древнейших эпических поэм Индии, "Рамаяну". Царствовавший на острове Ланка (Цейлон) великан Равана похитил у героя Рамы его прекрасную супругу Ситу. Тщетно пытался возвратить ее Рама собственными силами. Тогда ему на помощь явился царь обезьян, великий Гануман. Армия его перешла мост, соединявший по преданию Цейлон с материком (следами этого моста остались многочисленные острова в проливе Палк, между Цейлоном и Коромандельским берегом передней Индии), а сам он счастливо похитил Ситу из дворца великана и благополучно доставил ее Раме обратно, причем кстати украл из садов Раваны превосходный, неизвестный дотоле в Индии, плод "мангу", также им туда доставленный и с тех пор размножившийся повсеместно. [492]

Желая затем еще более наказать великана, он вернулся снова на Ланку, был взят в плен и осужден на сожжение. Обещая безропотно перенести свой ужасный жребий, Гануман молил только об одном: позволить разделить с ним горькую участь избранным воинам-обезьянам, на что и получил согласие. Перед казнью все обезьяны привязали к своим хвостам тряпки и взошли с Гануманом на костер, который тотчас и был зажжен. Присущую ему божественною силою Гануман тотчас же погасил костер, а воины его, с горящими на хвостах тряпками рассыпавшись по крышам столицы, мгновенно зажгли весь город, который и сгорел дотла, вместе с дворцом Раваны. Между тем Гануман, занятый тушением костра, неосторожно обжег себе руки, ноги и лицо, оставшиеся навсегда черными: с тех пор все потомки великого царя обезьян при желтовато-белом цвете их шерсти имеют голые лицо, руки и ноги черно-фиолетового цвета, в память похищения манги. Так гласит индийская легенда и таков на самом деле внешний вид священной в Индии обезьяны, известной в зоологии под названием *Semnopithecus Entellus*.

"Так ли было все это, как я вам рассказываю, Маршаль?" – спросил я однажды своего проводника и переводчика на Цейлоне, сингалеза, очень хорошо говорившего по-русски. – "Так, совершенно так!" – ответил он, видимо довольный, в качестве глубоко убежденного буддиста, моим знакомством с подвигами Ганумана, высокочтимого не только браманитами, во и последователями Будды. Сингалез, единственный на Цейлоне, хорошо го-

ворящий по-русски – явление столь исключительное, что я несколько остановлюсь на нем. Сын домовладельца так называемого "черного" квартала (Petha) Коломбо, Маршалль десятилетним ребенком (теперь ему около 25 лет) был увезен, по согласию отца, одним из наших крупных землевладельцев, офицером флота, в Европу и поселен в имении моряка, в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии,- переход по географическим и бытовым условиям, конечно, довольно резкий! Целых восемь лет прожил здесь Маршалль и уже 18-летним юношей возвратился обратно на Цейлон, по желанию отца, усвоив себе свободно русскую речь, научившись писать, хотя и неправильно, но все же понятно и сносно. Из своей новой жизни в России он вывез на Цейлон пристрастие к черному хлебу и сожаление об его отсутствии на родине; что же касается до убеждений религиозных, то Маршалль остался тем же ревностным последователем Будды, каким прибыл в воронежскую [493] губернию, несмотря на юный возраст. Не имея, подобно браманитам, глубокого отвращения к какой-либо религии кроме собственной, он относится в христианству, которое считает выше всех других вероучений, с тем высокомерным снисхождением, которое вообще типично для правоверного цейлонского буддиста. Впрочем, в этом направлении Маршалль идет и дальше. Он не чужд искания новых прозелитов во славу Гаутамы-Будды... Подчас старания эти воплощались у него в форме столь же своеобразной, как и наивной.

Особенно характерным из типичных плодов Сингапура является рамбутан (*Nephelium Lappaceum*). Рамбутаны разводятся очень охотно как в городе, так и на острове вообще. Это высокие, развесистые деревья с неравноперистыми листьями, мелкими, неказистыми цветками и очень оригинальными плодами, при урожае настолько обильными, что без подпор дерево не выдерживает их тяжести, несмотря на относительно незначительные размеры самого плода, достигающего размеров мелкого яблока, удлинненно-яйцевидной формы. Название "рамбутан" весьма характерно и происходит от малайских слов: Rambut – волос и An – покрытый. В самом деле, вся наружная кожистая красно-бурая оболочка рамбутана покрыта длинными, мягкими, кожистыми, загнутыми на концах сосочками, напоминающими очень утолщенный волос – отсюда и название. Съедомою является белая, сочная, сладкая масса мякоти плода, окружающая большое центральное горькое семя, заключенное в светло-серой оболочке. Рамбу-

тан имеет весьма ограниченное распространение: Зондские острова, Малакка и Сингапур – его родина; разводится он также на Цейлоне и островах Малайского Архипелага, а далее нейдет, и если, благодаря скорости современных морских сообщений, банан и манга получили известность иногда далеко за пределами тропиков, то рамбутан, как и мангустан, благодаря особенной их непрочности, доступны лишь для восточной половины экваториального пояса.

Папайя, описываемая обыкновенно под названием дынного дерева (*Carica Papaya*), принадлежит также к числу характерных плодов Сингапура.

Величиною в небольшую желтую дыню, чаще всего грушевидной формы, она съедается целиком, за исключением многочисленных семян, часто не доразвивающихся совсем у высших пород, что почитается большим достоинством. В незрелом состоянии плод ядовит; из надрезов его стенок обильно вытекает в это время густой, подобный молоку, сок, [494] богатый особым веществом, папанотином, который имеет способность размягчать, а затем и растворять мясо и белок круто сваренного яйца, почему называется также иначе еще растительным пепсином, от которого, впрочем, резко отличается своим химическим характером. Сок этот заключается в системе особых, микроскопически мелких, образующих сплошную сеть трубок, так называемых млечных сосудов (как и в головках мака, например, сгущенный сок которых дает опий). При созревании плода этот млечный сок исчезает, сосуды спадаются, плод становится безвредным, сладким и у высших культурных сортов слегка ароматным. Дерево, дающее эти плоды, замечательно также во многих отношениях: ствол его, чаще простой и неразветвленный, в пять-шесть лет достигает вышины 5-6 метров, оставаясь сочным и настолько мягким, что при небольшом усилии может быть срезан ножом; толщина его достигает при этом размеров поперечника руки взрослого человека. Вершина голого ствола украшена венцом крупных, глубоко вырезанных семилопастных, пальчатых листьев, как бы в виде гигантских рук, протягивающихся во все стороны на своих длинных черешках, а под самую вершину ствола, в виде мелких дынь или гигантских груш, висят, также на длинных ножках, многочисленные золотые плоды папайи.

Вообще растительность Сингапура поражает своею мощью, разнообразием и богатством чуждых нашему северному глазу форм, и на некоторых из них, наиболее типичных, нельзя не остановиться, так как ими именно определяется и самый характер города: как уже упомянуто, за исключением центральной торговой части, он тонет своими часто весьма разбросанными зданиями в густой экваториальной растительности, которая, впрочем, нередко сменяется очень неприглядными и, конечно, весьма вредными лужами стоячей болотной воды. За исключением таких неприглядных мест, прекрасно шоссированные улицы пробегают между нависшими густым сводом аллеями роскошных деревьев, позади которых, в европейской, т.-е. английской части города, тянутся везде, прямые как стрела зеленые как изумруд, живые ограды из низкорослого стриженного щеткою бамбука, отделяющего дома, расположенные в глубине прилежащих в дороге садов, от улицы.

Материалом для аллей служит уже упомянутая священная смоковница (*Ficus religiosa*), хлебные деревья: тару (*Artocarpus incisa*), с его как бы лакированными, глубоко вырезанными [495] листьями, и другой, менее ценный вид: нанга (*A. intergrifolia*). Громадные плоды хлебных деревьев, превышающие, особенно у первого, своими размерами вдвое и более голову взрослого человека, разрезанные на куски и испеченные в золе, вкусом действительно напоминают несколько плохой пшеничный хлеб и охотно употребляются в пищу туземцами. Громадные, отливающие серебром своей листвы при малейшем дуновении ветра, дурианы, с их оригинальными плодами также невольно привлекают в себе внимание путника-ботаника. Дуриан (*Durio Libethinus*), представитель семейства бавольниковых, *Bombaceae*, близких родственников наших мальв, *Malvaceae*, значит: покрытый иглами плод (*Duri* по-малайски острие, шип, *An* – покрытый). Диво растет он обильно на Борнео и западе Суматры, на родине оранг-утана, *Satyrus rufus*, представляя собою, как показал Уоллес, в незрелом состоянии предпочтительную пищу этого антропоида. Суданезы Суматры и даяки Борнео убеждены, что оранг-утан – убежавший в лес человек, притворяющийся немым, чтобы его не заставили работать.

Дуриан – большое, очень высокое дерево с широкою, но не особо теннистою вершиною. Листья у него очередные, черешчатые, удлиненно-овальные, суженные к основанию и верхушке, гладкие, сверху темно-

зеленые, снизу беловатые. Благодаря этой особенности, серебристо-сероватый оттенок листвы дуриана, преимущественно при ветре, дает возможность легко отличать его уже издали между другими деревьями, даже и при отсутствии весьма характерных плодов, вырастающих, как и некоторые другие (шоколадник, хлебные деревья), не на вершинах ветвей, а из основания их, или даже из самого ствола дерева, что и понятно: тяжесть плода исключает возможность обычного развития его в области верхушки ветви.

Плоды дуриана, сферической или продолговатой формы в зрелом состоянии, смотря по различию культурных пород, желтовато-зеленые, сероватые или красноватые, усажены сплошь очень острыми и твердыми деревянистыми шипами, нередко достигающими целого сантиметра длиной. Падая при созревании с весьма значительной высоты, плоды эти нередко наносят тяжелые повреждения домашним животным и людям. Известны случаи самой смерти при ушибах и ранениях имя головы и лица, что не мудрено при величине плода, почти достигающего размеров головы взрослого человека, его тяжести, высоте падения [496] и крайне тяжелых последствиях ранения кожи под экватором, особенно при отсутствии рациональной врачебной помощи.

Деревянистая, толстая оболочка усаженного шипами плода так плотна, что последний, благодаря густо торчащим во все стороны шипам, нельзя взять в руки и он может быть вскрыт только крепким большим ножом или маленьким туземным топориком, снабженным тонкою и длинною характерною рукояткою. При внимательном наблюдении можно заметить пят очень узких линий, расходящихся от ножки плода и снова встречающихся у его вершины. Здесь нет шипов, и линии эти – створки, по которым плод сам раскрывается на пять частей во время его зрелости.

Только по этим линиям и может быть вскрыт он ножом или топориком. При произвольном или искусственном вскрытии плода распространяется тотчас же очень сильный и резкий запах, весьма противный для непривыкшего. Всего ближе подходит он к запаху высших сортов свежей индийской вонючей камеди (*Asa foetida*), доставляемой в Бомбей из Кандагара под названием *Kandahari Hing* и употребляемой в Индии богатыми туземцами-мусульманами (не на ваш вкус, конечно) вместо приправы в мясным кушаньям.

Многие путешественники сравнивали и сравнивают запах дуриана с запахом загнившего лука или даже сероводорода. Это несправедливо; дуриан напоминает, конечно в более сильной степени, запах свежего чеснока, представляющий немалое сходство с запахом асафетиды вышеупомянутого индийского сорта. Запах этот так силен, что он резко обнаруживается в воздухе еще висящими на большой высоте на деревьях зрелыми и созревающими плодами дуриана, как в этом легко убедиться в конце июня, проезжая по улицам города между садами, в которых очень часто и обильно встречаются весьма любимые в Сингапуре, особенно малайцами и китайцами, дурианы. Сероводородом пахнут лишь загнившие, следовательно уже более несъедобные плоды. Благодаря своему сильному противному запаху, дурианы безусловно лишены права гражданства на борте почтовых пароходов: как только злополучный плод обнаружит на нем свое присутствие своим предательским запахом, он немедленно выбрасывается в море, так как обстоятельство это предусмотрено правилами. Познакомимся теперь с ним поближе. Каждый из пяти вышеупомянутых участков дуриан-плода представляется внутри в виде как бы белой или бело-розоватой лодочки, содержащей [497] два-три крупных бурых, овальных или почти сферических семени, величиною равняющихся семени конского каштана. Семена эти облечены особою сочною мясистою оболочкою, известною у ботаников под названием кровельки (*Arillus*). Оболочка эта белая, слегка красноватая или желтоватая, так сочна, что у плода вполне зрелого расплывается в полужидкую массу, имеющую плотность сметаны. Это единственная съедобная часть всего плода, которая как бы тает во рту, обнаруживая совершенно иной, действительно очень приятный, слабый и тонкий аромат и слабо маслянистый, едва острый вкус. Последний, как и запах съедобной мякоти, очень нежен. Во всяком случае, эти приятные вкус и запах не заглушают противного запаха вонючей камеди (или чеснока), столь характерного для дуриана. Для полноты знакомства со вкусовыми свойствами оригинального плода должно отметить, что достаточно очень немного насладиться дурианом, чтобы получить весьма продолжительное, не менее 12 часов, воспоминание о таком наслаждении путем последовательной сильной отрыжки чесноком.

Как уже упомянуто, туземцы и китайцы страстно любят дуриан. Европейцы к этому отношению делятся на два противоположные лагеря. Одни

говорят, что это нечто прямо невозможное, другие становятся столь же страстными поклонниками своеобразного плода, как и туземцы. Кто же прав? Думаю, увлекаются и те, и другие. Нельзя, конечно, согласиться с Уоллесом, почитающим дуриан первым из всех плодов экватора, могущим по своим качествам стать рядом с лучшим апельсином. В своем увлечении, знаменитый автор "Малайского Архипелага" упустил из виду даже мангустан, тогда как последнему несомненно принадлежит пальма первенства между экваториальными плодами.

Несомненно, что крайне резкий, большинству прямо противный, запах плода очень вредит и заглушает приятный, сладко-маслянистый и тонко ароматический вкус его съедомой, почти совсем жидкой, мякоти. Вкус этот очень хорош по разнообразию вызываемых им частностей самого ощущения, но описанию он не поддается. Это подтверждается всего нагляднее и лучше столь же подробным, как и неудачным, описанием самого Уоллеса.

Зато вполне поддаются описанию отрицательные стороны этого вкуса, а именно очень сильный запах чеснока, и упорная отрыжка им в течение целого дня, иногда и более. По мере того как вы привыкаете к дуриану, противный запах его [498] становится постепенно менее неприятным. Страстные поклонники плода – а таких встречается не мало между колониальными европейцами – говорят, что запах этот становится под конец даже приятным. Это, конечно, уже дело вкуса! В мае и июне 1891 года, в Сингапуре и на Яве, я не упустил случая, чтобы поскорее привыкнуть к дуриану, и говорю о нем теперь на основании некоторой личной опытности. К дуриану можно привыкнуть до известной степени, можно и должно отдавать справедливость его тонкому вкусу, но куда же девать сильнейший чесночный запах? Пусть обсудит читатель.

Между малайцами, китайцами, сунданезами и аванцами дуриан вдобавок ко всему слывет еще и как сильное aphrodisiacum, чего наука, по наблюдениям колониальных врачей, не подтверждает. Мнение это пользуется, однако же, полною верою между европейцами – неврачами. Вследствие всего вышесказанного понятно, что в виду как реальных, так и фиктивных свойств дуриана, плод этот многими колонистами-европейцами считается прямо неприличным. Поэтому неудивительно, что в индийских колониях

дуриан является нередко не только яблоком раздора в семье, но даже и предметом различных нескромных сплетней в обществе.

Возвратимся теперь в аллеям и городским насаждениям Сингапура: манги и рамбутаны, букеты гигантских, часто грациозно склоняющихся в разные стороны, бамбуков, усыпанные крупными ярко-красными цветками; большинству читателей хорошо знакомые, так называемые китайские розы (*Hibiscus Rosa sinensis*) здесь уже не скромные деревца в наших комнатах, а очень большие деревья, представляющие такой контраст своею густою листвою, с голым, т.-е. стоящим большую половину года без листьев, родственником, нашим старым яванским знакомым, называемым хлопчатобумажным деревом (Карок)- таков обычный материал городских аллей. Резким контрастом перечисленным густолиственным формам являются казуарины (*Casuarina equisetifolia*), высокие деревья, повислые ветви которых в общем напоминают наши плавающие березы, но этим сходство и ограничивается. Казуарины лишены того, что не ботаники признают за листья: молодые ветви их напоминают до известной степени стебли хвощей, а самое название казуарина было дано дереву по сравнению с гигантским казуаром, птицею, как известно, вместо перьев покрытою волосами, подобно тому, как и это дерево лишено листьев в обыкновенном смысле слова. [499]

Затем, неизбежные спутники человека на экваторе и в тропиках восточного полушария, пальмы: арека или по-малайски "пинанга" (*Areca Catechu*) и кокос, Клара или Kelapa (*Cocus nucifera*), и также вечно разорванные в клочки ветром, светло-ярко-зеленые громадные листья пизанга (бананы), с его конечными, пригибающимися к земле вершину сочного стебля, массами золотистых плодов,- дополняют картину выдающихся растительных форм Сингапура.

Особенно характерными являются затем также невозможные и неведомые в наших широтах, здесь же обычные и неизбежные, так называемые растения-эпифиты, часто неправильно причисляемые неботаниками к паразитам.

Эпифитами называются такие растения, которые нуждаются в других лишь в качестве опоры и места жительства. Проникая своим первичным корнем в ткани коры дерева, эпифит пользуется последним лишь для своего прикрепления. Питание почерпает он помощью листьев и много-

численных воздушных корней, не из соков дерева жертвы, как настоящие, здесь же тоже нередкие, паразиты, а из насыщенной водяными парами влажной атмосферы окружающего его воздуха.

То, что мы наблюдаем в миниатюре в наших орхидейных теплицах, дают нам здесь условия самой природы. У нас подвешенный под крышею теплицы на проволоке кусок обернутого мхом дерева служит скромным местом прикрепления свесившейся вниз ярко цветущей орхидеи жаркого пояса, например с того же Сингапура; здесь же гигантские стволы деревьев сплошь покрыты, нередко на высоту весьма значительную, эпифитными орхидеями и папоротниками, то блистающими яркою сочною зеленью своей изящно кружевной, мелко вырезной листвы, то поражающих причудливостью своих грубых гигантских листьев. В одних случаях папоротники эти напоминают собою громадные птичьи гнезда, откуда и научное название некоторых (*Asplenium Nidus*); в других же часть удлиненных кожистых листьев, превышающих размеры человеческого роста, поднимается параллельно стволу дерева, на котором поселился эпифит, прямо вверх, тогда как другая часть листьев, напоминающая очертаниями рога лося или северного оленя, спускается по тому же стволу на землю с высоты двух и даже более метров (*Platyserium grande*). Аройники с их лопастными листьями (*Phylodendron* и проч.) и причудливые ярко-цветущие орхидеи еще более разнообразят эту живую роскошную декорацию ствола служащего им жилищем дерева, являя [500] собою, вместе с папоротниками и некоторыми другими эпифитными формами, неисчерпаемый источник живых декораций, которыми так неистощимо и разнообразно убирает здесь природа каждый ствол и даже почти каждый деревянный древесный сук!

Из украшающих садовых растений Сингапура следует отметить в качестве выдающихся по их красоте и оригинальности мадагаскарскую равеналу (*Ravenala Madagascariensis*), ближайшую родственницу пизанга или банана. Это гигантское сочное, травянистое растение, голый ствол которого, в руку толщиной, при высоте 5 и более даже метров, оканчивается венцом двурядно расходящихся, также гигантских, ярко-зеленых и также всегда изорванных ветром, как и у родственника пизанга, листьев. Длинные черенки их оканчиваются расширениями в виде влагалищ, охватывающих ствол и образующих глубокие желоба, в которых скопляется дождевая вода. Последнею пользуются для утоления жажды туземцы Мадагаскара –

откуда и общераспространенное популярное название растения "деревом путешественников". Под ним именно известно оно также и на Цейлоне, Яве, как и в Сингапуре. Весьма любимы здесь также (как в Коломбо и Батавии) большие деревья с мягко округленными густыми вершинами их очень светлых, зеленовато-желтых, в вершинах ветвей почти белых, крупных и сочных листьев: это так называемое салатное дерево, *Lettuce tree* англичан (*Pisonia morindifolia*), кроме цвета листьев, с нашим салатом латуком ничего общего не имеющее. Любимым и очень эффектным ползучим растением, употребляемым для закрытия веранд, стен домов, киосков и оград, является *Boagainvillea spectabilis*, родом из Бразилии, но здесь вполне нашедшая свое второе отечество. Сплошной зеленый ковер ее является испещренным обильными массами ярко-фиолетовых цветков, как покажется на первый взгляд. На самом деле, однако же, это не цветки, а верхние листья, так называемые прицветники ботаников, в углах которых помещаются мелкие и неприглядные беловатые цветочки, издали совершенно подавляемые яркою окраскою и крупными размерами своих прицветников.

Ботанический сад Сингапура, расположенный на одной из окраин города, принадлежит к числу выдающихся как по своим научным, так и по декоративным достоинствам. Прелестные группы и одиночные экземпляры замечательнейших по красоте, изяществу форм и редкости деревьев и кустарников [501] разбросаны здесь среди зеленых газонов, содержимых безукоризненно. Превосходно шоссированные дороги и дорожки для экипажей, всадников и пешеходов, обширный пруд, охваченный кольцом роскошнейшей древесной чащи – все это делает ботанический сад любимым местом катанья и прогулок высшего общества Сингапура в тот краткий период дня, который предшествует солнечному закату, между 5 1/2 и 6 часами пополудни.

В шесть часов день внезапно и сразу сменяется уже глубоким мраком, так что экипажи, въехавшие в сад при полном ярком блеске солнца, прежде чем оставить сад, должны зажигать свои фонари, чтобы продолжать или окончить предшествующую обеду прогулку в темноте охватившей их внезапно ночи. Прибавим, что время визитов отводится здесь промежутку между 5-7 часами вечера. Было бы не только верхом неприличия, но даже и прямой невозможностью предпринять это раньше, так как после

второго завтрака, от 12 до 1 часа дня (первый рано утром), все должны, свободные от оболочек и покровов, возлежать, если не спать, под знакомыми уже нам "мустикерами", на своих широчайших тропических ложах, обыкновенно до 4 или даже 5 часов пополудни.

Пруд сада также невольно приковывает к себе внимание. На зеркальной поверхности его широко и привольно раскинулись, подобно плоским чашам, ярко-зеленые, гигантские (до 2-х метров наибольшего поперечника) листья царственной виктории Южной Америки (*Victoria regia*), во время моего первого посещения Сингапура, в 20-х числах марта, бывшей в полном цвету. Снежно-белые в одних, ярко-розовые в других случаях (смотря по возрасту), крупные цветки ее возвышались между сегментами края листа и представляли великолепный вид. Виктория, быть может, самое аккуратное растение в мире. Цветочная почва ее поднимается по мере своего развития из воды постоянно так, что цветов оказывается как раз между двумя относительно короткими лопастями вырезки края листа. При расцветании снежно-белая цветочная почка остается полураспустившеюся и без дальнейших изменений 24 часа, затем, распускаясь окончательно еще через сутки, она становится уже бело-розовою, тогда как основания многочисленных лепестков цветка принимают теперь светло-малиновую окраску и полосы. Рядом с этою представительницею противоположной, западной половины жаркого пояса красуются: изящный белый и розовый [502] египетский (*Nymphaea Lotus*) и столь же священный в Индии, как первый был в древнем Египте, индийские лотосы (*Nelumbo speciosum*), также белый и розовый. Листья первого, напоминающие листья наших кувшинок (обыкновенно и совершенно неправильно называемых белыми и желтыми водяными лилиями), плавают на воде; у второго они возвышаются над нею и достигают значительно больших размеров. Лотос, неизбежная принадлежность браманского и буддийского богослужения – один из священнейших символов этих религий: согласно священным преданиям браманитов (принимаемых также и последователями Будды), мир произошел так. На волнах океана вечности появился цветок лотоса. Тогда будущий творец богов и людей, великий Брама, заключил себя внутри яйца, покоившегося на дне цветка этого лотоса, и долго пребывал там неподвижным, пребывал до тех пор, пока внутри его не созрело "желание", впоследствии ставшее самостоятельным подчиненным божеством – так явился на свет Кама, бог люб-

ви, вожделий и страстей. Желание возбудило в Бrame потребность освобождения из яйца. Тогда силою божественной воли оно расколосось на две равные половины: нижняя, окруженная океаном, стала землею, на нем плавающей; верхняя половина яйца превратилась в опрокинутый над землею небесный свод. Затем создал Бrama великих Вишну, охранителя, и грозного Сиву, разрушителя, но в то же время и жизнеподателя в качестве представителя оплодотворяющей и возбуждающей к новой жизни мужской силы. Этим божествам предоставил Бrama управление вселенною. Согласно таким воззрениям, современные последователи браманизма разделяются на поклонников Сивы и Вишну: сивантов и вишнуитов, так как сам верховный Бrama слишком велик и недоступен для непосредственного участия в судьбе и ничтожных делах созданных им людей.

Таково значение лотоса в космогонии браманитов и буддистов. Религия последних является (и в этом залог ее успеха и преобладания над послужившим ей исходною точкою браманизмом) живым протестом против безучастно-высокомерного невмешательства верховного божества в судьбу страждущего человечества, рядом неизбежных возрождений, карательного характера (переходом души в низших и нечистых животных), привязанного к роковому "колесу судьбы" и тяжелых скорбей без указания возможности успокоительного пути спасения. Как ни мало дает буддизм сам по себе, все же при таких условиях и это малое оказывается многим: он дает искомый пут, [503] цель которого – Нирвана, освобождение души от вечных мытарств роковых перерождений, на которые осуждает ее браманизм.

Краткосрочность моего хотя и тоекратного пребывания в Сингапуре не дала мне возможности ступить на материк задней Индии, во владения султана Джогора, несмотря на полную готовность содействия в этом направлении нашего консула, моего радушнейшего и гостеприимного хозяина. Тем с большим удовольствием воспользовался я предложением А. М. В – а посетить в конце июня одну из окрестных плантаций города, принадлежавшей местному старожилу, французу Chassairiaux. Этим путем была дана возможность хотя до некоторой степени познакомиться с условиями жизни на острове вне города.

Рано утром, в щегольском экипаже, запряженном парюю породистых, крупных вороных Австралии, выступили мы в поход на плантацию, отсто-

явшую от города в немногих милях (около часа хорошей быстрой езды). По прекрасному шоссе выехали мы из города; путь лежал между европейскими дачами, вскоре сменившимися малайскими хижинами и индийскими мазанками, терявшимися среди обступивших их плантаций пизангов, окруженных хлебными деревьями, папаями, дурианами, зрелые плоды которых, несмотря на высоту самых деревьев, наполняли атмосферу своим характерным чесночным запахом, мангустанами и рамбутанами, склонявшими свои ветви под тяжестью бесчисленных плодов. Высоко поднимались над этими деревьями прямые, как стрела, тонкие и стройные, кольчатые стволы пальмы арека, оканчивающиеся короткими, как бы обстриженными, султанчиками своих пяти-шести темно-зеленых листьев, тогда как, наоборот, молодые кокосы широко раскидывали в стороны перистый светло-зеленый венец своих 12-15 листьев над невысоким, еще прямым, но уже несущим золотисто-коричневые орехи стволом. Кокос начинает давать здесь плоды уже с 7-го, даже 6-го года жизни, иногда и ранее. Жилище нашего хозяина, его бенгалу (bungalow), представляло собою обычный тип сельского дома английских плантаторов. Прежде чем отправиться показывать свое хозяйство, Chassairiaux, очень бодрый и энергичный старик, лет около 70-ти (по имеющимся у меня сведениям, он умер в 1892 году в Адене, на пути в Европу), угостил нас превосходными мангустанами, которые мы с удовольствием запили прохладною "водою" только что сорванных кокосовых орехов.

Кто не читал о так называемом кокосовом молоке, этой [504] необходимой принадлежности житейского обихода жаркого пояса, – и как мало однако же между такими читателями лиц, которые знали бы, насколько неверно такое название! "Клара-ауер", вода кокоса – вот настоящее, соответствующее истине, название этой жидкости. Семянное ядро созревающего, но еще далеко не достигшего зрелости, кокоса состоит из относительно тонкого, снежно-белого, плотного наружного слоя, своим нежным вкусом напоминающего лучший миндаль, и слоя внутреннего, рыхлого и нежно-волокнистого, на вкус сладковатого. Этим внутренним слоем ограничивается центральная, выполненная прозрачною бесцветною жидкостью, полость семени. Жидкость эта и представляет собою то, что туземцы зовут "кокосовою водою"; ее они пьют, а два вышеописанные слоя сеянного ядра едят прямо или готовят из него различные кушанья, которые могут

быть подчас так же мало привлекательны в смысле гастрономическом, как разнообразны численно.

Орех, достигший пределов своего нормального роста, но еще не созревший, содержит в себе более двух больших стаканов воды. Это – прозрачная, едва опалесцирующая жидкость. Ее-то и называют неправильно кокосовым молоком, потому что в орехах, давно сорванных и долго лежавших, она, становясь непрозрачной, действительно принимает вид молока, получая при этом неприятный запах и прогорклый вкус – в таком состоянии она, понятно, уже негодна более к употреблению и в таком виде именно прибывают содержащие ее орехи в порты Европы, подтверждая ошибку самого названия.

Только что снятый с дерева, надлежащего возраста, кокосовый орех срезывается у своего верхнего заостренного полюса ножом, – мягкость еще не одревеневшей стенки его это позволяет. Теперь остается только разлить по стаканам воду, и все готово! На первый раз слегка сладковатая жидкость кажется несколько приторною, но замечательная свежесть, дающая чувство приятной и столь желательной при томящей жаре прохлады, быстро мирит с этим неудобством, тем более, что прибавка одной или двух чайных ложек портвейна, хереса или коньяку совершенно устраняет приторный вкус кокосовой воды, которая по своему содержанию сахара и белка представляет собой не только средство для утоления жажды, но до известной степени и питательный материал вообще.

Цель моего посещения Chassairiaux была его плантация так называемого либерия-кофе. Кофе обыкновенно получается от растения, известного в науке под названием *Coffea Arabica*, [505] хотя родина его – Абиссиния. Паразитный микроскопический грибок, *Hemileia vastatrix*, в настоящее время уничтоживший значительную часть кофейных плантаций Цейлона, проникший на Яву и Сингапур, является страшным бичом плантаторов. Болезнь выражается появлением на листьях пораженных растений желтых, впоследствии чернеющих пятен, в которых микроскоп обнаруживает присутствие оранжевых телец, так называемых спор, служащих для размножения паразита и его грибных нитей. Пораженный болезнью куст теряет листья, почти перестает цвести, ягоды его сохнут и опадают задолго до созревания, куст гибнет, зараза быстро охватывает всю плантацию, неизбежная участь которой – полная гибель. Вот почему характерное название

"кофейной чумы", против которой до сих пор не найдено никаких средств, вполне соответствует печальной действительности.

Либерия-кофе, родина которого западная Африка, в стране того же имени (Либерия, как известно, лежит в 5-6° сев. широты, между Сиерра-Леоне и страной Ашанти), отличается несравненно более крупными размерами самого дерева, его листьев, цветков и ягод и, что особенно важно, страдает относительно мало от кофейной чумы. Кроме того, либерия-кофе отличается своими высокими качествами, как я в том лично мог убедиться на Яве и в Сингапуре, продается всегда по высоким ценам, и в настоящее время распространение его на Цейлоне, Яве и Сингапуре является вопросом дня, тем более, что сладкую, богатую сахаром мякоть красно-бурых ягод, вдвое более крупных, чем у кофе обыкновенного, прежде пропадавшую без всякой пользы при очистке так называемых "кофейных бобов", т. е. семян, из которых состоит продажный товар, теперь начали утилизировать для получения винного спирта, столь дорогого и плохого вообще в жарком поясе. Неудивительно поэтому, что я с живейшим интересом собирался осмотреть обширную плантацию либерия-кофе на Сингапуре.

В 9 часов утра выступили мы в поход на плантацию, раскинувшуюся по соседним холмам и занимавшую несколько сот акров. Был подан очень своеобразный экипаж, нечто в роде нашей старинной линейки, очень низкий на ходу и запряженный весьма почтенным ветераном: крупным австралийским вороным конем. Консул, я и хозяин уселись как могли удобнее; последний взял вожжи; малаец в саронге, подавший экипаж, пошел позади и шествие торжественно и [506] медленно тронулось со двора. Дорога поднималась исподволь, но постоянно в гору, по ровному зеленому лугу.

Естественные луга, в нашем смысле слова, в тропиках восточного полушария так же невозможны, как у нас пальмы на открытом воздухе. Там нет общественных растений вообще и наших невысоких злаков в частности, представляющих собою неизбежные условия существования всякого луга. В садах ровные зеленые лужайки – продукт посева райграса и некоторых других трав Европы. Естественно, что меня заинтересовало знакомство с лугом Сингапура, несомненно, самородным; я сошел с линейки и встретился с явлением, уже достаточно знакомым по Цейлону и Яве. Луг состоял из сплошных масс стыдливой мимозы (*Mimosa pudica*), нежного травянистого растеньица, не превышавшего здесь 30-40 санти-

метров, с его двукратно-перистыми листочками и небольшими головками розовых соцветий, которые не-ботаники так охотно сравнивают с кругло обрезанными розовыми шелковыми кисточками. Стыдливая мимоза – дочь Бразилии и Гвианы, но она одичала и вполне акклиматизировалась на Цейлоне, Сингапуре и Яве, занимая сплошными массами всякую сколько-нибудь для нее подходящую почву, с которой вытесняет другия растения.

Как известно, она отличается необычайною раздражительностью листьев,- раздражительностью, которая прямо пропорциональна силе солнечного освещения и тепла; короче, растение является здесь несравненно более чувствительным, чем даже летом в наших оранжереях.

При малейшем прикосновении, не говоря уже о прямом давлении, листочки, смотрящие горизонтально в стороны, складываются друг с другом и ложатся вдоль своих вторичных черешков, тогда как общий первичный черешок листа, до сих пор отстоявший от стебля горизонтально, также обвисает беспомощно прямо вниз. Такое состояние листа продолжается тем долее, чем сильнее было раздражение растения; затем он мало-по-малу возвращается к своему первоначальному положению. Здесь одиночный опыт ботанических лабораторий с мимозою повторяется вами в грандиозных размерах невольно. По мере того, как вы идете по лугу мимозы, раздражение растений ногами, тростями и зонтиками предшествует идущему и передается растениям соседним. Быстрое складывание листочков и опускание самых листьев вызывают особые волнообразные переливы оттенков зеленого ковра мимозы, которые до известной степени напоминают переливы волнуемых [507] ветром наших полей только что выколосившегося ячменя, ржи или пшеницы, с тою разницею, что здесь явление это наблюдается при полной неподвижности подавляющей своею духотою атмосферы.

Рядом с луговинами мимозы попадались участки, сплошь заросшие бичом Сингапура и Явы, высоким, достигающим местами до двух метров, жестким, грубым и ни на что негодным злаком, известным под туземным названием "аланг-аланг". Злак этот, ближайший родственник сахарного тростника, называется в науке *Saccharum (Imperata) Koenigi*. Свойственный горным местностям Явы и Малакки, он неизбежно завладевает всякою возделываемою и затем брошенною землею, поселяясь также и на местах выжигаемых лесов.

Аланг-аланг – одна из величайших бед земледельца этих стран. Систематические выжигания не приносят пользы, так как далеко и глубоко расползающиеся под землю корневища дают обильные отпрыски, а мельчайшие, снабженные волосками, плоды рассеиваются повсеместно и на далекие пространства. Насколько безотрадными являлись участки земли, заполненные аланг-алангом, настолько привлекательны и красивы были правильные ряды кустов самой кофейной плантации, с их большими кожистыми, как бы лакированными листьями, белыми, крупными, видом и чудным запахом напоминавшими жасмин цветками и многочисленными, созревающими и уже созревшими, красно-буроватыми крупными ягодами.

На обратном пути пришлось пережить не особенно приятный, но на Сингапуре весьма обычный эпизод.

Под влиянием возрастающего жара – было уже около 11 часов утра – мы медленно подвигались в своем низком, оригинальном экипаже обратно к усадьбе; вдруг Chassairiaux быстро остановил лошадь. В двух шагах от нее медленно и лениво переползала дорогу почти черная "кобра", темная разновидность стол страшной своим безусловно смертельным укушением серой очковой змеи (*Naja tripudians*): "Attention, messieurs! Voila le cobra noire qui passe; il n'aime pas a se voir deranger en chemin. Place, place a monseigneur!"

И вот, как бы в подтверждение только что сказанного, змея остановилась на дороге и, медленно приподняв голову, стала смотреть на нас. Кобра не была для меня, конечно, новостью: представления заклинателей змей, где фигурирует именно она, успели надоесть в свое время в Коломбо и Канди; случалось также видеть не раз и только что убитых кобр в [508] знаменитом ботаническом саду Цейлона, "Перадении". Но там дело обстояло иначе: мертвые, конечно, в счет не шли, а живые были совершенно безвредны; заклинатель змей, отправляясь на практику, дразнит предварительно посаженную в закрытую корзинку змею, заставляя ее долго кусать подставленный клубок шерсти. Истратив весь запас накопившегося в железах ее зубов яда, змея на известное число часов становится вполне безвредною. Заклинателю путем эмпирического опыта хорошо известен тот период времени, в течение которого он может безнаказанно проделывать со страшною коброю свои штуки, обвивать ею свою шею, прятать за пазуху и так далее. Не то было здесь: наши ноги находились менее чем на

пол-аршина от земли; кобра, очевидно, вполне свежая, была в двух шагах. Момент, во всяком случае, неприятный, но все обошлось благополучно. Змея лениво и как бы нехотя переползла дорогу. Мы поехали дальше, вернулись в усадьбу, поблагодарили хозяина и без всяких дальнейших приключений возвратились в город.

Описание последнего заключало бы в себе, однако, существенный пробел, если бы я не упомянул о его временных, но тем не менее не особо редких посетителях – тиграх.

Такой случай произошел именно, среди белого дня, во втором часу пополудни, 23 марта 1891 года, как свидетельствуют сохраняющиеся у меня вырезки местных газет. Дело в том, что на самом острове постоянно держатся один или иногда несколько тигров, переплывающих пролив, который отделяет остров Сингапур от материка Малакки километра на два. Тигры эти, между прочим, охотятся на домашних животных, преследуя в особенности собак, составляющих их любимейшее лакомство. Собаки, в свою очередь, страшно боятся тигра, почуяв которого поднимают отчаянный вой. Вторым любимым лакомством для тигра являются одиночно работающие на плантациях китайцы, тогда как на индусов и малайцев нападения случаются реже. Бродя по острову, тигр часто подходит в окраинам города. Густо заросшие пустыри между отдельными редкими зданиями служат ему хорошим прикрытием и убежищем, откуда по временам он делает и более дерзкие вылазки.

Результатом последних бывают облавы местных немородов-англичан. Большие сборы, торжественные приготовления и солидная выпивка являются обыкновенно началом и конечным исходом таких охот, потому что тигр всего чаще [509] благополучно уходит лишь подальше от города, или, в крайнем случае, переплывает обратно на Малакку, чтобы вернуться снова на остров, как только прекратится беспокоивший его безвредный шум охотничьего похода.

Случай 23 марта 1891 года произошел при таких условиях. На одной из окраин города, в доме, принадлежащем одному англичанину, в половине 2-го часа дня собаки вдруг подняли на дворе отчаянный вой, привлекая на себя внимание малайца-водоноса. Войдя в кухню, помещавшуюся в нижнем этаже, водонос нашел в ней вместо повара тигра, который преспокойно, с большим куском мяса в пасти, чинно и важно последовал в

дверь мимо его и исчез, унося весь материал, предназначавшийся для обеда семьи домовладельца.

Такой дерзкий поступок произвел общую сенсацию: мужчины заговорили об облаве, дамы волновались в виду слишком сильно затронутых интересов экономических и даже личной безопасности.

Беседуя по этому случаю со своим поваром-китайцем о необходимости соблюдения известных мер предосторожности и указывая ему на всю их важность, так как дом, посещенный тигром, находился очень недалеко от жилища нашего консула, Б. О. В-а получила, однако же, следующий характерный ответ: "Я три года служил там поваром и каждый год, один раз по крайней мере, приходил туда тигр: он привык к дому, вот и все; а к нам, не беспокойтесь, не пойдет, да и вы бы так об этом не тревожились, если бы подобные известия каждый раз попадали в газеты!"

Этим характерным эпизодом городской жизни закончу я мои воспоминания о Сингапуре.

Владимир Тихомиров. Москва

Сингапур // Вестник Европы. – № 8. – 1894. – С.461-509.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ЦЕНТРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.	8
1.1. Филиппины, Сингапур и Бирма в системе мировой торговли в XVIII веке	10
1.2. Экономическое положение Камбоджи в XVIII – первой трети XIX в. и ее внешнеторговые связи	13
Глава 2. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В СИСТЕМЕ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ И ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ...	18
2.1. Сиам в первой половине XIX века и его внешнеторговые связи	18
2.2. Внешнеторговые связи Бирмы и Россия в первой половине XIX века	24
2.3. Филиппины в сфере внешнеторговых интересов Российской империи в первой половине XIX в.	25
Глава 3. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В ОРБИТЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	32
3.1. Камбоджа и ее внешнеторговые связи во второй половине XIX века	32
3.2. Торговые связи России и Сиам во второй половине XIX века ..	34
3.3. Французский Индокитай, Британские владения в Малайзии и Индонезия в мировой торговле	43
3.4. Сингапур во внешнеторговой стратегии Российской империи во второй половине XIX века	46
3.5. Внешнеторговые отношения Бирмы и попытки установления прямых торговых связей с Россией	55
3.6. Внешняя торговля Филиппин во второй половине XIX века	68

3.7. Япония и Юго-Восточная Азия во второй половине XIX века: расширение внешнеторговых связей	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	80
Источники	80
Литература	81
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В РИСУНКАХ И ФОТОГРАФИЯХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	90
ПРИЛОЖЕНИЯ	131
Из записки русского генерального консула в Нью-Йорке А.Е. Оларовского о Дальнем Востоке	131
Из инструкции МИД России А. Е. Оларовскому при назначении его русским поверенным в делах и генеральным консулом в Таиланде	135
Вышеславцев А.В. Малайское море	141
Тихомиров В. Сингапур. Очерки и воспоминания кругосветного плавания	148

Научное издание

Владимир Николаевич Шкунов

**Внешняя торговля стран Юго-Восточной Азии
и торговые интересы России в XVIII – XIX вв.**

Печатается в авторской редакции

Директор Издательского центра *Т.В. Филиппова*
Подготовка оригинал-макета
и дизайн обложки *М.А. Водениной*

Подписано в печать 27.12.2014. Формат 60x84/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 9,9.
Тираж 500 экз. Заказ №195/

Оригинал-макет подготовлен в Издательском центре
Ульяновского государственного университета
432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

Отпечатано с оригинал-макета в Издательском центре
Ульяновского государственного университета
432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42